

Рудольф Штейнер
Карма профессий
в связи с жизнью Гёте

GA 172

Космическая и человеческая история
том 3

*10 лекций, прочитанных в Дорнахе
с 4 по 27 ноября 1916 года*

библ. №172

Перевод с немецкого

1-8 лекции - А. Демидов

9-10 лекции - И. Меликишвили

Редакция - А. Демидов

Корректурa - Р. Идлис

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 4 ноября 1916 г.	4
Жизнь Гёте как духовное явление, и её отношение к нашему времени ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, 5 ноября 1916 г.	26
Ритмы жизни Гёте ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ, 6 ноября 1916 г.	43
Связь душевно-духовного с физическим во сне и при бодрствовании. Как бытие животных воткано в паутину мировой мудрости. Соотношение творческой и профессиональной деятельности человека с общей эволюцией Земли. Якоб Бёме. ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ, 12. ноября 1916 г.	64
Преобразование профессиональной жизни в начале нового времени. Профессиональная деятельность как зародыш дальнейшей эволюции мира. ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 13 ноября 1916 г.	80
Профессия и служба. Психоанализ. Формирование жизненной судьбы в отношении к повторным земным жизням. Члены человеческого существа в их отношении к карме профессий. ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ, 18 ноября 1916 г.	93
Исследование симптоматики цепных взаимосвязей судьбы: Фридрих Теодор Фишер, Макс Айф, «Советник Айзенхарт» Альфреда фон Бергера СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, 19 ноября 1916 г.	106
Импульсы наследственности и импульсы более ранней земной жизни. Джон Стюарт Милль и Александр Герцен. Действие оккультных братств. Блаватская и Теософское Общество. Ку-Хунг-Минг. Энциклика от 1864 г. ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, 25 ноября 1916 г.	129
Жизнь Галилео Галилея в свете проблемы судьбы. «Истинный возлюбленный судьбы» Альберта Стеффена ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 26 ноября 1916 г.	147
Отношение человека к иерархиям. Как заблуждения человека провоцируют разрушительные силы из космоса. Лишение слова божественности. Как может современный человек найти путь ко Христу? Джеймс Уатт. Современная техника как демоническая магия. ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 27 ноября 1916 г.	162

Культ предков, политеизм, монотеизм и Мистерия
Голгофы. Люцифер и тайна Луны. Митра и Христос

ПРИМЕЧАНИЯ

К настоящему изданию

Примечания к тексту

Список имен

Подробное содержание

Рудольф Штейнер о печати лекций

Обзор произведений Рудольфа Штейнера

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 4 ноября 1916г.

Завтра я начну говорить о проблеме, которую я уже обозначил: о связи духовнонаучного импульса с некоторыми не выявленными задачами нашего времени и о влиянии, которое должна оказывать духовная наука на отдельные сферы, а именно на научные проблемы. Затем, как я уже говорил, мне хотелось бы указать на то, что в смысле пятого послеатлантического периода мог бы назвать кармой профессий человека.

Сегодня в качестве исходного пункта я возьму нечто вполне обозримое, однако, именно в виду обозримости, явности, мало связанное с другим. Впрочем, этот исходный пункт предоставит возможность для иных точек соприкосновения. Точнее, сегодня я попытаюсь показать в жизни Гёте то, что особенно характеризует Гёте как личность пятой послеатлантической эпохи. При этом снова прозвучит кое-что из того, на что я уже указывал, особенно в последнее время. Мне единственно хотелось бы провести перед вашими душами ряд фактов, относящихся к этой личности, тех фактов, которые дали бы каждому возможность с фактической стороны характеризовать для себя важнейшие явления восходящего пятого послеатлантического периода. Является ли жизнь и личность Гёте столь всеобъемлющими и определяющими по отношению к духовным деяниям человечества? И с другой стороны, нельзя ли сказать, что эта жизнь и личность Гёте остаются, насколько это возможно, безрезультатными для жизни вплоть до наших дней, несмотря на то, что произошло столь многое? Но это связано с особенностями нашей новой культуры в целом. Можно сказать: да как же вообще можно утверждать, что жизнь Гёте оказалась безрезультатной? Разве его труды неизвестны? Разве недавно не появилось издание трудов Гёте, состоящее из сотен томов? Разве число писем Гёте, опубликованных на переходе от девятнадцатого века к двадцатому не составило шесть-семь тысяч, а сегодня их количество разве не исчисляется, чуть ли не десятками тысячами? Разве нет богатейшей литературы о Гёте, можно сказать, почти на всех языках культурного мира? Разве его труды не цитируются всё снова и снова? А самый главный его труд, «Фауст», разве не проходит снова и снова перед душами людей?

В последнее время я многократно демонстрировал заблуждение одного нового крупного учёного, которое в

гораздо большей степени, нежели это себе представляют, симптоматично для нашего времени. Один крупный естествоиспытатель нашего времени, естествоиспытатель, задающий тон, хочет говорить о значении естественнонаучного мировоззрения в наше время, так, словно считает это естественнонаучное мировоззрение наиболее блестящим и совершенным не только по отношению нашему времени, современности, но и ко всем временам развития человечества. Он выдвигает тезис: пусть трудно доказать, что мы живём в наилучшем из миров, зато естествоиспытатель по крайней мере может быть уверен в том, что мы, люди современности, живём в самое лучшее время, и Гёте, великий знаток мира и людей выразил это следующими словами:

...разве мы не с радостью следим
 За духом времени, – за много лет пред нами
 Как размышлял мудрец, и как в сравненье с ним
 Чудесно далеко продвинулись мы сами?
 (перевод Холодковского)

Этот крупный естествоиспытатель допускает ошибку, считая, что, выразив свою сокровенную точку зрения, он может примкнуть к Гёте, великому знатоку мира и людей: на самом деле он примыкает только к Вагнеру, образ которого Гёте противопоставляет образу Фауста. И хотя в такой ошибке содержится изрядная доля честности, свойственной нашему времени, тем не менее, этот человек говорит так же, как и множество людей, цитирующих сегодня Гёте: у них на устах «Фауст», на деле же, они выражают честную, неподдельную точку зрения Вагнера. А теперь давайте в качестве основы для рассмотрения проведём перед взором жизнь Гёте как духовное явление.

Вы знаете, что Гёте родился в городе при обстоятельствах, которые обнаруживают свою значительность для жизни Гёте, если мы хотим изучать связь человеческой жизни с великими вопросами судьбы, вопросами кармы. В 17 веке семья отца Гёте перебирается во Франкфурт на Майне. Семья матери осела там давно, и, проследив эту материнскую фамилию во Франкфурте на Майне, мы увидим, что бургомистры Франкфурта избирались из фамилии Текстор, то есть по материнской линии Гёте, что свидетельствует о престиже этой материнской фамилии во Франкфурте. Отец Гёте был человеком, проникнутым чувством долга, и в то же время человеком имевшем для того времени далеко идущие интересы. Он даже путешествовал в Италию, все стены его патрицианского дома

во Франкфурте были увешаны картинами, изображавшими значительные события римского мира, он охотно говорил на эти темы. Что же касается культуры тогдашнего времени, которая в тогдашней жизни Франкфурта была целиком и полностью проникнута французской культурой, то дело обстояло так, что дом Гёте был связан с нею самым теснейшим образом. В этом доме Гёте разыгрывались великие мировые феномены, и отец Гёте проявлял к ним внутренний интерес. Мать Гёте изначально была женщиной гуманистического склада, она, можно сказать, принимала самое непосредственное участие во всём, что как легендарный, сказочный элемент включается в натуру человека, что подобно крыльям поэтического, склонного к фантазии настроения возносит человека над повседневностью.

В большей степени, чем человеку нашего времени, у Гёте была возможность вырасти, не будучи обманутым тем течением, которое в наше время выявляется куда сильнее, чем в прошлом, тем течением, которое возникает из-за того, что человека в сравнительно ранние годы затягивают в школу. Гёте не пришлось втянуться в школу, но он мог свободно развиваться в родительском доме: он развивался чрезвычайно свободно, под влиянием строгого, но не грубого отца, под влиянием поэтически настроенной матери. Он развивался так, что в более поздние годы он мог вспоминать свои мальчишеские, детские годы с внутренним удовольствием, ибо он развивался в истинно человеческой, гуманистической среде. Некоторые вещи, о которых мы читаем в «Поэзии и правде», и к которым сегодня относятся с педантичным юмором, имеют всё же гораздо большее значение, чем это обычно полагают. Когда Гёте сам рассказывает о том, как он обучался игре на клавесине, это является указанием на глубокие человеческие связи; тут перед нашими глазами разыгрывается нечто мифическое, различные пальцы руки становятся некими самостоятельными фигурами, большой палец, указательный палец одушевляются. Можно сказать без сантиментов: большой палец, указательный палец обретают некое мистическое отношение к звукам. Это свидетельствует о том, что Гёте должен был быть введен в жизнь как цельный человек. Не односторонне, не как часть человека, что обычно часто случается, – а именно, оказывается введённой, задействованной голова, а затем, когда голова хочет поддержки, задействуется и остальное тело с помощью всевозможных видов спорта, физкультуры, – нет, тут в

отношение с внешним миром должно было вступить полностью одухотворенное человеческое тело.

При этом мы должны учитывать задатки и природу Гёте, с самого начала указывающие на исключительную индивидуальность. Всё с самой ранней юности указывало на определённое направление жизненного пути. Он был одинаково склонен то самозабвенно вслушиваться в грациозные, возбуждающие сказки матери и, благодаря этому, уже мальчиком предаваться игре фантазии, то, если это удавалось, ускользать от взора матери и особенно, надзора строгого отца; бродить по тесным переулкам и не только наблюдать там всевозможные жизненные ситуации, но и самому рано становиться их участником: при этом рано живо ощущать, живо чувствовать то, что отлагается в человеческой карме. Отец, строгий человек, можно сказать, естественным образом направлял мальчика к тому, что, по тогдашним воззрениям, единственно могло дать ему правильную установку и направление в жизни. Отец был юристом, воспитанным в романских представлениях, проникнутый романским умонастроением: этим романским юридическим настроением он пронизывал и душу мальчика. Однако при этом в мальчишеской душе при созерцании римских образов, римских произведений и сокровищ искусства зажигалось известное стремление ко всему, созданному римской культурой. Всё способствовало тому, чтобы совершенно определенным образом поставить Гёте в жизнь своего времени. Благодаря этому он, – я бы сказал в третьем по четвертое столетия пятого послеатлантического периода – стал личностью, которая несла в себе все импульсы восходящего пятого послеатлантического периода. Он – в некотором смысле рано – стал личностью поставленной на самой себе, личностью, живущей, исходя из самой себя, а не из того, что застывшем, педантичным образом связывает человека с известными формами, которые принудительно воздействуют на него из тех или иных социальных отношений. Он изучал эти социальные отношения так, что они хотя и касались его, но не приковывали к себе. Его хранила некая изолированная позиция, стоя на которой он получал доступ ко всем отношениям, но не срастался с ними так, как срастаются с окружающими их обстоятельствами в раннем возрасте многие люди. Всё это, конечно, было следствием особо благоприятной кармы. Но если мы объективно рассмотрим эту карму, нам удастся разрешить многие важные кармические вопросы и проблемы.

Затем, после того как отец ознакомил его с юриспруденцией, Гёте поступил в Лейпцигский университет. Это произошло в 1765 году, то есть в относительно раннее время жизни этого Лейпцигского университета. Нельзя забывать, как вступил он в эту жизнь Лейпцигского университета: не измученным и измождённым теми трудами, которые молодые люди нашего времени должны предпринять в свои более поздние годы жизни, чтобы стать абитуриентом, а затем, завершив абитуриентскую подготовку с радостью отбросить всё то, чему там учили, отбросить, по крайней мере, большую часть, и приступить к обучению в высшей школе, чтобы насладиться жизнью. Он поступил в Лейпцигский университет не для того, чтобы только прогуливать – для тех, кто недостаточно бегло знает немецкий язык я замечу, что прогуливать (“schwaenzen”) значит не посещать лекции, но во время лекций заниматься чем-нибудь другим, – хотя прогулов у него было более, чем достаточно. Вступая в жизнь, в высшую научную среду, в прославленную научную среду Лейпцигского университета, он, тем самым вступил в круг, который – по мере прислушивания к нему, – мог пробудить в Гёте глубокие стремления. А там он именно слушал. В Лейпцигском университете, прежде всего, действовал великий Готтшед, тот самый великий Готтшед, голова которого вмещала всю образованность того времени: по многочисленным устным и письменным каналам эта образованность перетекала во все тогдашнее бытие, пронизывая его тем, что было связано с культурой Лейпцига. Если бы, наряду с влиянием Готтшеда, в Лейпциге жил ещё и великий импульс Лессинга, Гёте, тем не менее, все равно считал бы, что именно благодаря величественной фигуре Готтшеда он был введён в круг тогдашней мудрости, штудировал совместно юриспруденцию и философию, а также и то, что светский человек мог получить от теологии, учении о внеземных предметах.

Впрочем, Гёте, уже имевший некоторое представление об эстетике, испытал небольшое разочарование, впервые посетив Готтшеда. Он подошёл к дверям Готтшеда; слуга – не знаю, чувствовал ли он что-либо от того, что жило в Гёте – вместо того, чтобы как положено, потратить время и как следует доложить Готтшеду о визите Гёте, без церемоний привёл Гёте к Готтшеду; Гёте встретился с Готтшедом, когда тот был без парика, совершенно лысый. А ведь для учёного того времени – это происходило в 1765 году! – это было нечто ужасное. И вот впечатлительному Гёте пришлось увидеть, как Готтшед, грациозно повернувшись, быстро схватил свой парик и напялил

на свою лысину, другой же рукой закатил своему слуге увесистую оплеуху. Это немного охладило Гёте. Ещё более его охладила методика Готтшеда, мало соответствующая тому, чего Гёте страстно желал. Лекции Геллера о морали тоже едва ли расширили его кругозор. Так и случилось, что в Лейпциге он вскоре стал больше посещать медицинские, естественнонаучные лекции, своего рода продолжение которых он испытал в доме профессора Людвига, где он обедал: там обсуждались эти предметы. Нельзя, конечно сказать, что Гёте в Лейпциге «...философию постиг, стал юристом, стал, врачом; увы! усердием и трудом и в богословие проник...», тем не менее, он ознакомился с этими вещами и уже в Лейпциге усвоил многие естественнонаучные представления своего времени.

Затем он пережил - и тот, кто рассматривает человеческую жизнь духовнонаучно, должен особенно внимательно отнестись к таким вещам - после того, как он внешне ознакомился с некоторыми науками, после того, как кое-что повидал в жизни, был замешан в похождения и скандалы, - он пережил смертельную болезнь. Он увидел смерть в лицо. Можно представить себе, сколь многое прошло тогда через душу Гёте: из-за сильных, многократно повторяющихся кровоизлияний ему действительно приходилось бороться со смертью. Он был так слаб, что вынужден был вернуться домой и только через некоторое время смог продолжить свою учёбу в университете. Это он сделал уже в Страсбурге. В Страсбурге он входит в круг одной весьма значительной личности, которая могла дать ему чрезвычайно много. Чтобы судить о том, с каким чувством Гёте встретился именно с этой личностью, надо принять во внимание, что когда он, будучи под влиянием тех внутренних душевных переживаний, испытанных им в Лейпциге в связи с возможностью смерти, возвратился во Франкфурт, он уже начал, благодаря связям с некоторыми людьми, углубляться в мистические переживания, приобщаться к мистическому пониманию мира. Уже тогда он углубился в чтение оккультно-мистической литературы, пытаясь в своём роде, еще юношески составить систему мира, систему мировоззрения, исходя при этом из мистической каббалистической точки зрения. Он действительно уже тогда пытался познать «всю мира внутреннюю связь», пытался дать воздействовать на себя «всем истинам, всем тайнам» (всем действенным силам и семенам), он не хотел, чтобы из его уст лилась не истина, а «слов пустых набор случайный», что ему пришлось наблюдать в Лейпциге.

И вот он приехал в Страсбург, где ему особенно хотелось снова услышать естественнонаучные лекции, к которым он уже приобщился прежде. О юстиции, – столь дорогой сердцу его отца, и гораздо менее ему самому – он думал: она от меня никуда не денется. Но им владело стремление изучить законы природы. Однажды, поднимаясь по лестнице в Страсбурге, он встретил человека, который и своей внешностью, и своим внутренним миром, сквозь который проглядывал исполненный духа лик, сразу же, мгновенно произвёл на него огромное впечатление. Внешне – шёл человек, который казался священником, который, однако, так носил своё длинное пальто, что задние полы приходилось засовывать в карманы; это было странно, но на Гёте он произвел блестящее впечатление. Это был Гердер. С тех пор он до известной степени жил тем, что бушевало в Гердере. А в Гердере тогда жило чрезвычайно многое. Можно сказать, что Гердер носил в себе совершенно новое мировоззрение. Гердер духовно вынашивал в себе то, что еще не удавалось никому: исследовать мировые явления, начиная с простейшего, с простейших безжизненных форм, поднимаясь через растительное и животное царство к человеку, к истории и к божественному мировому управлению историей. Образ всеобъемлющего мировоззрения уже жил тогда в Гердере. Гердер говорил о своих идеях с воодушевлением, при случае бунтуя против традиционной косности. И от многих речей Гердера Гёте становилось теплее. То, что всё в мире находится в развитии, что всё это развитие совершается по духовному мировому плану: ещё никому не доводилось увидеть все это так, как видел это Гердер. Но Гердер ещё не записал всего этого, так что всё находилось в становлении. И Гёте ощущал, переживал это становление, он принимал участие в стремлении, чувствах и борьбе Гердера. Можно сказать: начиная с пылинки, поднимаясь через все царства природы вплоть до Бога, хотел Гердер исследовать эволюцию мира, что он и сделал в столь великом и всеобъемлющем стиле, насколько позволяло то время, сделал в своём несравненном сочинении «Идеи к философии истории человечества». Тут мы действительно видим, как в этом духе Гердер подытожил всё то, что в то время было известно о фактах природного и человеческого царства. Но всё это было объединено в мировоззрение, проникнутое духом.

Наряду с этим из духа Гердера на Гёте оказывало воздействие и то, что внес в мировоззренческую эволюцию нового времени Спиноза. Тогда в Страсбурге благодаря

Гердеру зародилась в Гёте та склонность к Спинозе, которую он хранил всю свою жизнь.

Кроме того, Гердер был восторженным почитателем Шекспира, что было неслыханно в то время. Вы только представьте себе, как должна была действовать эта своеобразная душевная противоположность между Гердером и Гёте; ведь Гёте приехал, наполненный страстным желанием увидеть всё то, что не могло ему дать современное образование, и как обрел он в Гердере мыслящий ум высшего ранга, ум, революционно настроенный против этого образования. Гёте, до той поры учившийся почитать художественные формы, жившие в Корнеле и Расине, принимал всё это так, как принимает человек вещь, о которой услышал, что она важнее всего в мире. Но всё же он принимал все эти вещи с некоторым внутренним возмущением. Утешением для его души было то, что благодаря Гердеру он познакомился с Шекспиром, поэтом, свободным от всякого формализма, поэтом, создававшим образы исходя из непосредственной человеческой индивидуальности, который не имел ничего общего с тем, что учился уважать Гёте; единство времени, места и действия, – нет, Шекспир ставил на первый план человека. Можно сказать так: освященное именем Шекспира, в душе Гёте жило то внутреннее культурно-революционное настроение, которое может быть выражено высказыванием: я хочу изучать человека, а не то, что опутывает человека формальными правилами и формальными законами мировых связей, не паутину из единства ситуации, времени, места и действия, нет, именно человека хочу я постичь.

При этом у него возникла возможность тогда же в Страсбурге познакомиться с человеком, который пытался заглянуть в глубинные, интимные стороны человеческой души: это был удивительный Юнг-Штиллинг, изучавший и подробно описывавший оккультные стороны душевной жизни человека. Не является ли история жизни Юнг-Штиллинга, с его описаниями, тем, что Гёте называл «серым человеком», который заправляет под землей, не является ли это прекраснейшим описанием оккультных соотношений? Можно сказать: в то, что относится к жизни природы и к исторической жизни, в то, что живёт в эстетике, Гёте вступил благодаря Гердеру; благодаря Юнг-Штиллингу он получил доступ к оккультной стороне человеческой жизни, с которой он уже близко познакомился во Франкфурте, внимательно изучая Сведенборга.

Всё это бушевало в душе Гёте вместе с тем, что преподносилось ему как законы природы, когда он слушал естественнонаучные лекции в Страсбурге. У него возникали серьёзные вопросы, большие проблемы, касающиеся человеческой жизни. Он глубоко исследовал вопросы познания и воли, глубоко всматривался в связь душевной природы человека и природы Вселенной. В связи со всем этим ещё во Франкфурте он изучал Парацельса. Так наряду с тем, что он, как нечто иное, изучал в Страсбурге, в нём жило страстное стремление «познать все действия, все тайны». Именно в Страсбурге это стремление особенно усилилось, стало глубже. Не следовало бы думать, что в Страсбурге Гёте тратил своё время лишь на пустяки, когда он зачастил в пасторский дом в Сесенхайме: я вовсе не считаю это чем-то незначительным. Гёте мог совмещать жизнь в глубинах человеческого воления и человеческого познания с жизнью, связанной со всем повседневным обиходом человека, с каждой человеческой судьбой.

Потом, защитив диссертацию, он становится своего рода доктором юридических наук, лицензиатом и доктором юриспруденции. Тем самым Гёте обрадовал и своего отца, так что мог вернуться домой. Началась его адвокатская практика. Она породила странную дисгармонию в душе этого человека, которому в апелляционном суде в Вецларе приходилось штудировать акты, возраст которых исчислялся зачастую столетиями – в буквальном, а не в переносном смысле. Ибо «закон и право передаются по наследству, как вечная болезнь». Но и в более позднее время и в другом месте можно было пережить нечто подобное. Видите ли, в том месте, где я рос, – позвольте мне сделать такое добавление, – мне пришлось пережить следующее: это происходило в семидесятые годы XIX века – однажды мы услышали, – я тогда был ещё мальчиком, – что одного человека должны были посадить в тюрьму. Это было в семидесятые годы! Это был уважаемый в том местечке человек, где у него было достаточно крупное торговое дело. И он был посажен в тюрьму, я думаю, на полтора года, за то, что в 1848 году во время революции бросал камни в гостиницу! Действительно, этот процесс продолжался с 1848 года, когда этот человек, тогда еще мальчишка, бросал камни в гостиницу, до его позднего возраста, так что в 1873 году он был посажен в тюрьму на полтора года. Тогда дело обстояло, может быть уже не так уж плохо, как в то время, когда Гёте штудировал акты в апелляционном суде, но, тем не менее, всё еще было плохо. Но

отца это радовало, он иной раз помогал советами в случае проблем, которые Гёте должен был решать, работая с запылёнными актами. Впрочем, не следует думать, что Гёте был неумелым адвокатом. Это было совсем не так. Гёте и в качестве адвоката был на своём месте. Он не давал повода всё снова и снова предполагать, что живущий в идеальном, мыслящий ум должен оказаться неумелым, неприспособленным к жизни. Как адвокат Гёте отнюдь не был неумелым. Если сегодня иной адвокат ссылается на свою занятость и замечает, что ему из-за этой своей занятости, обширной деятельности некогда читать Гёте, ему надо заметить, что сам Гёте наверняка был точно таким же отличным адвокатом, – сегодня это можно подтвердить документально, что и делают некоторые относительно своей работы. Однако Гёте, помимо той деятельности, где он был столь практичен, насколько это вообще возможно для практика, уже вынашивал в своей душе поэму «Готц фон Берлихинген». Да, он носил в своей душе идеи, которые возникали в нём ещё во время естественнонаучных занятий Франкфурте, благодаря его знакомству с Гердером, с Юнг-Штиллингом: идеи к своему «Фаусту».

Готц фон Берлихинген – Готфрид фон Берлихинген, – сразу же, как только Гёте создал это художественное произведение, показал в чем, в сущности, состоит искусство Гёте. Искусство Гёте внесло нечто новое в духовное творчество человечества. Как художника и как поэта Гёте нельзя сравнить с Данте, нельзя сравнить с Гомером, нельзя сравнить с Шекспиром. По отношению к поэтическому творчеству он стоит иным образом, и это связано с позицией Гёте занимаемой им – как неким явлением – в свою эпоху. Эта эпоха, то, как она изживалась в непосредственном и отдалённом окружении Гёте не позволяла такому мыслящему уму как Гёте полностью срастись с собой. Государственная жизнь, вращаясь сама по себе, что сегодня считается само собой разумеющимся, Гёте не давала ничего. Он жил в области, которая представляла собой в высшей степени индивидуальную, обособленную территорию. Дело не в том, как это случилось. Он жил не в огромном государстве, он жил так, что какие-либо спущенные сверху единообразия, унитаризм не довлели над той областью, где он выросал. Жизнь вокруг него была лишена твёрдых, застывших форм. Он мог повсюду замкнуться в узком круге и в этом узком круге воспринимать нечто универсальное. Вот в чем заключается своеобразие.

В руки ему попала книга, книга написанная плохо, действительно плохо, но они в высшей степени заинтересовала его: это была «Автобиография Готфрида фон Берлихингена с железной рукой» – своеобразной фигурой XVI века, участвовавшая во многих событиях этого века, но участвовавшая в них весьма примечательным образом. Читая историю жизни Готфрида фон Берлихингена, можно видеть, как был он при Императоре Максимилиане, при Императоре Карле Пятом общается с самыми разными людьми, принимает участие во всевозможных предприятиях и битвах 16 столетия, но всегда так, что видно; принимая участие в каком-либо событии он как бы целиком стоит в нём, изживает себя в нём. Затем он попадает в ситуацию совершенно иного характера, снова втягивается в неё, борется за различные интересы, наконец, позднее попадает в плен. После он даёт клятву не предпринимать никаких дальнейших действий и его спокойно отпускают в его замок в середине Южной Германии, но он вмешивается в крестьянское восстание, в котором крестьяне поднимаются на борьбу за свободу. Всё это происходит так, что становится очевидным: не Готфрид фон Берлихинген втягивается в эти дестабилизирующие события, но они составляют его личность, характер самого Готфрида фон Берлихингена. Можно сказать: если читаешь историю жизни Готфрида фон Берлихингена, то в конце концов все эти события в которых он участвует, в которых он замешан, – не хочу сказать, что от них сводит шею от скуки: они действительно неинтересны сами по себе, эти отдельные события, отдельные битвы, где участвует он, Готфрид фон Берлихинген, – однако, несмотря на всю скуку, навеваемую этими событиями, в которых он участвует, интерес вызывает характерно-сильная, характерно-содержательная личность.

Показательно, однако то, что Гёте обратился именно к фигуре Готфрида фон Берлихингена. Так он смог сделать то, что едва ли удалось бы ему сделать иным образом: увидеть содержание, стремления и жизнь 16 столетия сконцентрированными в одной личности. Это было нужно ему. Это значило для него: взять в руки историю и изучать. Действовать подобно тому или иному историку «с превосходными прагматическими максимами», который, после того как он обыскал все кладовки и выворотил мусорные вёдра, состыковывает вместе отдельные исторические периоды – действовать так, было, конечно не по вкусу для Гёте. Но увидеть человека, живо поставленного в средоточие своего времени, увидеть в одной человеческой душе отражение того,

что иначе не было бы интересным – это было нечто для Гёте. И вот он взял эту, можно сказать скучную, плохо написанную автобиографию Готфрида фон Берлихингена, прочёл её и преобразил, в сущности, совсем немного. Поэтому он назвал первую редакцию этой, если хотите, драмы: «История Готфрида фон Берлихингена с железной рукой. Драматическое переложение». Он не написал «Драма», но только «Драматическое переложение». Он, в сущности, всего лишь драматизировал историю Готца фон Берлихингена, но драматизировал так, что в ней живет целая эпоха, причем живет эта эпоха в одном человеке. Вы только представьте себе, ведь это 16 столетие, это время утренней зари пятого послеатлантического периода. Гёте видел её сквозь душу Готфрида фон Берлихингена, человека, выросшего в середине Южной Германии. Уже тогда через его душу проходил этот кусок жизни, которая носила исторический характер, но которую он увидел именно в действительной жизни, а не в том, что стало историей. Для Гёте было бы совершенно невозможно, взять из того времени какую-нибудь историческую фигуру со всеми человеческими проблемами в душе, на которые я здесь указывал, и в соответствие с историей сделать её героем драмы; нет, он драматизирует неказистую автобиографию какого-то человека, всё человеческое начало которого действует на него, драматизирует в соответствие с драматическим искусством, открывшимся ему благодаря вживанию в Шекспира: это было именно то, что он мог. Вследствие этого он стал известен в некоторых кругах, которые уже тогда интересовались чем-то подобным; ведь он для своих современников перенёс в настоящее, в своё настоящее, кусок прошлого, тогда как для современного ему мира прошлое было «книгой за семью печатями». Само собой разумеется, что тогда в широких кругах знали о том, что Гёте извлёк из плохо написанной истории Готфрида фон Берлихингера из 16 столетия, столь же мало, сколько сегодня иной пастор знает о сверхчувственной жизни.

Гёте вторгнулся в человеческую жизнь. Он должен был вторгаться в неё, поскольку сам он мог жить, только срастаясь с той человеческой жизнью, которая непосредственно выступала ему навстречу, он срастался, несмотря на то, что всегда сохранял изолированную позицию, оставался «на своей табуретке», срастался же только с тем, к чему прикасался.

В то же самое время Гёте приходилось знакомиться с жизнью еще и иным образом. Сегодня мало представляют себе, что тогда в самых широких кругах так называемого

образованного мира, окружавшего Гёте существовало глубокое стремление к душевному развитию. Так человек вращался в то, что давалось с 16 века. Действительно, во внешней жизни закон и право передавались по наследству, подобно вечной болезни, но, тем не менее, души все же были затронуты тем стремлением, которое известно нам как стремление души пятого послеатлантического периода. Вследствие этого возникала серьёзная дисгармония между тем, что чувствовали души и тем, что разыгрывалось во внешней жизни. Это порождало сильные сентиментальные переживания, вело к сентиментальности. Уметь чувствовать, уметь как можно сильнее чувствовать, насколько велик контраст между действительностью и тем, что могла ощущать честная, горячая человеческая душа, уметь подчеркнуть этот контраст – вот что было глубокой потребностью некоторых душ того времени. Человек направлял свой взор вовне, в большую жизнь. Тут действовали внешние обстоятельства, тут жили люди с теми или иными интересами, но порой в душе своей они мало соприкасались с этой социальной жизнью. Оказавшись в одиночестве, эти души искали особых душевных переживаний, стоящих по ту сторону внешней жизни. Можно было сказать себе так: Ах, эта внешняя жизнь, как далека она от всего того, к чему стремиться и на что надеется душа! – говорить так было своего рода утешением. Жить в сентиментальном настроении становилось общей тенденцией эпохи. Человек считал общественную жизнь, ту жизнь, которая разыгрывалась вовне, плохой, ущербной. Поэтому ему хотелось отыскать иную жизнь, неиспорченную безликой общественной жизнью, официозом, такую жизнь, где человек мог бы переживать себя в тихих, мирных проявлениях мира, в природе, в мирной жизни животных, в жизни растений. Благодаря этому постепенно возникало настроение, господствовавшее у большей части образованных душ. Умение плакать над дисгармонией мира приносило огромное удовлетворение. Особенным почитанием пользовался тот писатель, чьи произведения давали повод пролить слезу на прочитанную страницу. Быть несчастным многие почитали тогда за счастье. Пойти погулять в лесу, вернуться, тихо сесть в своей комнате и думать: Ах, как много, много червячков, которых я не заметил и на которых наступил, поплатились жизнью за мою прогулку! – Человек проливал горячие слёзы в свой носовой платок по поводу дисгармонии между природой и человеческой жизнью. Писали письма к любимым, столь же сентиментальным, как и они сами, друзьям, начиная их словами: Сердечный, любимый друг, или

подруга, – но даже на эти строки уже струились слёзы, они падали на бумагу и, как свидетельство в верности, вместе с письмом спешили к любимому другу или подруге.

Эта жизнь была свойственна большей части образованного мира во второй половине XVIII столетия. Была она свойственна и Гёте, и он хорошо понимал её, ибо много истинного представляло собой это переживание дисгармонии между тем, что часто бессознательно и неопределённо ощущалось в душе, и тем, что давалось ей во внешнем мире. Зачастую это было поистине правдиво. Гёте мог чувствовать это. Тихая жизнь, разыгрывающаяся между душами в то время, совсем не походила на то, что разыгрывалось в большом мире. Гёте должен был принимать участие во внешней жизни, ибо он мог и должен был в первую очередь соприкоснуться с ней. Однако он должен был всё снова и снова черпать силы также и из своего внутреннего мира, для того, чтобы благодаря соприкосновению с этими вещами оздоровиться. Всё это настроение эпохи, которое назвали потом завладевшей большей частью образованных людей лихорадкой Зигварта, лихорадкой Вертера, – всё это он описал в своём юношеском романе «Страдания молодого Вертера». В образе Вертера он тайно запечатлел всё то, в чём сам принимал участие, переживая то сентиментальное настроение по отношению к миру, переживая так, что чувство дисгармонии жизни чуть не довело его до самоубийства. Вот почему он позволяет Вертеру покончить жизнь самоубийством. Было бы неплохо представить себе, как проявлялась у Гёте возможность – несмотря на то, что он обладал прочно укоренённым индивидуальным началом – протягивать нити своей души ко всему, что разыгрывалось в душах в его окружении, как это у него становилось искусством, и как он, исходя из души, свободно описывал все это. Написав Вертера, он как бы исцелился от него, исцелился от всего Вертера, от того, что других людей ещё только захватывало: ведь комплекс Вертера, «лихорадка Вертера» подобно эпидемии распространялась в самых широких кругах, из-за книги «Страдания молодого Вертера». Но Гёте был исцелён.

Желая оценить эти вещи по достоинству, не следует забывать, что поле душевной жизни Гёте было поистине широко, и что он был в состоянии жить в некой душевной полярности. Он сам испытал «болезнь Вертера» и этот комплекс Вертера; он, исходя из своей души, описал это в своей книге «Страдания молодого Вертера». В дружеских письмах того времени, где он набрасывает картину своего возвышенно-сентиментального настроения, он сообщает в то

же время, что существует ещё и иной Гёте, Гёте-самоубийца, которого одолевают навязчивые мысли. Гёте – как фигура из маскарада, которая может использовать всевозможные наряды и маски. И этот Гёте как карнавальная фигура оживает также и в художественной форме. Достаточно лишь почувствовать влияние таких, оставшихся более или менее фрагментарными драматических произведений как «Сатир» и «Патер Брей», относящихся к тому времени, чтобы ощутить всю широту душевной жизни Гёте. Сатир, обожествлённый лесной чёрт, который, с одной стороны развивает в своих тирадах пантеизм, хочет в духе Руссо вернуться назад к природе, не желая довольствоваться тем, что производит культура. Какая великолепная жратва – сырые каштаны: – вот идеал сатира! Но сатир в то же время и натурфилософ, который хочет познать тайны природы, поэтому он – извините – обретает своих приверженцев именно в мире женщин, его боготворят, хотя ведёт он себя довольно скверно. С гомерическим юмором высмеивает он все фальшивые стремления к игре в авторитеты, к вере в авторитеты. И в «Патере Брей» мы видим ложное прорицательство, якобы священное, но под маской священства творящего разные дела – с большим юмором они уже не высмеиваются, но объективно разоблачаются. Тут Гёте проявляет себя самым живым образом как юморист, грубый юморист. И всё это проистекает из той же души, откуда появился и «Вертер». Это происходит не потому, что Гёте поверхностен, а потому, что он глубоко захвачен разными полюсами человеческой жизни.

Именно благодаря «Вертеру» Гёте добился определённого влияния. «Вертер» относительно рано стал широко известен; именно «Вертер» послужил причиной того, что герцог Веймарский стал интересоваться Гёте. «Готц фон Берлихинген» тоже произвёл большое впечатление, но не на тех, кто считал себя тогда знатоком, понимающим культуру, искусство и поэзию. “Imitation detestable des mauvaises pieces anglaises, degoutante platitude” – так отозвался один великий человек того времени о «Готце фон Берлихингене».

В 1775 году Гёте переносит свою жизнь на совершенно иную арену, в Веймар. Герцог Веймарский познакомился с ним и позвал Гёте в Веймар, так что Гёте, можно сказать, одним скачком стал государственным министром Веймара.

Видите ли, сегодня, задним числом имеют такое чувство; Гёте написал «Готца фон Берлихингена», написал «Страдания молодого Вертера», в Веймаре он создал большую часть «Фауста»; именно это считают основным делом Гёте. Сам он в

своём тогдашнем положении не рассматривал это как основное дело: это было лишь побочным продуктом его жизни. И герцог Веймарский рассматривал его не как придворного поэта, но как государственного министра, отчего, конечно, ретрограды, носящие косы в Веймаре, были вне себя, так что герцог Веймарский должен был издать своего рода обращение, указ к своему народу, где он оправдывается: да, Гёте по его мнению человек более великий, чем эти ретрограды с косами. И то, что он был сразу же назначен государственным министром, не будучи, насколько мне известно, ни младшим, ни старшим советником, обязывало герцога оправдать такое назначение. Но он сделал это. И Гёте ни в коем случае не был плохим министром, таким, кто исполняет должность министра спустя рукава, нет, он был министром гораздо лучшим, чем некоторые министры, которым было и на этом поприще далеко до Гёте. И тот, кто сам однажды лично убедился, как я, – а я смею со всей скромностью сказать, что в моём случае именно так и было, – как Гёте выполнял свои обязанности министра, тот знает, что Гёте был прекрасным министром Саксен-Веймарского герцогства, он с полной самоотдачей входил во все тонкости своего дела. Быть министром – было тогда для Гёте самым важным делом, и в течение десяти лет Гёте чрезвычайно многое сделал именно в качестве министра в Веймаре.

Уже в Веймаре он написал часть «Фауста». То, что фигурирует нынче в сочинениях под «изящным» титулом «Пра-Фауст», он написал тогда в Веймаре. Но в этом «Фаусте» уже жило всё то, что, можно сказать, было взглядом Фауста, направленным вверх. И поскольку «Фауст» был создан на основе жизни, как таковой, – благодаря той же самой жизни он соприкасается теперь с каждой человеческой душой! Опять-таки в Веймаре обнаружилось, что окружение Гёте не могло вполне захватить его. Часто встречаются люди, которые в большей или меньшей степени являются всего лишь составителями своих актов, деловых бумаг. Но Гёте не был всего лишь составителем актов, множество которых действительно было составлено им как веймарским чиновником. Но ведь, кроме этого, он вживался во все ситуации в Веймаре; и хотя он всё же оставался на «своей скамейке», занимал изолированную позицию, он соприкасался со всеми гуманистическими элементами. И эти гуманистические начала, эта человечность преобразовывалась в нём в искусство. Так, например, мы видим, как характер одной женщины, госпожи фон Штейн, которую сблизил с ним дружеские отношения, стал для него проблемой. В сущности, наблюдение

этого характера вблизи, привело его к созданию драматического образа «Ифигении». То, что как характер фрау фон Штейн действовало на него, он хотел преобразовать с помощью искусства. Сюжет «Ифигении» был для него всего лишь средством разрешения своих жизненных проблем. Отношения при Веймарском дворе, сотрудничество с герцогом Карлом Августом, чей характер заслуживал внимания, рассмотрение судьбы герцога, другие отношения, разыгрывающиеся там, – все становилось для Гёте проблемой. Жизнь задавала ему вопросы. Ему был нужен материал, чтобы подчинить эти отношения художественной форме. Материалом для «Тассо» ему, фактически, послужили отношения в Веймаре; он лишь облёк их в художественную форму. Я, разумеется, не могу входить здесь во все нюансы духовной жизни Гёте; мне только хотелось бы поставить перед Вашими душами эти факты, для того, чтобы мы могли в духовнонаучном смысле опираться на них в качестве примера.

Уже тогда, в самом начале своей жизни в Веймаре, благодаря некоторым связям, которые он приобрёл, у него появилась возможность углубить свои знания о природе, причём углубить самостоятельно. Он изучает растения; уже тогда он приступает к изучению анатомии в университете г. Йены. Во всём он исходит из того, что воспринял от Гердера: на отдельных примерах подтвердить идейную взаимосвязь мира. Он хочет изучить все связи в растительном мире в целом, он хочет изучить то, что живёт в растительном мире как духовное начало. Он хотел бы с помощью своей души вникнуть в родство всех животных между собой, для того, чтобы найти путь вверх, к человеку. Эволюционную идею он хочет изучать непосредственно, на самих объектах природы. Представьте себе, что он перенял у Гердера великую идею: великое духовное становление изучить по всем отдельным моментам эволюции живых существ. В этом он был с Гердером в одиночестве, ибо те, кто задавал тогда тон в духовной жизни, думали совсем иначе, они повсюду воздвигали барьеры.

Вся духовная деятельность могла тогда развиваться по направлению к двум полюсам: в сторону дифференциации и в сторону интеграции, разделения и объединения. Гёте и Гердер хотели объединить множественное, разнообразное. Другие исходили из того, чтобы иметь красивую классификацию, хорошенько всё подразделить. В то время для многих вставал вопрос: чем человек отличается от животного? Говорили, что у человека отсутствует промежуточная межчелюстная кость, в которой расположены резцы в верхней челюсти, человек имеет

особую челюсть; только у животных есть промежуточная челюстная кость, промежуточная челюсть. Гёте, конечно, не был материалистом, и не хотел обосновывать материализм, исходя из материалистических намерений. Однако его здравому смыслу, его умонастроению противоречило то, что внутренняя гармония природы не находит подтверждения на таких отдельных примерах. Вот почему он, вопреки всем научным авторитетам, стремился доказать, что промежуточная межчелюстная кость у человека есть. И ему это удалось. Так он пришёл к написанию своего первого научного трактата под названием «О наличии у человека, как и у животных, межчелюстной кости верхней челюсти». Тем самым он добавил кое-что к духовной эволюции, некую подробность, деталь, идущую вразрез со всем тогдашним миром естественных наук; сегодня это считается само собой разумеющимся, и никто не сомневается в этом.

Так предстаёт Гёте уже не в качестве поэта, автора «Вертера», «Готца фон Берлихингера», «Фауста», как тот, кто у кого в голове зародилась «Ифигения» и «Тассо». Он предстаёт как глубокий наблюдатель природных связей, он проводит исследования и работает как настоящий учёный. Он не был односторонним образом или поэтом, или исследователем, или министром: это цельный человек, всесторонне стремящийся цельный человек.

Гёте прожил в Веймаре примерно десять лет, но он уже не мог подавить своё стремление в Италию. Подобно бегству, предпринимает он своё путешествие в Италию во второй половине 80-х годов XVIII века. Нельзя забывать, что лишь тогда для Гёте возникла ситуация, к которой он страстно стремился ещё с ранних лет, и такая ситуация возникла для него впервые. Представьте себе, что до тех пор Гёте не видел ни одного крупного города, кроме Франкфурта! Надо всегда помнить, что первым большим городом, благодаря которому Гёте выступил на арену мировой истории, был Рим. Надо правильно оценить это событие в жизни Гёте. В Риме Гёте ощутил пульсацию всеобщего потока: ощутил, как этот поток жизни восходил в пятую послеатлантическую эпоху вплоть до нашего времени, ощутил то, что действовало в нём как мировая история, с всеобъемлющим мировоззрением, зреющим в его душе. Здесь он вынашивал идеи, подсказанные ему обликами животных и растений, полученные им из многообразия растительных, животных и минеральных форм, которые он сравнивал между собой, исследуя их на Аппенинском полуострове. В самых дальних районах он искал

подтверждения своей идеи пра-растения, и это ему удалось. Каждый камень, каждое растение интересовали его; он давал воздействовать на себя тому, посредством чего множественность преобразуется в единство. При этом он отдавался влиянию великих произведений искусства, в которых он обнаруживал смутный отголосок древнего эллинизма. И поскольку, с одной стороны, он направлял взгляд на многообразие природы, ему удавалось также, с другой стороны, всей глубиной своей души ощутить все тончайшие нюансы искусства Ренессанса. Вы только прочитайте слова, которые он сказал при виде «Святой Цецилии» Рафаэля в Болонье, как при виде этого произведения искусства в его душе ожили все те чувства, которые чудесным, глубоко интенсивным образом возводят человека из чувственного мира в мир сверхчувственный. Прочтите в его «Итальянском путешествии» как он, с одной стороны, всё время, углубляя и углубляя свои идеи о природе, ощущал по отношению к произведениям искусства, что человек только тогда может создать истинное искусство, если само это искусство создается из глубин жизни. Великие произведения искусства греков, – говорил он, – теперь мне стали ясны, потому что: «Я предполагаю, что они действовали по тому же самому закону, по которому действовала природа, закону, следом которого являюсь и я». – «Эти высшие произведения искусства, созданные человеком по истинным природным законам, являются в то же время и высшими произведениями самой природы. Всё произвольное, воображаемое устраняется; здесь необходимость, здесь Бог». Так писал он своему Веймарскому другу.

Всё необычайное воспринимает он здесь, оно преобразуется для него в то, что он уже чувствовал и предчувствовал раньше. Наиболее значительные сцены «Фауста» он пишет именно в Риме. «Ифигения», «Тассо» более или менее набросанные им в прозе ещё в Веймаре, были частично завершены; теперь он пишет их в стихах. Ведь теперь он смог обрести стиль, и теперь этот классический стиль выразился в этих произведениях, поскольку он сам все время находился под воздействием классического искусства. То, что он переживал в Италии, было регенерацией, своего рода новым рождением души у Гёте. Нечто своеобразное, странное складывалось теперь в его душе; он ощущал глубокое противоречие между стремлениями своего времени, тем, что он повсюду видел в своём окружении, и тем, что он учился ощущать как высшую форму чисто человеческого.

Он вернулся в Веймар, он снова вернулся в тот мир, в котором создавались вещи, потрясавшие всех: «Разбойники» Шиллера, «Ардинжелло» Хайнса и другие. Они были подобны для него варварскому вздору, противоречащему всему, что коренилось теперь в его душе. В своей душевной жизни он чувствовал себя совсем одиноким. Он был почти забыт. Именно теперь начали постепенно развиваться его отношения с Шиллером. Подход к нему ему было трудно найти, так как, оглядываясь назад, он ни к чему не относился с такой неприязнью, как к юношеским сочинениям Шиллера. Тем не менее, Гёте и Шиллер нашли друг друга, и это привело к дружескому союзу, равных которому в истории развития человечества было мало. Они воодушевляли друг друга, так что Герман Гримм с правом сказал: В отношениях Гёте и Шиллера мы имеем не только Гёте плюс Шиллер, но Гёте плюс Шиллер, и Шиллер плюс Гёте. Каждый, благодаря другому, становился немного другим, и то, что каждый благодаря другому становился другим, оплодотворяло обоих. И вот теперь в душах обоих возникла великая, всеобъемлющая человеческая проблема. То, что тогдашний мир хотел решить политическим путём – великая проблема свободы человечества – встала перед душой Гёте и Шиллера как в духовном, так и в гуманистическом смысле. Другие много размышляли над тем, какие внешние социальные учреждения надо ввести в мире, которые могли бы обеспечить свободу в жизни человека. Для Шиллера же речь шла о другом: Как человек может найти свободу в собственной душе? – Этой проблеме он посвятил себя при разработке своего единственного в своём роде сочинения «Письма об эстетическом воспитании человека». Как выводит человек свою душу за пределы самого себя, от обычного состояния жизни к возвышенному состоянию жизни – вот что было большим вопросом для Шиллера. С одной стороны, человек поставлен в чувственно-вопринимаемую природу, – говорит Шиллер, – но с другой стороны, он соотносится с миром логики. В обоих мирах он не свободен. Свободным становится он, будучи эстетически наслаждающимся и эстетически созидающим, то есть там, где мысли не испытывают логического принуждения, соответствуя лишь вкусу и наклонностям, но где они в то же время остаются свободны и от чувственного. Шиллер обращает внимание на некое среднее состояние. Из всего, то было написано в течение эволюции человечества, эти «Письма об эстетическом воспитании человека» относятся к вершинам образованности.

Ведь это представляло собой проблему, загадку человека, которую он совместно с Гёте ставил перед своей душой.

Гёте не мог подступиться к этой проблеме философски, в абстрактных идеях, так как мог это Шиллер: Гёте должен был отнестись к этой проблеме более живо. И он по-своему, всеобъемлющим образом решает эту проблему, поставив её в своей сказке «О Зелёной Змее и Прекрасной Лилии». Как Шиллер хотел показать на философском уровне, как человек от обычной жизни поднимается к высшей жизни, так и Гёте на примере взаимодействия духовных сил в человеческой душе в сказке о Зелёной Змее и Прекрасной Лилии показал, как человек на душевном уровне развивается от повседневной душевной жизни к высшей душевной жизни. То, что Шиллер реализовал философски, Гёте великолепным образом представил наглядно в этой сказке, которую он присоединил к описанию внешней жизни в своем романтическом похожем на новеллу сочинении: «Рассуждения немецких эмигрантов». Действительно, при живом общении между Гёте и Шиллером оживали те загадочные вопросы жизни, которые человек мог поставить себе в связи с тем, что заключалось в вопросе, в страстном стремлении:

Познать все действия, все тайны,
 Всю мира внутреннюю связь,
 Из уст моих чтоб истина лилась,
 Не слов пустых набор случайный.

«Фауст», перевод Холодковского

Тот, кому удалось подступиться к тому, что разыгрывалось между Гёте и Шиллером, приходит и к тому, что жило в мыслящем уме Шиллера, жило в мыслящем уме Гёте в то время: тогда в этом, ещё не получившем признания, ещё не ставшим достаточно действенным духовном достоянии в совершенно исключительной форме сконцентрировались стремления пятой послеатлантической эпохи. Всё то, что тогда двигало ими обоими, – в тех формах и методах, посредством которых Шиллер пытался разрешить загадку человека в своих «Письмах об эстетическом воспитании человека», в тех формах и методах, посредством которых Гёте рассматривал в то время мир цвета, мир хроматики, чтобы противостоять Ньютону, в тех формах и методах, посредством которых Гёте изобразил развитие человеческой души в своей сказке «О Зелёной Змее и Прекрасной Лилии», – все эти всеобъемлющие вопросы были, как казалось, уделом лишь немногих. Ибо наряду с касающимися жизни Гёте фактами, которые нам хотелось

привести здесь до сих пор, необходимо обратить внимание и на то, как сегодня многие говорят о Гёте и верят, что они могут говорить о нём, хотя эпоха Гёте, как прошлое вообще остаётся для многих «книгой за семью печатями». Можно сказать, что это в известном смысле прямо-таки радуется, если кто-либо остаётся честным в этом отношении. Конечно, это было проявлением филистерства, когда Дюбуа-Раймон, знаменитый естествоиспытатель Дюбуа Раймон прочёл свою речь «Гёте и несть (ему) конца». Тот самый человек, который обозначил границу познания природы, который сделал так много открытий в области физиологии, будучи ректором одного университета, прочёл речь: «Гёте и несть (ему) конца» (“Goethe und kein Ende”). Филистерская она потому, что исходит из следующих соображений: вот ведь как много людей говорят о том, кто был всего лишь дилетантом, о Гёте, который везде и во всём был дилетантом; вот о ком говорят люди. С тех пор мы достигли многого, чего Гёте, само собой разумеется, не знал: учение о клетке (цитология), учение об электричестве, прогресс в физиологии! – Все это предстаёт перед душой Дюбуа Раймонд. Куда уж тут Гёте! И вот люди говорят о Фаусте, представленном Гёте, говорят так, как если бы Гёте – так считает Дюбуа Раймон – хотел представить его как некий идеал человека. Дюбуа Раймон не находит, что Гёте создал такой идеал человека, он спрашивает: Не лучше ли было бы сделать Фауста крупнее, чем сделал его Гёте, полезнее для человечества? А Гёте представил какого-то жалкого болвана – Дюбуа Раймон не употреблял такого выражения, но оно вполне в духе того, что он говорит, – который не может справиться со своим внутренним миром. Потом, говорит он, если бы Фауст был порядочным малым, он должен был бы честно жениться на Гретхен, а не совращать её, должен был бы открыть электромашину и воздушный насос, быть штатным профессором и иметь заслуженную славу. Это он высказал лишь устно, то, что Фауст, если бы он был порядочным человеком, должен был бы честно жениться на Гретхен, а не просто совращать её, открыть электромашину и воздушный насос, служить человечеству, а не становиться деградировавшим гением, пустившимся во всевозможные спиритуальные бесчинства.

Это, конечно, проявление филистерства – такая ректорская речь, которую можно было услышать в конце XIX столетия, но она, по крайней мере, честна. Как хотелось бы, чтобы такая честность проявлялась почаще; она восхитительна, ибо соответствует правде, в то время как многое из того, что

нагромождает иной человек, вдохновлённый Фаустом и Гёте, лживо, трижды лживо; «сокровищ ищет он рукою жадной, и рад, когда червей находит дождевых». Ведь такие цитаты из Гёте, как та, которую вы сегодня неоднократно слышали – это всего лишь духовные дождевые черви, пусть даже облечённые в слова Гёте.

Именно на примере отношения нашего времени к такому мыслящему духу, к такому уму, как Гёте, можно изучать глубину неправдивости нашего времени. Некоторые не делают ничего большего, как только «слов пустых набор случайный», при этом они используют именно слова Гёте, в то время как заложенное в мировоззрении Гёте ведёт к тому, что должно наступить в будущем развитии человечества, и что, как уже указывалось, не только объединяется с духовной наукой, но уже по самой своей природе связано с ней.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 5 ноября 1916г.

Как вы уже могли понять из пояснений, цель этой лекции состоит в том, чтобы привести теперь к более широкому постижению кармы отдельного человека и всеобщей кармы нашего времени. Однако человеческая жизнь, особенно если рассматривать её, учитывая каждого в отдельности, чрезвычайно сложна и, если хочешь ответить на вопрос о судьбе, приходится исследовать множество нитей, связующих человека как с миром, так и с ближайшим или отдалённым прошлым. Отсюда ясно, почему я, желая вести речь о том, что наиболее близко, наиболее близко человеку, именно тут иду дальним, кружным путём и, предпринимая исследования, которые должны осветить для вас самые тесные закоулки бытия каждого в отдельности, свожу их к одной всемирно-исторической по своему значению земной жизни: земной жизни Гёте. И хотя, само собой разумеется, что любая человеческая жизнь в смысле своей судьбы весьма далека от хода судьбы такого образцового, всемирно-исторического духа (как Гёте), тем не менее, возможно, рассматривая именно такую жизнь, получить представление и о жизни каждого из нас в отдельности. Вот почему нас не должно огорчать, если те связи, заниматься которыми мы начали ещё вчера, мы несколько расширим именно в аспекте нашего специального вопроса, подходить к которому мы будем всё ближе и ближе.

Если исследуют жизнь Гёте так, как это уже делали до сих пор многие, желающие быть его биографами, оставляют без

внимания склонность человека чересчур поспешно устанавливает причинно-следственные связи. Видите ли, естествоиспытатели и сегодня всё снова и снова указывают на то, что человек допускает много ошибок, если поспешно руководствуется принципом «после этого, значит поэтому», “Post hoc, ergo propter hoc”; если одно следует за другим, то и происходит из-за него, как следствие из-за причины. В естественнонаучной области такой подход порицают. Но при исследовании человеческой жизни не углубляются настолько, чтобы отказаться от этого принципа. Люди, несомненно дикие, такие как камчадалы, верят, что трясогузки или иные подобные птицы приносят весну, поскольку весна следует за их прилётом. Человек делает слишком смелое умозаключение: то, что следует за другим, из этого другого и проистекает. – Из биографии самого Гёте, то есть из описания особенной, просиявшей над всем человечеством, человеческой жизни, мы узнаём, что у Гёте был такой-то отец, такая-то мать, что события его юности развивались так-то и так-то, – о чём он сам сообщает нам, – и вот, из этих юношеских впечатлений выводят в биографии движущие причины его дальнейшей, более поздней жизни, вследствие которых он стал так важен для человечества. Выводят в полном соответствии с тем принципом, по которому, если что-то происходит после другого, то и причину имеет в этом другом, проистекает из него. Последнее ничуть не умнее веры в то, что весну приносят трясогузки. Такие предрассудки жестко порицаются в области естественных наук; но лишь в естественнонаучной области зашли столь далеко. Вам самым распрекрасным образом разъяснят, что в относительно юные годы в то время, когда Франкфурт был захвачен французами, они были расквартированы в доме его отца, Гёте пережил, как знаменитый лейтенант королевских войск Форанж устраивал театральные представления, как он занимался живописью, и как из-за этого Гёте почти ребёнком соприкоснулся с рисованием, театральным искусством, и из таких юношеских впечатлений с легкостью выводят проявившуюся в более позднем возрасте склонность Гёте к искусству.

Во всяком случае, именно у Гёте видно, как предначертанная ему карма чётко действует с самой его юности. При рассмотрении всего хода жизни Гёте разве не бросается в глаза то, как он связывает воедино художественные, мировоззренческие и естественнонаучные аспекты? Как он повсюду за художественной фантазией проявляет стремление к познанию истины в явлениях

природы? И разве мы не видим, как чётко предначертанная карма мальчика, шести-семилетнего мальчика сводит воедино минералы, ископаемые, геологические ступени, – найденные им в отцовских справочниках ископаемых и горных пород, – чтобы разместить их на нотном пульте, создав тем самым алтарь великого божества природы? Как на этом, созданном из природных экспонатов алтаре он прикрепляет ароматические свечечки, зажигая свет необычным способом, – используя зажигательную лупу и первые лучи восходящего Солнца; он ловит именно эти первые лучи утреннего Солнца, чтобы направить их зажигательным стеклом на свечи и первыми лучами утреннего Солнца зажечь огонь, посвящённый великому Божеству природы! Мы видим величественную и в то же время прекрасную картину: ум шести-семилетнего мальчика направлен на то, что живёт и ткёт в явлениях природы как дух! И тут мы видим – ход дела совершенно несомненен, – если можно так выразиться: то, что принёс этот человек в данной инкарнации, то что действовало нём с такой мощной силой, происходило именно из его изначальных задатков, а не из окружающей его среды. Рассматривая время, в которое родился Гёте в своей тогдашней инкарнации, мы обнаружим удивительное созвучие его природы с событиями того времени. Поддавшись воздействию современного мировоззрения можно было бы сказать: ну да, то, что создал Гёте, этот «Фауст», всё прочее, что возвышало и одухотворяло человечество, исходя от Гёте, возникло потому, что он творил в соответствие со своими задатками, талантом. Гораздо труднее относительно таких вещей, которые были даны человечеству посредством Гёте, обосновать то, что его творчество хотя и могло быть связано с его личностью, но в не столь примитивном смысле. Обдумайте нечто иное. Подумайте о том, насколько поверхностным, забывчивым по отношению к некоторым явлениям бытия оказывается известный образ мыслей, претендующий на основательное познание истины. В моей последней книге «О загадке человека» вы можете найти высказывание Ламетри о том, что Эразм Роттердамский и Фонтенель стали бы совершенно иными людьми, если бы хоть малейшая часть в их головном мозге была бы иной. В соответствие с таким образом мыслей следовало допустить, что созданное как Эразмом, так и Фонтенелем не существовало бы в мире, если бы, – как полагает Ламетри, – Эразм и Фонтенель из-за ничтожных изменений свойств их головного мозга стали бы вместо мудрецов дураками. Мне хотелось бы сказать, что в некотором отношении относительно вещей, созданных Эразмом

и Фонтенелем, это справедливо. Но представьте себе другой случай. Представьте себе, например, как могло бы протекать развитие нового человечества, если бы Америка не была открыта? Представьте-ка себе всё то, что вошло в жизнь современного человечества из-за открытия Америки! Мог бы кто-либо, будучи материалистом, сказать, что Колумб был бы другим, если бы его головной мозг был чуть-чуть иным, и он вместо Колумба был бы дураком, и что тогда Колумб не открыл бы Америку? Конечно, сказать это можно, как можно сказать и то, что Гёте не был бы Гёте, Фонтенель – Фонтенелем, Эразм – Эразмом, если бы, например, с их матерями, в то время когда они ещё не родились, произошло бы несчастье, и они явились бы на свет мёртвыми. Но ни в коем случае мы не можем себе представить, что Америка осталась бы неоткрытой, если бы Колумб не смог открыть её. Вы сочтёте само собой разумеющимся и то, что Америка была бы открыта и в том случае, даже если бы у Колумба был дефект головного мозга!

Вы не можете усомниться в том, что ход мировых событий иной, и участие в этих мировых событиях отдельной личности тоже иное; вы можете усомниться в том, что мировые события сами призывают ту человеческую индивидуальность, которая благодаря своей карме особенно подходит для того, что необходимо этим мировым свершениям. В случае Америки представить себе это не так уж трудно. Но для человека глубокомысленного это – то же самое, как, например, возникновение «Фауста» Гёте. Поистине, надо было бы уверовать в полную бессмысленность мирового становления, если считать, что не было бы никакой необходимости в возникновении такой поэмы как «Фауст», если бы случилось то, что так охотно акцентируют материалисты: если бы пятнадцатилетнему мальчику Гёте свалился на голову кирпич, и он стал бы идиотом. Кто проследит развитие по десятилетиям вплоть до Гёте, тот увидит, что «Фауст» поистине был потребностью времени, эпохи. Лессинг был тем, особенно характерным мыслящим духом, кто хотел написать «Фауста», причем отдельные, очень красивые сцены были уже написаны. «Фауст» был нужен не в силу одних субъективных потребностей Гёте, «Фауст» был нужен эпохе! И для глубокомысленного человека дело обстоит так, что можно сказать: связь между творениями Гёте и самим Гёте, по отношению ко всемирно-историческому ходу событий подобна связи между Колумбом и открытием Америки.

Я говорил, что рассматривая эпоху, в которую родился Гёте, можно заметить известную гармоническую

согласованность между индивидуальностью Гёте и этой эпохой, причём с самыми отдалёнными проявлениями этой эпохи. Вспомните, что, несмотря на большие различия, – к этому мы ещё вернёмся, – есть всё-таки большое сходство у обоих мыслителей, обоих духов – у Гёте и Шиллера: чего-то другого, менее значительного, в связи с ними мы упоминать не станем. Вспомните, сколь многое из того, /что/ как некие проблески /можно видеть/ у Гёте, можно увидеть и у Гердера. Но можно пойти гораздо дальше. Если мы рассматриваем Гёте, это не сразу обнаруживается; мы к этому вскоре вернёмся. Но если рассмотреть Шиллера, если рассмотреть Гердера, рассмотреть Лессинга, то можно сказать: хотя их жизни складывались по-разному, но и у Гёте, и у Шиллера, и у Гердера, и Лессинга в их душевных задатках была тенденция, благодаря которой, при иных обстоятельствах они вполне могли бы стать подобны Мирабо или Дантону. Они действительно были созвучны со своей эпохой. Доказать это относительно Шиллера было бы нетрудно: образ мыслей Шиллера, автора пьес «Разбойники», «Фиеско», «Крварство и любовь», никто не счёл бы резко отличным от образа мыслей Мирабо, Дантона, или даже Робеспьера. Те же самые импульсы, которым Дантон, Робеспьер и Мирабо придали политическую направленность, Шиллер вливал в литературу, в искусство. Тем не менее, можно сказать, что в смысле «душевной крови», пульсирующей в мировой истории, в «Разбойниках» Шиллера течёт та же самая душевная кровь, что и в делах Дантона, Мирабо и Робеспьера. Но та же самая душевная кровь течёт также и у Гёте, пусть даже на первых порах кажется, что Гёте крайне далёк от революционера. Но это неверно, что он совсем не таков. Однако у такой сложной природы как натура Гёте, реализовался особенный сложный набор кармических импульсов, импульсов судьбы, которые уже в ранней юности предоставили ему совершенно особую позицию в мире.

Если исследовать жизнь Гёте духовнонаучным взором, то она – если воздержаться от всего другого – подразделяется на несколько периодов. Первый период протекает так, что можно сказать: импульс, обретённый им ещё в детстве, продвигается дальше. Затем извне появляется нечто, что, по-видимому, отклоняет поток его жизни: это знакомство с герцогом Веймарским в 1775г. Затем мы снова видим, что его пребывание в Риме придало его жизненному пути иное направление, как Гёте становится совершенно другим, испытав и приняв в себя римскую жизнь. Желая ещё больше углубиться в тему, можно было бы сказать: третьим импульсом,

приходящим, как кажется, извне, – что, как мы увидим, не совсем верно в духовнонаучном смысле, – была дружба и жизнь с Шиллером после того как он, Гёте, преобразился в Риме.

Изучая первую часть жизни Гёте вплоть до 1775г. мы в результате находим, – рассматривать события тут надо внимательнее, нежели это обычно делают, – мы находим, что в Гёте живёт мощное революционное настроение, восстание против всего того, что его окружает. Но его натура уделяет внимание многому. Протестный импульс выступает у него не так сильно, как в случае «Разбойников» Шиллера, вследствие этого он менее заметен. Однако тот, кто в состоянии духовнонаучным образом погрузиться в детскую и юношескую жизнь Гёте, найдёт, что в нём присутствует некая жизненная сила, которая не сопровождала бы его в течение всей жизни, если бы не наступили известные события. То, что жило в нём как индивидуальность Гёте, было гораздо больше, чем то, что мог уместить и изживать его организм.

У Шиллера же это вполне осязаемо. Если человек способен сегодня чувствовать такую осязательность, то он это обнаружит. Ранняя смерть Шиллера была обусловлена ничем иным, как тем, что его организм был сожжён его мощными душевными жизненными силами. Это очевидно. Разве неизвестно, что когда Шиллер умер, оказалось, что его сердце внутри было как высохшее? Он держался только благодаря своим мощным душевным силам, пока он жил, но эти мощные душевные силы в то же время пожирали его телесную жизнь. У Гёте эти душевные силы были ещё мощнее, и всё же Гёте достиг преклонного возраста. Почему же он достиг преклонного возраста?

Видите ли, вчера я упоминал вам о факте, который в жизни Гёте оказался весьма значительным. Когда он был несколько лет студентом в Лейпциге, он был болен, настолько болен, что стоял на краю смерти. Он действительно видел смерть в лицо. Конечно, эта болезнь была органическим явлением природы, однако нельзя исследовать человека, творящего из элементарного начала мира, да и вообще никакого человека, если не принимать к сведению, не взвешивать такие события в течение его кармы. Что, в сущности, происходило с Гёте, когда он болел в Лейпциге? Произошло то, что можно назвать полным расшатыванием, разрыхлением эфирного тела, в котором до тех пор активно действовали душевные жизненные силы. Они разрыхлились, расшатались так, что после этой болезни Гёте между эфирным телом и физическим телом уже

не стало больше той тугой связи, которую он имел до этого. Но эфирное тело является тем сверхчувственным началом в нас, которое, по существу, делает возможным наличие представлений, мыслей. Лишь абстрактные представления, которые мы имеем в обычной жизни, какие только и любит большинство материалистически настроенных людей, человек имеет оттого, что его эфирное тело тесно связано с физическим, связано с физическим посредством сильной магнетической связи (durch ein starkes magnetisches Band). Однако из-за этого, человек имеет сильный импульс, побуждение, внести свою волю в физический мир. Человек имеет этот волевой импульс, когда, кроме того, его астральное тело особенно развито. Взглянем на Робеспьера, на Мирабо, на Дантона: мы имеем здесь эфирное тело, сильно связанное с физическим, но и сильно развитое астральное тело, которое со своей стороны действует на эфирное тело и таким образом сильно вдвигает такую человеческую индивидуальность в физический мир.

Так был организован и Гёте. Но в нём действовала также и иная сила, которая делала всё сложнее. Она действовала потому, что вследствие болезни, поставившей его на край смерти, эфирное тело ослабло, расшаталось, разрыхлилось, и осталось таким. Однако из-за того, что эфирное тело уже не было больше так внутренне связано с физическим, оно больше не вталкивало свои силы в физическое, но сохраняло их внутри эфирного. Вот почему преобразование, произошедшее с Гёте, когда он вернулся из Лейпцига обратно во Франкфурт, где знакомство с фройляйн фон Клеттенберг, мистически настроенной дамой, знакомства с кругом друзей-медиков, занимавшихся изучением алхимии, знакомство с трудами Сведенборга действительно оформлялось в систему мира, ещё хаотически, но всегда спиритуальную систему мира; он имел также внутреннюю склонность иметь дело со сверхчувственными вещами. Это было, однако, связано с его болезнью. И душа, которая вносила в земную жизнь задатки этой болезни, внесла тем самым импульс посредством болезни так подготовить эфирное тело, чтобы это эфирное тело изживало себя не только в физическом, но имело порыв, -- не только порыв, даже талант, способность -- проникаться сверхчувственными представлениями. Пока в материалистической манере рассматривают какого-либо человека на основе лишь внешних биографических фактов, не смогут прийти к тому, насколько тонкие связи существуют в потоке судьбы отдельного человека. Лишь когда допускают

согласованность природных событий, с которыми встречается наш организм, как это было в случае болезни у Гёте, с тем, что выявляется как этическое, моральное, спиритуальное, получают возможность предчувствовать глубокие следствия кармы.

Революционные силы наверняка проявились бы у Гёте так, что пожрали бы его в раннем возрасте. Именно потому, что в окружающей его среде внешнее изживание революционных сил было бы невозможно, и Гёте не мог писать драмы так, как Шиллер, эти силы должны были бы рано пожрать, разрушить его. Они были отведены в сторону вследствие расслабления связи, той магнетической связки между его эфирным и физическим телом. В данном случае вы видите, как природное событие в жизни человека приобретает значение. Конечно, тем самым указывается на более глубокую связь, нежели та, которую биографы часто принимают чисто поверхностно. Ибо значение какой-либо болезни для всех индивидуальных переживаний человека нельзя объяснить на основе наследственных факторов; нет, она так указывает на связь какого-либо человека с миром, что эта связь должна мыслиться как духовная. Из этого вы замечаете, как жизнь Гёте усложняла себя. Ведь то, как мы воспринимаем, зависит от того, каковы мы сами.

И вот теперь он, с эфирным телом, как бы наполненным оккультными знаниями, приезжает в Страсбург. И там он встречает Гердера. Великие воззрения Гердера должны были стать для Гёте чем-то иным, нежели в самом Гердере, условия в тонкой конституции которого были не такими, как у Гёте. То событие, то противостояние смерти, наступило у Гёте в конце шестидесятого года в Лейпциге, да и потом его силы прошли долгую подготовку. Тот, кто хотел бы вывести такую болезнь из чисто внешних событий, или из чисто физических событий, тот в области духа ещё не стоит на той позиции, которую занимает естествоиспытатель: то, что следует после, нельзя рассматривать как следствие того, за чем оно следует. (После этого не значит поэтому – примеч. переводчика). Так что у Гёте, вследствие такой связи между эфирным и физическим телами, всегда имела место некоторая самоизоляция от мира, которая благодаря болезни лишь достигла своего кризиса.

На каждого, у кого есть компактная связь между физическим и эфирным телами, воздействует внешний мир, но когда он оказывает впечатление на физическое тело, эти впечатления тотчас же переходят в эфирное тело, – это первое; он затем с этими впечатлениями внешнего мира прекрасно

уживается. У такой природы, как Гёте дело обстояло так, что впечатления на физическое тело, само собой, оказывались, но они не доходили тут же до эфирного тела, поскольку оно было расслаблено, расшатано. Вследствие этого, такой человек мог быть до некоторой степени изолирован от своего окружения, так что когда на его физическое тело оказывалось впечатление, протекал более сложный процесс. Отвлечитесь от этой органической конституции Гёте и обратитесь к тому, что вам известно из его биографии: как он, избегая собственного волеизъявления, просто давал подействовать на себя некоторому событию, историческому событию: тогда вы поймёте своеобразие волеизъявления в натуре Гёте. Я говорил вам: он взял биографию Готфрида фон Берлихингена, позволил себя проникнуться драматическими импульсами Шекспира, и почти совсем немного изменил не слишком хорошо написанную автобиографию Генриха фон Берлихингена, так что он назвал свою драму не «драма», а «История Готфрида фон Берлихингена с железной рукой, драматическое переложение»; он изменил совсем мало. Видите ли, это, я бы сказал нежное, робкое прикосновение к вещи, при котором он не допустил насилия, осуществилось вследствие этой совершенно особенной связи между эфирным телом и физическим телом.

У Шиллера такой связи не было. Поэтому он создавал такие образы, который поистине возникали не благодаря внешнему впечатлению, но который он волевым образом формировал из своей природы: Карл Моор. Гёте нуждался в воздействиях жизни. Но он не принуждал, не насиловал жизнь; он лишь тихо помогал жизни возвыситься до произведения искусства. Так было и тогда, когда к нему подступили жизненные обстоятельства, которые он затем отобразил в «Вертере». Он не перегибал, а лишь слегка формировал обстоятельства собственной жизни, обстоятельства жизни его друга Ерусалема; он брал жизнь и лишь едва помогал ей. Та нежная форма, посредством которой он помогал, исходя из своего эфирного тела, превращала жизнь в произведение искусства. Но и к жизни он подходил посредством той же самой организации, я бы сказал, лишь косвенно сближаясь с жизнью; готовя в этой инкарнации свою карму посредством этого исключительно косвенного сближения с жизнью.

Он приезжает в Страсбург. Кроме того, что он уже пережил, – о чём я вам рассказывал вчера, что его подвинуло на его путь, путь Гёте, как такового, – в Страсбурге он пережил ещё, как вам известно, сердечную привязанность к дочери

священника из Сезенхейма, Фредерике Брион. Он очень и очень, всем своим сердцем погрузился в эти отношения, и, конечно, можно было бы по поводу этих отношений между Гёте и Фридерикой фон Сезенхейм пуститься в моральные рассуждения, которые могли бы быть справедливы. Но дело сейчас не в этом, а в понимании этого. Гёте уже действительно сделал всё то, что любого человека, который не был бы Гёте, не только должно было бы привести, но несомненно привело бы к продолжительной совместной жизни с Фредерикой Брион. Но переживания Гёте не были непосредственны. Из-за того, о чём я рассказал вам, создалась пропасть между его особым внутренним миром и миром внешним. И как он не прибегал к волеизъявлению, насилию относительно живых существ внешнего мира, но лишь нежно преобразовывал их, так и свои чувства и ощущения, которые он мог переживать лишь в своём эфирном теле, он не проносил сразу же через физическое тело, не приводил их в столь тесную связь с внешним миром так, чтобы они как у других приводили к вполне определённым жизненным событиям, так он отстранился от Фридерики Брион. Но это надо рассматривать как нечто душевное. Когда он в последний раз ускакал от неё, он встретил на обратном пути самого себя – это вы можете прочесть в его биографии. Гёте встречает Гёте. Лишь позднее, значительно позднее рассказал Гёте, как тогда он встретил себя. Гёте встретил Гёте. Он видел себя самого. Он скакал прочь, и на обратном пути ему встретился Гёте, но не в той одежде, какая была на нём, но в другой одежде. И когда он позднее, спустя много лет снова пришёл туда, чтобы отыскать старых знакомых, он вдруг понял, что на нём действительно тот самый костюм, – он не искал его, – который он увидел на себе много лет назад, когда встретил себя. Надо верить в это событие с той же силой, как верим мы чему-то другому, рассказанному Гёте. Придираться к этому, значило бы неподобающим образом относиться к той любви к истине, правде, с которой Гёте изображает свою жизнь.

Как же случилось, что Гёте, который вступил в отношения одновременно и столь близкие, и столь отдалённые, – близкие, потому, что у всякого другого они бы привели к другому, и далёкие, потому, что он именно смог уехать, – как случилось, что он повстречал себя самого? У человека, переживающего в эфирном теле, переживание очень легко объективируется, если это эфирное тело расслаблено, разрыхлено. Он видит это как нечто внешнее, переживание проецируется наружу. И это действительно наступило у Гёте. В один очень подходящий для

этого момент, он увидел другого Гёте, эфирного Гёте, который жил в нём, и посредством своей кармы оставался связанным с Фредерикой фон Сезенхейм. Поэтому он как призрак выступил навстречу самому себе. Но это именно такое событие, которое глубочайшим образом продемонстрировало то, что надлежало ему на основе фактов узнать о своей собственной натуре.

Тем самым вы видите, как человек может принимать участие во внешних событиях, быть внутри их, но как всё же надо ему сначала понять, какую именно особую, индивидуальную позицию он в этих событиях занимает, в каком виде от стоит внутри событий. Ведь у человека складываются сложные отношения с миром, с прошлым; сложна связь с тем, что мы из прошлого переносим в будущее. Однако, благодаря тому, что Гёте сумел вывернуть своё внутреннее наружу из телесных связей, благодаря этому он уже в ранней юности получил возможность взлелеять в своей душе те глубокие истины, которые приводят нас в удивление в его «Фаусте». Я намеренно говорю: приводят в удивление, ошеломляют, – по той простой причине, поскольку они действительно должны ошеломлять; я едва ли мог бы представить себе что-либо более наивное, чем когда биографы Гёте повсюду рекламируют мнение, будто «Гёте – это Фауст, а Фауст – это Гёте». Мне часто приходилось читать это у биографов Гёте. Это, разумеется, самая обычная ерунда. Ибо то, что мы действительно имеем в Фаусте, если даём ему воздействовать на нас правильным образом, является перед нами фактически так, что мы можем сказать: порой дело обстоит так, что мы даже и предположить не можем, что Гёте переживал или знал нечто подобное – и, тем не менее, оно есть в «Фаусте». «Фауст» всегда перерастает самого Гёте. Полностью понять это может только тот, кто знаком с подобным удивлением, кто сам, получив постфактум поэтическое произведение, пережил такое же ошеломление, как переживал его сам создатель поэтического произведения. Нельзя поверить в то, что поэт всегда остаётся столь же велик, как и его произведение. Он столь же мало нуждается в этом, сколь мало нуждается отец (гения) обладать таким же душевным величием и гениальностью, как и его сын; ибо поистине поэтические произведения представляют собой нечто живое. И сколь мало можно было бы говорить о живом, что оно не может создать то, что выше его, так же нельзя утверждать, что духовно-творческое начало не можно сотворить то, что выше его.

Но благодаря той внутренней изоляции, которую я описывал вам у Гёте, в его душу вступали те глубокие

прозрения, которые встречаются нам в его «Фаусте». Ибо такое произведение, как «Фауст» не есть просто поэма, как другие поэмы. «Фауст» проистекает из источников всего духа пятой послеатлантической культуры; он далеко перерастает Гёте. Из «Фауста» нам навстречу звучит то, что переживаем мы с миром при его становлении. Вспомните слова, которые вы слышали незадолго до этого:

Мой друг, прошедшее постичь не так легко;
Его и смысл, и дух, настолько не забыты, –
Как в книге за семью печатями сокрыты.
То, что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени, – увы, ни что иное,
Как отраженье духа временное
В лице писателя: его лишь дух и склад!

Этих слов можно легко не заметить. Но тот, кто чувствует их во всей их глубине, вспомнит и то, что такие слова могут быть истинны только в самом глубоком смысле. Вспомните о том, что имеет современный человек благодаря сведениям об эллинизме, о древнегреческой духовной жизни, благодаря Эсхилу, Софоклу, Еврипиду! Люди углубляются в эту древнегреческую духовную жизнь, скажем, в Софокла. Но разве Софокл – книга за семью печатями? Не так-то просто представить себе, что Софокл может быть книгой за семью печатями. Софокл, дожив до девяносто одного года, написал более 80 драм, из которых сохранилось только семь! Известен ли человек, который написал бы восемьдесят одну или больше драм, а сохранилось от которых только семь? Разве это не буквальная правда: книга за семью печатями? Может ли кто-либо утверждать, что он знает Древнюю Грецию, эллинизм, если он просто лишён тех семидесяти четырёх драм Софокла, которыми восхищались и которые превозносили греки? Очень большое число произведений Эсхила тоже отсутствует. А во времена Древней Греции было много поэтов, чьи имена неизвестны. Так что разве не является прошлое книгой за семью печатями? Если взять эти внешние факты, то можно сказать это. И -

...разве мы не с радостью следим
За духом времени, – за много лет пред нами
Как размышлял мудрец, и как в сравненьи с ним
Чудесно далеко продвинулись мы сами?

Натура Вагнера верит, что легко сможет проникнуть в дух мудреца – если бы ему довелось это сделать. Жаль только, нельзя проверить, что писали бы теперь brave рецензенты о «Гамлете», если бы он появился сейчас и был бы поставлен на какой-нибудь театральной сцене в большом городе перед этими господами! Возможно, в случае этих господ тут не помогло бы даже то, что вынужден был предпринять Софокл в почтенном возрасте, чтобы хоть родственников своих убедить в своём величии. Ведь ему исполнилось девяносто один год, и родственники столь долго должны были дожидаться наследства: тогда они попытались заручиться свидетельством того, что Софокл впал в слабоумие и уже не в состоянии больше управлять своим собственным имуществом. Его не могло спасти ничего иного, как только то, что он написал драму «Эдип в Колоне». Тем самым он, по крайней мере доказал, что он не слабоумный. Понадобилось бы это в случае современных рецензентов, я не знаю, но в то время это помогло. Кто углубится в подобного рода факты, в трагедию девяностолетнего Софокла, тот одновременно сможет судить о том, как это трудно – найти путь к человеческой индивидуальности: каким сложным образом связана эта человеческая индивидуальность с мировыми событиями. Можно было бы привести много, много примеров, показывающих, как глубоко надо копать, чтобы понять мир. Но как много мудрости, необходимой для того, чтобы понять мир, живёт уже в самой первой части «Фауста»! Возвращаясь к этой своеобразно протекающей судьбе, можно действительно показать, как в человеческом развитии природа и деяния духа едины, как болезнь может иметь не только физическое, но и духовное значение.

Итак, мы видим, что кармический импульс у Гёте мощно двигал его вперёд. Но затем снова в 1775г. с внешней стороны подступает знакомство с герцогом Веймарским. Гёте вызвали в Веймар из Франкфурта. Что означало это тогда в его жизни? Если хотят и дальше искать понимания жизни человека, надо прежде понять, что значит в жизни человека такое событие. Я знаю, как мало склонен современный мир действительно пробуждать те душевные силы, которые необходимы для того, чтобы полностью прочувствовать, полностью ощутить то, что живёт в первой части «Фауста». Для того, чтобы описать то, что приведено здесь: «Фауст» часть 1, монолог в комнате для занятий, Дух Земли, – требуется всё богатство души, расположенной к тому, чтобы – раз она его видит – в пылком благоговении пребывать перед ним как можно дольше. И часто

душа испытывает глубокую боль, когда видит, насколько мир глух и не в состоянии ощутить величия. Если же человек со всей полнотой чувствует нечто подобное, тогда он в состоянии понять, куда приходит в своих ощущениях тот, кто действительно проникается духовной наукой. Он приходит к тому, чтобы сказать: в Гёте живёт нечто такое, что сжигает его. Дальше так продолжаться не может.

Уже пора иметь такие мысли. Представьте себе: в 1749 г. Гёте родился, в 1775 г. ему, следовательно, было двадцать шесть лет. В чемодане он везёт с собой в Веймар манускрипт со сценой, которую мы приводили сегодня; возьмём хотя бы это, не говоря об остальном. Кто пережил такое в той степени, что смог потом записать, тот нёс это в своей душе; на его душе это лежало тяжким грузом, ибо эта сила, которая стремится вперёд, которая хотела бы разорвать душу.

Мы должны уяснить себе две вещи, если мы хотим в правильном смысле, в правильном освещении по достоинству оценить эту первую часть «Фауста» Гёте. Можно подумать, что Гёте, скажем, начиная с двадцати пяти лет до своего пятидесятилетия мало по малу, постепенно писал эти сцены. Тогда они не держали бы его душу в таком напряжении, тогда они не были бы таким грузом. Но это невозможно, несомненно, это было бы невозможно, так как с тридцатого, тридцать пятого года юношеских сил не хватает, тех сил, которые необходимы для создания именно такой вещи. В соответствие со своей индивидуальностью он должен был бы написать эту вещь в эти годы, но тогда он бы не смог жить дальше. Ему было необходимо нечто подобное сумеркам, своего рода частичный душевный сон, чтобы ослабить огонь, бушевавший в его душе, когда он писал первую часть «Фауста». Герцог Веймарский пригласил его, чтобы сделать его министром в Веймаре. И он был хорошим министром, как я уже говорил. Так в качестве министра, хотя при этом он много и кропотливо работал, он мог временами впадать в апатию – он смог успокоить то, что сжигало его душу. Действительно, есть большая разница в настроении перед 1775 г. и после 1775 г.; это настроение можно сравнить с мощным бодрствованием и полусонной жизнью после. Тут даже подходит слово Гёте «тупость», апатия – в смысле, использованном при его описании своей особой жизни в Веймаре, где он так вживается в события, что резонирует с ними, идёт у них на поводу больше, чем прежде, когда он протестовал против них. Примечательно то, что после, вслед за десятилетней апатией следовало плавное, мягкое сближение с тем, что происходило с людьми. И сколь мало

жизнь во сне является непосредственным следствием дневной жизни, столь же мало эта сонная жизнь Гёте была следствием того, что предшествовало ей. Связи эти намного более обширны, нежели думают обычно. Я уже часто обращал внимание на то, что поверхностность воззрений обнаруживает тот, кто на вопрос: «Почему человек спит?» отвечает: «Потому, что он устал!» – Это «ленивая истина», истина, которая сама спит, то есть вздор. В ином случае не должно было бы быть таких фактов, что человек, который не может быть уставшим, например, рантье после сытного обеда, погружается в сон, если слышит то, что ему неинтересно. Ведь он наверняка не устал. Дело обстоит не так, что мы спим, потому что устали; нет, бодрствование и сон есть ритмический жизненный процесс, и если время спать, то возникает потребность во сне: так мы становимся уставшими. Мы устаём, поскольку мы должны спать, а не спим, потому, что устали. Сейчас мне не хотелось бы развивать эту тему дальше.

Но подумайте о том, насколько грандиозны связи ритма сна и бодрствования. Этот ритм в природе человека является отображением дня и ночи в космосе. Попытка объяснить сон дневной усталостью хоть и предпринимается материалистической наукой, но верно как раз обратное. Ритм сна и бодрствование надо объяснять исходя из космоса, из макрокосмических связей. Из этих макро-связей следует также объяснять и то, почему у Гёте после того периода, когда в его душе бушевал «Фауст», последовала десятилетняя апатия Веймарской жизни. Тем самым вы прямо указали бы на его карму, о теперь которой не следовало бы распространяться дальше.

Человек, будучи обычным человеком, пробуждаясь утром, возвращается, как правило, к тому состоянию, в котором он заснул вечером, к своему собственному сознанию. В действительности так никогда не бывает: мы никогда не пробуждаемся именно такими, какими мы заснули, но немного богаче; правда, этого обогащения мы не осознаём. Но если за подъёмом волны следует её падение, как это было у Гёте в Веймарский период жизни, тогда пробуждение достигается на более высокой ступени, должно достигаться на более высокой ступени. А самые внутренние силы стремятся вослед. Также и у Гёте его самые внутренние силы из Веймарской апатии снова устремились к полной жизни в той среде, которая действительно могла принести ему то, чего ему так не доставало. Это пробуждение наступило в Италии. В самом Веймаре он из-за своей конституции не мог бы пробудиться.

Однако именно на таких вещах можно наблюдать творческие закономерности настоящего художника, великого художника с его особыми переживаниями. Видите ли, тот, кто невелик как художник, тот может написать драму на гладком пути, постепенно, строка за строкой; у него это хорошо получится. Но великий художник, поэт, не может этого, ибо ему необходимо глубоко укорениться в жизни, ему надо срастись с жизнью. Вот почему Гёте смог выразить в своём «Фаусте» глубочайшие, самые глубочайшие истины в относительно юном возрасте, истины, которые далеко превосходили его душевные способности. Но он должен был выразить омоложение, происходящее с Фаустом. Представьте себе: Фауст должен был бы прийти к совершенно иному настроению; несмотря на то, что он так глубоко проработан, организован, он должен испытать омоложение. В конце концов, вопреки всей его глубине, то, что он до тех пор принимал в свою душу, приблизило его к самоубийству. Он должен был омолодиться. Человек более мелкого масштаба мог бы прекрасным образом описать, да ещё создать прекрасные варианты того, как человек омолодился. Но для Гёте просто так – это было невозможно; он должен был сам сначала претерпеть омоложение в Риме. Поэтому сцена омоложения – «Кухня ведьмы» – написана именно в Риме, в саду виллы Боргезе. Гёте не отважился бы написать эту сцену раньше.

С таким омоложением, которое пережил Гёте, связано некое, пусть даже ещё смутное, сознание. Во времена Гёте ещё не было духовной науки: ясного сознания возникнуть ещё не могло, а только смутное сознание. С таким омоложением были опять-таки связаны особые силы, которые должны были разыгаться лишь в следующей ближайшей инкарнации. Здесь сочленились друг с другом события, принадлежавшие этой инкарнации, с некоторыми событиями, играющими роль в ближайшей инкарнации. Обдумав это, мы обнаружим у Гёте тенденцию особого, глубокого значения. Видите ли, если мне будет позволено сделать личное замечание; в течение нескольких десятилетий, – я мог бы сказать – с 1879-80 гг. постоянно, а с 1885-86 гг. с особенной интенсивностью – я занимался естествознанием Гёте, воззрениями Гёте на природу. В это время я пришёл к выводу: в том импульсе, который дал естествознанию Гёте, – о котором современные учёные-естественники, исследователи природы, натурфилософы не имеют никакого понятия, они этого не понимают, – итак, в этом импульсе лежит нечто такое, что можно разработать, хотя на это нужны столетия. Так что Гёте,

по всей вероятности, если он возвратится в другой инкарнации, ещё будет искать возможности, чтобы создать, сформировать то, что в этой инкарнации именно в области естественных наук он доделать не смог. О многом, заключённом в естествознании Гёте, пока не имеют никакого представления. Об этом я говорил в моей книге «Мировоззрение Гёте» и во введении к «Естественно-научным трудам Гёте», изданным в Национальной литературе Кюршнера. Можно сказать так: Гёте в своих воззрениях на природу несёт в себе нечто такое, что указывает на отдалённые, весьма далёкие горизонты; что внутренне связано с его новым рождением, которое должно быть теперь связано не с Римом, а только с тем возрастом жизни, который он переживал в Риме. Прочтите, что я писал об этих вещах, как во время его итальянского путешествия складывался метаморфоз растений, животных, прарастение, праживотное, как он, вернувшись назад, проработал учение о цвете, хроматологию, которую сегодня ещё совсем не понимают, как он разрабатывал другие вещи. Тогда вы увидите: его следующее рождение связано с вживанием в его всеобъемлющие воззрения на природу. Затем всё то, что было дано ему, что произошло с ним в жизни, он сочетал со своим «Фаустом», причём не так, как это сделал бы поэт более мелкого масштаба, но так, как подобает великому поэту. Фауст переживает трагедию Гретхен. И вдруг посреди трагедии Гретхен внезапно выступают великие воззрения, Фауста на природу которые, во всяком случае, весьма родственны великим воззрениям Гёте на природу; они выражены в следующих словах Фауста:

Могучий Дух, ты всё мне, всё доставил
 О чём просил я. Не напрасно мне
 Свой лик явил мне в пламенном сиянье.
 Ты дал мне в царство чудную природу,
 Познать её, вкусить мне силы дал;
 Я в ней не гость, с холодным изумленьем
 Дивящийся её великолепью, -
 Нет, мне дано в её святую грудь
 Как в сердце друга бросить взгляд глубокий.
 Ты показал мне ряд созданий жизни,
 Ты научил меня собратий видеть
 В волнах, и в воздухе, и в тихой роще.
 Когда в лесу бушует ураган,
 И повергает ближние деревья,
 Ломится с треском богатырь-сосна,

И холм её паденью глухо вторит, –
 В уединенье ты меня зовёшь,
 И сам себя тогда я созерцаю,
 И вижу тайны духа моего.

Перевод Н. Холодковского

Великое мировоззрение! Гёте приписывает его Фаусту. Такое мировоззрение вплоть до этого проникновения в душу, сам Гёте обрёл во время своего итальянского путешествия. Сцена «Могучий Дух, ты всё мне, всё доставил» тоже была написана в Риме; Гёте написал её не раньше. Ибо эти две сцены, сцена омоложения в «Кухне ведьмы» и сцена «Лес и пещера»: «Могучий Дух, ты всё мне, всё доставил» именно те, которые были написаны в Риме.

Итак, вы видите настоящие ритмы в этой жизни Гёте, ритмы, которые выдают, обнаруживают внутренний импульс, подобно тому, как ритм сна и пробуждения в человеке выявляет наличие некоего внутреннего импульса. На примере такой жизни, какой является жизнь Гёте, мы можем наглядно изучать некоторые законы; они покажут нам, как то, что выступает в качестве закона у великих личностей, может быть важно и для жизни каждого отдельного человека. Ибо, в конце концов, законы, которые правят в великих людях, правят и в каждом отдельном человеке. Давайте завтра продолжим разговор о жизненных взаимосвязях, которые могут быть раскрыты с этой точки зрения.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 6 ноября 1916г

Теперь мне хотелось бы с несколько иной исходной точки приблизиться к той проблеме, над которой мы работаем в ходе наших рассматриваний. Ведь в духовной науке должно быть так, что к проблеме ищут подход с различных пунктов, приближаются к ней с различных пунктов. Если мы рассматриваем такой жизненный путь, каков он у Гёте, нам должно, так сказать, явно броситься в глаза нечто такое, что для иного может вообще стать величайшей загадкой человеческого развития, даже в том случае, если он рассматривает повторяющиеся земные жизни и берёт их на помощь, изучая построение жизни человека. Я имею в виду следующую проблему: где заложено то, что отдельный человек, как, например Гёте, в состоянии из своего внутреннего мира, создавая нечто столь значительное, как создавал Гёте его

«Фауста», посредством таких творений оказывать значительное влияние на всё остальное человечество? Как это происходит, что некоторые отдельные люди выделяются из остального человечества и судьбами мира призываются к чему-то значительному? – Мы затем сравниваем столь значительные творения с жизнью каждого человека в отдельности и спрашиваем себя: как возникает различие между каждой отдельной человеческой жизнью и жизнями так называемых выдающихся людей?

На этот вопрос можно дать ответ только в том случае, если более точно рассматривать жизнь с помощью средств, которые даёт нам в руки духовная наука. Всё то, что может познать человек, именно в наше время предрасположено к тому, чтобы вуалировать, маскировать некоторые вещи, отдалять человека от их непредвзятого рассмотрения. Отсюда возникает необходимость говорить в духоведении о чём-либо, приспособляясь к тому, чтобы сказанное, прежде всего, могло быть понято. Обычно в духоведении мы ведём описание таким образом. Мы говорим: человек, как он представляется нам в жизни, состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «я». – Затем мы, описывая, характеризуя смену состояния между бодрствованием и сном, говорим: во время бодрствования наше «я» и наше астральное тело находится внутри нашего физического тела и нашего эфирного тела; во время сна «я» и астральное тело находятся снаружи. – Этого вполне достаточно для понимания дела, и это целиком соответствует духовнонаучным фактам. Речь, однако, идёт о том, что такое описание даёт лишь часть полной действительности. Мы никогда не сможем в одном единственном описании охватить действительность во всей её полноте. Мы, в сущности, всегда даём только часть полной действительности, описывая что-то. Мы всегда должны пытаться осветить описываемую действительность светом с какой-то другой стороны, чтобы она была освещена правильно. Тут надо был бы сказать: в общем-то, верно, что сон и пробуждение действительно представляют собой своего рода циклическое движение для человека. Строго говоря, указанные «я» и астральное тело находятся во время сна вне физического и эфирного тела человека лишь в области головы, и именно оттого, что во сне «я» и астральное тело находятся вне физической и эфирной головы человека, они развивают столь активную деятельность в остальной части человеческого организма. Всё то, что в человеке не является головой, а представляет собой другую человеческую организацию,

именно во время сна, когда «я» и астральное тело до некоторой степени действуют на человека извне, находятся под гораздо более сильным влиянием со стороны этого «я» и астрального тела, нежели во время бодрствования. Можно сказать: в состоянии сна то воздействие, которое «я» и астральное тело человека во время бодрствования оказывают на его голову, они переносят на остальной организм. – Поэтому мы можем с правом в некотором смысле сравнивать «я» человека с Солнцем, которое в течение дня освещает окрестность вокруг нас; если же нас окружает ночь, этого Солнца, хотя и нет снаружи, оно освещает другую сторону Земли и создаёт там день. Так что, в известном смысле, в нашем остальном организме наступает день, когда для наших органов чувств, которые преимущественно связаны с головой, наступает ночь. Ночь же для нашего остального организма наступает тогда, когда для нашей головы наступает день, то есть, наш остальной организм в большей или меньшей степени оставлен нашим «я» и нашим астральным телом, когда мы бодрствуем. Это нечто такое, что следует присоединить для освещения действительности в целом, если мы хотим понять всего человека.

Речь идёт о том, что если хотят как следует понять то, что я только что сообщил, надо правильным образом постичь связь душевного и физического начала в человеке. Я часто подчёркивал, что нервная организация физического организма является единой организацией и, в сущности, большой глупостью является разделять нервы на сенсорные и моторные, что не находит подтверждения в анатомии. Все нервы организованы как нечто единое, и все они имеют одну функцию. Так называемые моторные нервы отличаются от так называемых сенсорных нервов только тем, что сенсорные устроены, чтобы служить для восприятий внешнего мира, в то время как так называемые моторные служат для восприятия собственного организма. Моторные нервы не предназначены для того, чтобы двигать моей рукой – это полный вздор – но моторный нерв, так называемый моторный нерв предназначен для того, чтобы воспринимать движение руки, в то время как сенсорный нерв предназначен для того, чтобы способствовать восприятию внешнего мира. Вот и вся разница. Наша нервная система, как вы знаете, подразделяется на три члена, три части: на те нервы, которые являются главным центром головного мозга, то есть те, которые сконцентрированы в голове, затем на те нервы, которые сконцентрированы в спинном мозге, и на те нервы, которые мы причисляем к

ганглиозной системе. Вот в сущности три типа нервов, которые имеет человек. Дело в том, чтобы понять, какие отношения господствуют между этими тремя типами нервных систем и духовными членами нашего организма, какой из них является наиболее продвинутым, наиболее тонким членом нервной системы, а какой – наименее продвинутым членом нервной системы.

Само собой разумеется, что ответ того, кто сегодня исходит из обычного естественнонаучного мировоззрения, будет таков: конечно, нервная система головного мозга является наиболее благородной, ведь она представляет собой то, что отличает человека от животного. – Однако это не так. Эта нервная система головного мозга существенным образом связана со всем организацией нашего эфирного тела. Само собой разумеется, повсюду существуют и более отдалённые связи, так что вся наша система головного мозга имеет отношение к астральному телу или к «я», но это второстепенные отношения. Первостепенные, изначальные отношения существуют между нашей системой головного мозга и нашим эфирным телом. Это не имеет никакого отношения к тем сведениям, которые я сообщал вам однажды: что вся нервная система реализуется посредством астрального тела; это совсем другое, и надо это различать. Она была реализована в своих изначальных задатках в течение древнего лунного времени (в космосе Древней Луны), но она развивалась дальше, она после своего первичного образования находилась в иных условиях, так что на самом деле наша система головного мозга имеет самое внутреннее, самое значительное отношение к нашему эфирному телу. Система нервов спинного мозга имеет наиболее внутреннее, первостепенное отношение к нашему астральному телу, каким мы его имеем теперь в себе, будучи людьми, а ганглиозная система, система нервных узлов, имеет отношение к «я», к самому «я». Эти отношения носят первостепенный характер, именно их мы имеем теперь.

Взвесив это, мы легко можем представить себе, что особенно активные, подвижные отношения господствуют в состоянии сна между нашим «я» и нашей ганглиозной системой, которая расположена преимущественно в области туловища, которая волокнами окружает спинной мозг снаружи, и т.д. Но во время дневного бодрствования эти связи расслабляются; они существуют, но они расслаблены во время дневного бодрствования. Они становятся более внутренними во время сна. И более внутренними, нежели во время бодрствования, становятся связи, отношения между

астральным телом и нервами спинного мозга в состоянии сна. Итак, мы можем сказать: во время сна устанавливаются совершенно особые, внутренние отношения, связи, между нашим астральным телом и нервами спинного мозга и между нашим «я» и ганглиозной системой. Во время сна мы в большей или меньшей степени живём в нашем «я» вместе с нашей ганглиозной системой. Если мы будем более точно изучать загадочный мир сновидений, мы узнаем то, о чём я упоминаю на основе духовнонаучных исследований.

Но затем, если вы примите это к сведению, вы найдёте, тем самым, мост к иной, весьма существенной, полной значения мысли: насколько важную роль для жизни может играть ритмическое изменение, наступающее при живом взаимодействии «я», например, с системой ганглиев, а астрального тела – с системой спинного мозга, ритмическое изменение, подобное смене сна и бодрствования. Ведь вам не покажется слишком странным, если сказать: вследствие того, что «я» правильным образом находится во время сна в ганглиозной системе, а астральное тело – в системе спинного мозга, человек во время сна как бы бодрствует относительно ганглиозной системы и системы спинного мозга, и спит относительно них во время бодрствования. – Тут можно лишь поставить вопрос: как же это выходит, что человек так мало знает об этом активном бодрствовании, развиваемом во время сна? Тут, если вы примите к сведению само (эволюционное) становление человека, то, что «я» заняло своё место в человеке только в земном бытии (в космосе Земли – примечание переводчика), а значит среди других членов человека (имеются ввиду физическое, эфирное и астральное тела, – прим. перев.) это «я» является ещё младенцем, вы не удивитесь тому, что это «я» ещё не в состоянии довести до сознания то, что оно переживает в системе ганглий во время сна, в то время как оно успешно доводит до сознания то, что оно переживает, находясь в полностью сформированной голове. Ведь голова является, главным образом, результатом всех тех импульсов, которые действовали на Луне, Солнце и т. д. (имеются в виду древние космические ступени эволюции космос Древней Луны и космос Древнего Солнца, – примеч. перев.). В состоянии ли «я» довести до сознания то или иное, зависит от инструмента, который оно может при этом использовать. Тот инструмент, который служит ему ночью, ещё относительно крайне нежен, слаб. Ведь я уже сообщал вам в прежних лекциях, что весь остальной организм развился, в сущности, значительно позднее, что он является добавкой к более совершенной

головной организации человека, он является придатком головного организма. Говоря о том, что человек как физическое тело проделал более или менее долгие эволюционные стадии от Сатурна (имеется в виду космос Древнего Сатурна – примеч. перев.), мы относим такое высказывание лишь к голове, только голову имеем мы в виду. То, что присоединено к голове как придаток, является гораздо более поздним образованием, лунным (то есть полученным в космосе Древней Луны – прим. перев.) или даже земным образованием. Вот почему та активная жизнь, развивающаяся во время сна и имеющая своё преимущественное местонахождение в спинном мозге и ганглиозной системе, осознаётся так мало, хотя от этого она не становится менее активной, менее значительной. И можно сказать, что во время сна человеку должна быть предоставлена точно такая же возможность опускаться в свою ганглиозную систему, как имеет он возможность во время бодрствования подниматься в свою систему органов чувств и головного мозга. Конечно, вы могли бы сказать: как это сложно, – или даже: как запутано всё то, что мы должны усвоить! – Но человек – сложное существо, и мы не научимся его понимать, если действительно не справимся с этой сложностью, не дадим этими трудным вещам действовать на себя.

Представьте себе, что у человека наступает то, что я описал вам относительно Гёте: эфирное тело расслабляется, разрыхляется. Тогда, – если эфирное тело расслабляется, – тогда во время бодрствования устанавливаются совершенно иные отношения между душевно-духовным началом и органическим, физическим началом в человеке. Человек тогда оказывается, как я это описал вам вчера, в положении изоляции. Но такое следствие никогда не выступает без того, чтобы не повлечь за собой нечто иное. Очень важно обратить на это особое внимание. Такое состояние, такое отношение не наступает в одностороннем порядке, но влечёт за собой нечто иное. Если описанное мною вчера состояние выразить более грубо, можно было бы сказать: вследствие расслабления эфирного тела вся бодрственная жизнь человека некоторым образом ущемляется, оказывается подверженной влиянию. Но этого не могло бы быть без того, чтобы и жизнь человека во сне не оказалась одновременно подвержена влиянию. Вследствие этого человек просто раскрепощается, высвобождается по отношению к впечатлениям, полученным посредством головного мозга, если у него имеет место то, что было Гёте. Вследствие этого он, бодрствуя, вступает в более интимные, в

более сильные отношения со своей системой спинного мозга и системой ганглиозных узлов. В то время, когда Гёте был болен, случилось так, что он развивал более раскрепощённое отношение к своему головному мозгу, но в то же самое время и более интимное отношение к своей ганглиозной системе и системе спинного мозга.

Что же наступило в результате? Что это означает – более интимное отношение к ганглиозной системе и системе спинного мозга? Вследствие этого у человека как раз и возникает совершенно иное отношение к внешнему миру. У нас всегда есть некое внутреннее отношение ко всему внешнему миру; только мы не замечаем то, в каком внутреннем отношении к внешнему миру мы находимся. Но я часто обращал ваше внимание на следующее: воздух, который вы в данный момент несёте в себе, в следующее мгновение окажется снаружи, в другой воздух – внутри; тот воздух, что сейчас находится снаружи, в следующий момент примет форму тела и соединится с вашим телом. Ведь это только так кажется, что человеческий организм, якобы, обособлен от внешнего мира; он является членом этого внешнего мира, он принадлежит ко всему этому внешнему миру. Если же в отношении к внешнему миру наступают те изменения, которые я характеризовал, это оказывает сильное влияние на всю жизнь человека. Можно сказать именно так: вследствие этого низшая природа человека у таких личностей, как Гёте, выступает особенно сильно; ведь низшей природой обычно называют то, что связано со спинным мозгом и ганглиозной системой. От головы силы отступают назад; они в большей степени претендуют на системы ганглий и систему спинного мозга.

То, что здесь происходит, можно понять только в том случае, если хорошо знать следующее: то, что мы называем умом, рассудком, не так уж тесно связано с нашей индивидуальностью, как мы это обычно себе представляем. Именно об этих вещах в наше время все основополагающие представления построены на, – можно сказать, – искажённых, извращённых понятиях. Современные представления об этих вещах менее всего правильны. Это особенно обнаруживается, причём самым, что ни на есть «сиволапым», «дурацким» образом, – я не знаю, понятно ли это выражение: оно означает такое отношение к вещи, в котором сочетаются тупость и слабоумие, – в том случае, когда наша современность, включая наиболее образованные круги современных учёных, рассматривает явления при опытах с так называемыми «учёными животными»: собаками, обезьянами, лошадьми и т.д.

Вы ведь знаете, что в мире внезапно появляются известия об учёных лошадях, которые, якобы, могут считать, которые, якобы, способны совершать всевозможные вещи, известия об одной очень учёной собаке, с которой дают представления в Манхейме, об учёной обезьяне из зоопарка во Франкфурте, которая умеет считать, помимо прочих вещей, подробности о которых не принято разглашать в приличном обществе, на которые только намекают. Так шимпанзе из Франкфурта, в отношении некоторых своих естественных потребностей приучена вести себя так, будто это поступает не обезьяна, а человек: мне не хотелось бы развивать эту тему дальше. Всё это вызывает большое изумление не только в кругу дилетантов, но и в учёных кругах. Не только дилетанты, профаны, но и учёные впадают в своего рода экстаз, особенно когда манхеймская собака пишет письмо, после того как один из её верных родственников умер; как этот верный родственник, отпрыск собаки, якобы, находится при некой пра-душе, что он там имеет и так далее. Это весьма разумное письмо, написанное той самой собакой. Ну, особо сложными проявлениями интеллекта мы тут заниматься не будем, не так ли, но всё же: все эти различные животные владеют арифметическими действиями, производят их. Было проведено немало исследований того, что могут такие животные. У франкфуртской обезьяны получалось что-то совсем особенное. Было доказано, что если ей предстояло произвести вычисление, в результате которого должно было получиться определённое число, она показывала это самое число в ряду других чисел; она показывала на верное число как на сумму, полученную, например в результате сложения отдельных чисел. При этом обнаружилось, что эта учёная обезьяна просто напросто была приучена направлять свои действия по направлению взгляда своего дрессировщика. Некоторые из тех, кто раньше удивлялся, теперь сказали: «Всё дрессировка тут, а духа ни следа». – Это в сущности ничто иное, как опыт, но более сложный, чем тот, когда собака выполняет команду «апорт!», приносит брошенную вещь, когда ей бросают камень, а она его приносит; так и обезьяна выбирает из ряда чисел то число, на которое указывает не направление броска, а просто взгляд её воспитателя.

Разумеется, что при более точных исследованиях, проверках, подобные результаты будут получены и для случаев остальных животных. Удивляться тут следовало бы только одному: что люди так фраппированы, озадачены, когда такое животное делает что-либо по видимости похожее на

деятельность человека. Ведь насколько больше духа, насколько больше разума – если рассматривать разум как нечто объективное – имеется, как само собой разумеющееся, в том, что хорошо известно в мире животных, в том, что руководствуется так называемыми инстинктами. А ведь на самом деле здесь совершается нечто исполненное огромного значения, здесь заложены глубокие, значительные связи, которые у кого-то вызывают удивление той мудростью, господствующей повсюду, где выявляются феномены. Мудрость мы имеем не только у себя в голове; мудрость – это нечто, облекающее нас отовсюду подобно свету, действующее всюду, действующее также и через животных. Ну, а таким экстраординарным явлениям удивляются только те, кто не получил серьёзного научного развития. Я бы хотел всем тем, кто пишет сегодня учёные монографии о манхеймской собаке и других подобных собаках, о лошадях, об обезьяне из Франкфурта и так далее, – ведь помимо этого есть и то, что не перечислено – я хотел бы прочесть одно место из одной, ещё в 1866 г. появившейся книги «Сравнительная психология» Каруса. Поскольку те, другие, не слышат меня, я, прежде всего, прочту это место вам. Вот что стоит у Каруса на 231 стр.: «Если хозяин долгое время ухаживает за собакой бережно и с симпатией, животному напечатлеваются человеческие черты, и, несмотря на то, что оно не имеет понятия о добре как таковом, это объективно сливается, амальгамируется с чувственным образом того человека, которого собака часто видит; это позволяет ей, даже не по лицу, а по запаху или по звуку признавать эту личность, как ту, которая постоянно приносит ей добро. Поэтому, стоит причинить этому человеку страдание, обидеть его, может быть, давая ему тем самым возможность, оказать более отдалённое благодеяние собаке, животное ощущает это как зло, нанесённое ему самому, злится, и старается отомстить. Всё это происходит помимо какого бы то ни было абстрактного мышления, только так, что один чувственный образ становится в один ряд с другим».

Это, конечно, правда, что у собаки один чувственный образ встаёт в один ряд с другим, но в её проявлениях в целом господствует разум и мудрость.

«Остаётся удивляться тому, насколько такое странное переплетение, разделение и новое сплетение представлений от внутренних ощущений подходит близко к действительному мышлению и сравнимо с ним по своим последствиям! – Однажды я видел хорошо выдрессированного белого пуделя» – речь идёт не о собаке из Манхейма, ведь всё это описывается в

1866г – «белого пуделя, который, например правильно выбирал буквы заранее сказанного ему слова, складывал их вместе, который, казалось, решал простые арифметические примеры, снося вместе отдельные, подобно буквам написанные на особых листочках цифры, который, как казалось, мог подсчитать, сколько дам находилось в обществе среди присутствующих, и многое ещё. – Конечно, всё это, – поскольку речь шла о настоящем, действительном понимании числа как математического понятия – было невозможно без настоящего размышления, обдумывания. В конце концов, обнаружилось, что собака была всего лишь надрессирована по очень тихому, незаметному знаку своего хозяина вытаскивать из разложенного ряда, – по которому она бегала туда-сюда, – листик с определённой буквой или подходящей цифрой. По очень тихому знаку кого-то другого (например, щелчку ногтя большого и безымянного пальца) укладывать листик в другом ряду, совершая при этом кажущееся чудо».

Вы видите, что не только само явление, но и объяснения его, которые сегодня будто бы впервые с усердием предлагают учёные, давным-давно известно: ведь эти люди не очень вникают в то, что происходит в процессе научного развития. Поэтому-то и происходят такие вещи, свидетельствующие не о поступательном движении нашей науки, а о поступательном движении нашего невежества! Но, с другой стороны, можно с правом кое-что возразить. Если бы речь шла только о таких объяснениях, которые приводят сегодня, то и их можно было бы не в меньшей степени посчитать наивными. Так Германн Бар с правом говорит: так вот явился господин Пфунгст и показал, как лошадь реагирует на совсем тихие сигналы, которые сам её дрессировщик не воспринимает, а производит бессознательно, после того, как он долгое время в своей физиологической лаборатории конструировал прибор для улавливания этих незначительных физиономических изменений. – Германн Бар справедливо возражает: вот ведь странная ситуация, когда лошадь оказывается столь ловкой, чтобы воспринимать такие мины, в то время как приват-доцент должен долгие годы конструировать прибор – я думаю, ему понадобилось лет десять или больше – чтобы их воспринять! Конечно, в таких вещах есть всё же и доля истины, только надо правильно рассматривать такие вещи. И при правильном рассмотрении обнаруживается, что объяснимыми эти вещи становятся только тогда, когда этим вещам приписывают объективный разум так же, как приписывают объективную мудрость инстинктивным действиям, когда животное мыслит

включённым в целостную систему объективных мудрых закономерностей, проходящих через мир; когда, – иными словами, – не замыкаются на мысли о том, что мудрость входит в мир только через человека, но признают, что мудрость господствует во всём мире, а человек всего лишь призван, благодаря своей организации, в большей степени воспринимать эту мудрость, чем другие существа. Тем-то человек и отличается от остальных существ, что он, благодаря своей организации может в большей степени воспринимать мудрость, чем другие существа. Однако и другие существа вследствие насаждённой в них мудрости могут совершать точно такие же исполненные мудрости дела, как и человек, только дела это исполнены мудрости иного рода. Для тех, кто рассматривает мир серьёзно, исключительные проявления воздействия мировой мудрости гораздо менее важны, чем те, которые постоянно совершаются у нас на глазах. Они гораздо важнее. Приняв это к сведению, вы не станете считать непонятным следующее.

Животное так вплетено в эту мировую мудрость, что внутренне связано с нею, связано куда сильнее, чем человек. Животному в некотором смысле задан более детерминированный, определённый маршрут, чем человеку. Человек гораздо свободнее, чем животное; вследствие этого он может отвлекать, занимать силы для познания закономерностей, связей. Главное состоит в том, что у животных, точнее у высших животных, физическое тело вплетено в такие мировые связи, в которые человек вплетён только своим эфирным телом. Вот почему человек больше знает об этих мировых связях, тогда как животное внутренне сопряжено с ними, находится внутри, гораздо сильнее включено в эти мировые связи. Если вы принимаете к сведению наличие объективно правящего мирового разума и скажете себе: вокруг нас находятся не только воздух и свет, вокруг нас повсюду находится мировой разум; когда мы ходим, мы проходим не только через пространство, наполненное воздухом, воздушное пространство, но и через пространство мудрости, через пространство правящего разума, – если вы примите это к сведению, то вы поймёте и то, что значит – человек, в смысле тонких связей своих органов, вплетён в этот мир иным образом, нежели вплетён он обычно. В нормальной жизни человек вплетён в духовные отношения с миром таким образом, что связь между его «я» и ганглиозной системой, а также связь астрального тела с системой спинного мозга, в бодрственной, дневной жизни сильно заторможена: из-за того,

что она сильно заторможена, приглушена, человек в обычной, нормальной жизни мало обращает внимания на то, что разыгрывается вокруг него, и что он смог бы воспринять только в том случае, если бы он своей ганглиозной системой стал бы воспринимать так же, как он воспринимает своей головой.

Однако в совершенно особом случае, – как это было в случае Гёте, когда, в связи с тем, что эфирное тело извлечено из головы, астральное тело вступает в более подвижное отношение к спинному мозгу, а «я» – к системе ганглий, – возникает и более живой контакт со всем тем, что всегда окружает нас и вокруг нас разыгрывается, и что остаётся скрытым от нас только потому, что в нормальной человеческой жизни мы вступаем в отношения с нашим духовным окружением лишь после засыпания. Тем самым, вы подходите к пониманию того, что описываемое Гёте было для него простым восприятием. Оно было настоящим восприятием, которое, хотя и не было столь грубо и ярко, как те восприятия, которые мы имеем от внешнего мира благодаря нашим органам чувств, но всё же было ярче, чем те восприятия, которые имеет человек от своего духовного окружения.

Что же воспринимал таким образом Гёте наиболее живо, активно? Уясним себе, что особенно живо Гёте воспринимал в одном особом случае. Благодаря своей особенной карме Гёте был предрасположен к тому, чтобы вживаться, вращаться в научную, познавательную жизнь, – именно из-за сложностей кармы, на что я вам уже указывал, – и вращаться не так, как это делают дюжины ученых. Что он, таким образом, переживал? Видите ли, с самых давних времён, столетий человек, вставший в научную жизнь, переживал заметную раздвоенность. В наше время эта раздвоенность стала даже более скрытой, чем во времена Гёте. Однако каждый переживает известную раздвоенность; она вызвана тем, что в изложенной в письменном виде науке имеется весьма обширное поле, – его надо только отыскать, – в большей или меньшей степени унаследованное, сохранённое ещё от четвёртой послеатлантической культуры (747 до Р.Х – 1413г по Р.Х). Это сохранилось и в терминологии, терминологической системе, которую по необходимости приходится принимать. Играют словами, болтают гораздо больше, чем кажется. Это уменьшилось благодаря тому, что в 19-м веке стали больше экспериментировать, и вследствие этого человек, вращая в систему знаний, стал видеть больше, чем видели прежде. По крайней мере, такие науки, как юриспруденция, потеряли свою особую, высшую позицию, которую они занимали прежде. Но

когда юриспруденция и теология ещё занимали совершенно особое положение, высшее место, действительно существовала всеобъемлющая терминологическая система, в которую приходилось вживаться прежде всего, так что многое из того, что приходилось принимать, было наследием четвёртой послеатлантической эпохи. Наряду с этим приобретало всё больший вес и то, что порождалось потребностями пятой послеатлантической эпохи (1413 – 3573гг по Р.Х.), непосредственной жизнью, величайшими достижениями нового времени.

Этого не ощущает тот, кто просто переходил из класса в класс, но такой человек как Гёте, ощущал это в высшей степени. Я говорю: этого не ощущает человек, который просто переходил из класса в класс, однако он прошёл через это не в меньшей степени. Он действительно прошёл через это. Тут мы уже соприкасаемся с некоторой тайной современной жизни. Относительно студентов, проходящих обучение, мы можем проследить, что они проходят и что они об этом знают; но то, что они проходят – это ещё не всё. Их внутренний мир представляет собой нечто совершенно иное. И если бы люди, осваивая материал, в котором сотканы друг с другом наслаения четвёртой и пятой послеатлантической эпохи, знали, что при этом проделывает – помимо того, чтобы об этом знали – отдельная часть их существа, у них возникло бы совсем иное понимание того, что Гёте, будучи ещё юношей, зашифровал в своём «Фаусте»; ведь с теми, кто вживается в современный образовательный процесс, происходит бессознательно очень многое. Можно сказать: вследствие всего, во что был вовлечён Гёте из-за своей кармы, люди, окружавшие его вблизи в годы его юности, представляли для него что-то совершенно иное, нежели в том случае, если бы он не имел такой особенной кармы. Ведь он чувствовал, ощущал, насколько люди, вместе с которыми он вырастал, должны быть оглушены, усыплены; их «фаустовская» жизнь была приглушена, усыплена в них, она не была для них действительностью. Он мог ощущать это, так как то, что скрытым, таинственным образом жило в его ближних, на него самого производило такое впечатление, какое мог бы оказывать один человек на другого лишь в случае особенных, интимных отношений; я бы сказал, в случае любви одного человека к другому. Когда между одним и другим человеком возникает любовь, то в обычной жизни совершенно бессознательно возникает деятельная связь «я» с системой ганглий и астрального тела с системой спинного мозга. Нечто совершенно особенное начинает действовать. Однако то, что в

ином случае возникло бы лишь при любовных отношениях, у Гёте выступало в более широких формах и проявлялось в том, что он обладал необычайным, более или менее бессознательным сочувствием ко всем этим бедным парням, – если позволите так выразиться, – которые не знали, что происходит у них внутри, когда они чисто внешне переходят из класса в класс, сдают экзамен за экзаменом. Но он чувствовал это, и это давало ему богатый опыт.

Пережитое в опыте становится представлениями. Обычный опыт становится представлением повседневной жизни; этот опыт, ставший представлениями, Гёте использовал для своего «Фауста». Это ничто иное, как опытные переживания, опыт, собранный им в широких кругах вследствие того, что жизнь его системы ганглий и спинного мозга была пробуждена больше, чем обычно. И это было противоположным полюсом по отношению к ставшей приглушенной, притуплённой жизни головы. Предпосылки к этому у него проявились с детства. Это можно увидеть из оставленных им записей, где он описывает не только действия, – на что люди обращают внимание обычно, – но человека в целом. Гёте, как цельный человек, в гораздо большей степени, чем другие, включался в движущие силы действительности. Можно сказать так: днём Гёте бодрствовал в большей степени, нежели другие люди. Он в большей степени бодрствовал днём в то время, когда, будучи юношей, работал над «Фаустом». Вот почему ему понадобилось также и то, что я характеризовал вам вера как десятилетний сонный период в Веймаре. Такова была необходимость: снова приглушить деятельность, умерить пар.

Впрочем, это было лишь более интенсивным проявлением того, что в большей или меньшей степени, на более высоком или на более низком уровне происходит со всяким человеком на протяжении жизни. Просто Гёте на более сознательном уровне, чем иные люди, был вовлечён в окружающие его деяния, исполненные мудрости, чисто духовные деяния. Он воспринимал то, что таинственно, скрыто, жило и ткало в человеке. Но ведь человек всегда находится внутри того, что здесь живёт и ткёт. Так что же это такое? Если мы присутствуем в мире в обычной, грубой, бодрственной жизни, то есть, присутствуем в мире с нашим «я», то мы связываемся с этим миром посредством наших органов чувств и с помощью наших обычных представлений. Но, как вы видели только что, наша связь простирается гораздо шире. Наше «я» состоит в особенных внутренне-интимных отношениях с нашей системой ганглий, а астральное тело – с системой спинного мозга.

Благодаря этим отношениям мы действительно вступаем в гораздо большее, всеобъемлющее взаимодействие с нашим окружением, средой, чем делаем мы это посредством наших органов чувств, посредством нашей головы. Представьте себе, что человек нуждается в ритмических изменениях, которые состоят в том, что его «я» и его астральное тело во время дневного бодрствования находятся в голове, а во время сна – вне головы, и благодаря тому, что они во время сна находятся вне головы, развивается иная, внутренне активная жизнь совместно с другими системами, на что я уже указывал вам. Итак, «я» и астральное тело нуждаются в этих переменах: то погружаться в голову, то выходить из головы. Если человек со своим «я» и астральным телом находится вне головы, он не только развивает внутренние отношения со всем остальным организмом через систему ганглий и систему спинного мозга, но он, с другой стороны, развивает духовные отношения к духовному миру. Их он тоже развивает. Так что мы могли бы сказать: в соответствии с особо активной совместной жизнью с системой спинного мозга и системой ганглий развивается одновременно подвижная душевно-духовная совместная жизнь с духовным миром. – Итак, если мы должны принять, что ночью душевно-духовное начало находится вне головы и, благодаря этому развивается особо активная жизнь во всём остальном организме, то затем я должен сказать: при дневной жизни, когда «я» и астральное тело больше находятся в голове, мы опять-таки имеем совместную жизнь с нашим духовным окружающим миром. Во сне мы некоторым образом погружаемся в некий внутренний духовный мир, но после пробуждения, – во внешний духовный мир, окружающий нас.

Это совместное бытие с окружающим духовным миром актуально лишь для таких людей, как Гёте; он видит сновидения, как видит сновидения человек во время сна, ведь не всегда спят без сновидений, глухо. Но во время бодрственной жизни человек очень редко осознаёт сновидения; однако такие люди, как Гёте и во время бодрственной жизни входят в сновидения. Вследствие этого у них возникают картины сновидческой жизни, которые остаются бессознательными у остальных людей.

Вот теперь вы имеете более точное описание. Вы могли бы, конечно, по поводу этого описания выдвинуть весьма высокомерную идею. Вы могли бы сказать: итак, мы все тоже могли бы написать «Фауста», ведь мы переживаем «Фауста», когда в течение дневного бодрствования внедряемся в окружающий мир и живём совместно с духовным окружением.

Это тоже верно. Мы переживаем «Фауста»; однако переживаем его только так, как в ином случае переживает человек посредством «я» и астрального тела, будучи на противоположном полюсе ночью, когда он спит без сновидений. А Гёте переживал это не только на бессознательном уровне, но видел эти переживания как сон, вот почему он и смог выразить их в «Фаусте». Он видел эти переживания во сне наяву. У таких людей, как Гёте, то, что они создают, так относится к тому, что бессознательно переживают остальные люди, как сон со сновидениями относится – на другом полюсе жизни – к глубокому сну без сновидений. Вот полная реальность: творения великих мыслителей, великих умов, по отношению к бессознательным переживаниям других людей представляют собой то же самое, как сон со сновидениями по отношению к глубокому сну (без сновидений).

При этом многое всё ещё остаётся загадочным. Однако вспомните, что вы тем самым достигаете прозрения в то, что глубоко внутренне связано с человеческой жизнью. Вспомните, что вы благодаря этому достигаете прозрения фактического положения дела, которое может быть характеризовано примерно следующим образом. Мы могли бы насчитать много, очень много связей нашего существа с нашим окружением, если бы относительно этих связей с нашим окружением, мы могли бы пробудиться до уровня сновидений. Было бы достаточно пробудиться только до сновидческого уровня, чтобы человек смог исключительно многое пережить и описать. Однако всё это имело бы последствия, вполне определённые последствия. Представьте-ка себе, как если бы все люди, говоря тривиально, обладали бы таким сознанием, что могли бы описать всё, что находится в их окружении, если бы, например, все люди могли описать реальные переживания, выражающиеся так, как те переживания Гёте, которые выражены в «Фаусте». Куда бы это завело? Куда бы это завело этот мир? Этот мир бы остановился, замер на месте, этот мир не смог бы двигаться дальше. В тот момент, когда все люди стали бы грезить, видеть сны, – а это был бы целиком и полностью иной тип сновидений, – видеть сны как поэт Гёте видел «Фауста», если бы каждый стал сновидчески воспринимать свою связь с внешним миром, людям в тот же момент пришлось бы использовать для этого, вливать в это те силы, которые они развивают внутри себя. Всё человеческое бытие из-за этого оказалось бы в некотором роде растраченным, опустошённым. Едва ли вы можете представить себе, что наступило бы в том случае, если бы вы увидели те

многочисленные разрушительные действия, которые уже сегодня выступают из-за того, что многие, хотя по-настоящему и не грезят, не имеют в действительности сновидческого состояния, но воображают, что имеют его, воображают, что грезят. На самом деле, они, как попугаи, повторяют или переписывают реминисценции, откуда-то воспринятые ими. Это связано с тем фактом, что у нас много, слишком много поэтов; ведь кто же нынче не верит в то, что он поэт, художник, или нечто подобное! Мир не мог бы существовать, если бы это было так, ибо все добрые дела имеют свою теневую сторону, правомерную теневую сторону.

Шиллер тоже был знаменитым поэтом, который иногда имел то сновидческое состояние, как я вам это описал сейчас. Но представьте себе, как если бы все те, кто в своей юности, подобно Шиллеру готовился стать медиком, стать врачом, отставили бы медицину в сторону, «повесили на гвоздик», как Шиллер, и если бы они затем, по их желанию посредством протекции были позднее назначены «профессорами истории», без какой-либо подготовки, не изучив истории! Хотя Шиллер и читал очень вдохновляющие лекции, студенты в лекциях Шиллера в Йенском университете не получали того, что им было надо. Шиллер в конце концов даже отказался от чтения этих университетских лекций и был рад, когда ему не надо было их читать. Представьте себе, как если бы нечто такое происходило с каждым профессором истории или с каждым начинающим врачом! Итак, всё благое имеет, само собой разумеется, и свои теневые стороны. Этот мир должен некоторым образом охранять себя от остановки, от застоя. Поэтому не все люди могут грезить, иметь сновидческие состояния, – это выглядит тривиально, когда так говорят, но это глубокая мистериальная истина, – из-за этого не все люди могут иметь такое сновидческое состояние. Ибо те силы, посредством которых эти люди имеют сновидческое состояние, грезят (наяву), они должны применять во внешнем мире для чего-то иного, для того, чтобы в этом внешнем мире создавались основы для дальнейшего земного развития. Оно бы остановилось, если бы сновидческое состояние указанного типа было у всех людей, если бы все люди грезили.

Сейчас мы находимся в той точке, где могут обнаружиться самые парадоксальные вещи. Так для чего же должны использоваться в мире указанные силы человека? Вы могли бы сказать об этих силах: вот бы они использовались у всех людей для достижения сновидческого состояния! – на самом деле, они предназначены не для сновидческого состояния, а для

глубокого сна (без сновидений), – так где же используются эти силы, если взглянуть на это с духовнонаучной точки зрения? Они используются во всём, что изливается человеческое развитие в самых разнообразных профессиях. Профессиональная деятельность относится к работе, потраченной на «Фауста», на «Валленштейна» Шиллера, как относится глубокий сон к бодрствованию. Ведь в нашей профессиональной деятельности мы спим! Вам это странно, вы скажите, что вы бодрствуете именно в своей профессиональной деятельности. Но это бодрствование – всего лишь большое заблуждение, ибо в том, что действительно осуществляется посредством профессиональной деятельности, нет ничего, в чем человек проявлял бы активность в полном сознании. Кое-что от воздействий своей профессии на душу всё-таки ясно осознаётся, но в целом о той ткани профессиональной деятельности, которую человек непрерывно сплетает на Земле, о том, что существует таким образом, люди не знают. Они были бы даже поражены, узнав, как связаны эти вещи. Ганс Сакс был «Сапожник и к тому же поэт», Якоб Бёме был сапожником и при этом мистическим философом. Тут, в связи с особым положением, о котором тоже можно было бы говорить, глубокий сон (Schlafen) и сон со сновидениями (Traeumen) поменялись местами. Человек может из одного состояния входить в другое.

Но что означает для такого человека, как Якоб Бёме, эта взаимная игра, эта попеременная жизнь то в профессиональной деятельности, – ведь он тогда действительно делал обувь для бравых жителей Гёрлица, – то в сочинении его писаний мистико-философского рода? Некоторые люди имеют об этом весьма странное воззрение. Я уже рассказывал вам, что мы испытали, находясь однажды в Гёрлице, беседуя перед лекцией вечером с одним человеком. Я должен был читать лекцию именно о Якобе Бёме в Гёрлице. Там я беседовал с одним преподавателем гимназии о памятнике Якобу Бёме, который мы видели там в парке. Жители Гёрлица – как нам об этом часто сообщали – называют его «Сапожник из парка». Мы говорили о том, что этот памятник очень красив, а учитель гимназии сказал, что он так не считает, ибо он выглядит как Шекспир, – а он всё же был сапожником, но по нему тут не видно, что он был сапожником. Изображая Якоба Бёме, надо было бы показать, что он был сапожником. – Ну, с таким образом мыслей ничего не поделаешь. Когда такой человек, как Якоб Бёме, записывал свои великие мистико-философские воззрения, – это было результатом, который сделался

возможным лишь благодаря тому, что строилось человеком в течение эпохи Древнего Сатурна, эпохи Древнего Солнца, Древней Луны вплоть до земной эпохи; можно сказать, что тут проходил некий широкий поток, который, в конце концов, выявился в этом деянии. Лишь благодаря особенным кармическим условиям этот поток нашёл своё выражение в такой личности. Однако как каждому человеку на Земле необходимо всё предшествовавшее в Солнечную и Лунную эпохи, так это было необходимо – хотя и неким особенным образом – для того, чтобы создать то, что жило в Якобе Бёме.

Но затем Якоб Бёме снова усаживался и делал обувь для честных Гёрлицев. Как это связано? Несомненно, то, что человек овладел ремеслом, чтобы делать обувь, тоже связано с этим потоком. Но обувь, как только она готова, служит другим людям, уходит в мир прочь от мастера, её последующее существование уже не связано прямо с ремеслом; она выполняет роль оболочки, утеплителя для ног и так далее. Она идёт своей дорогой; выполняет известную функцию. Она освобождается от того человека, мастера, и то, как она себя поведёт во внешнем мире, проявится, как следствие, лишь позднее. Пока это только начало.

Дело обстоит так: если в качестве исходного пункта вышеописанной мистико-философской деятельности Якоба Бёме я обозначу эту точку – как первый её зачаток (смотри рисунок, крест под первым кругом, обозначающим состояние Древнего Сатурна), то тогда в качестве первого зачатка его сапожного ремесла я должен буду обозначить эту точку (крест в четвёртом круге, состояние Земли); это течение продолжается дальше и ко времени будущего развития Вулкана достигнет такого же совершенства, как и то, что совершалось, начиная с эволюции Древнего Сатурна, и вылилось в мистико-философскую деятельность Якоба Бёме.

РИСУНОК

Saturn - Древний Сатурн, космос Древнего Сатурна, космическая эпоха Сатурна

Sonne - Древнее Солнце, космос Древнего Солнца, космическая эпоха Солнца

Mond - Древняя Луна, космос Древней Луны, космическая эпоха Луны

Erde - Земля, космос Земли, космическая эпоха Земли

Это (маленький круг под четвёртым кругом) в некотором роде конец; тогда как его сапожное ремесло – это начало (маленький круг со знаком плюс в четвертом круге). Мы говорим, что Земля является сегодня Землёй. Это, конечно, так

и есть. Если бы мы могли проследить её от Древнего Сатурна, ещё дальше назад, мы могли бы сказать: эта Земля относительно некоторых вещей является Вулканом; здесь (слева, снаружи) мы бы затем восприняли Древний Сатурн. Но так мы могли бы всё брать как относительное. Мы могли бы сказать: эта Земля есть Сатурн (Древний), а Вулкан есть до некоторой степени Земля. То, что совершается на Земле в такой профессиональной деятельности, как в случае Якоба Бёме – имеется в виду не продукция, которую он выдавал как результат профессиональной деятельности, но то, что он осуществлял как саму эту профессиональную деятельность, – это исходный пункт того, что на Вулкане разовьётся столь же далеко, как происходящее на Древнем Сатурне развилось теперь на Земле. И для того, чтобы Якоб Бёме мог писать свои мистическо-философские труды на Земле, на Древнем Сатурне должно было происходить нечто похожее на то сапожное ремесло, которым он занимался, и в результате которого на Вулкане он смог бы делать что-то похожее на его труды по мистической философии здесь на Земле.

В этом есть нечто достойное внимания. Ведь в этом заключается объяснение, почему то, что человек зачастую ещё так мало ценит на Земле, ценится столь мало, поскольку является лишь исходным, начальным пунктом того, что будет оценено только в будущем. Само собой разумеется, что люди своим внутренним существом в гораздо большей степени срослись с прошлым; ведь с тем, что является началом, они должны были, в первую очередь, срастись. Вот почему они часто любят то, что ещё в начале, гораздо меньше, чем то, что перенесено ими из прошлого. Относительно всего объёма того, с чем нам ещё придётся соприкоснуться в течение Земного космоса, Земной эпохи, чтобы оно могло стать чем-то значительным на Вулкане, – то есть, когда Земля разовьётся дальше, проходя через эпоху Юпитера, эпоху Венеры вплоть до эпохи Вулкана, – относительно всего этого, из этого, лишь тогда будет развито полное сознание; как развито оно на Земле относительно чего-то подобного философии Якоба Бёме. Поэтому наиболее значительное во внешнем человеческом труде сегодня ещё скрыто в бессознательном, подобно тому, как на Древнем Сатурне человек был окутан бессознательным, пребывал в бессознательном состоянии. Ведь только на Древнем Солнце развилось состояние сознания сна (без сновидений), а на Древней Луне – состояние сна со сновидениями, тогда как на Земле развилось дневное,

бодрственное сознание по отношению к современным условиям.

Так что человек действительно живёт в глубоком сне без сновидений по отношению ко всему тому, во что он включён, когда он приобретает какую-либо профессию, ибо посредством этой профессии он создаёт будущие ценности, – создает именно не тем, что ему нравится в профессии, но тем, что он развивает (подспудно), не имея к этому доступа. Если кто-то производит гвозди, всё снова и снова, те же самые гвозди, это, конечно едва ли приносит человеку особую радость. Но гвоздь, становясь самим по себе, обособливаясь, имеет определённую задачу. Что там происходит дальше из-за этого гвоздя, об этом человек не заботится. Он не следует за каждым гвоздём, который произвёл. Но то, что всё тут погружено в бессознательное, неузнанное, окутано глубоким сном (без сновидений), предназначено к тому, чтобы снова ожить в будущем.

Вот так мы смогли сопоставить друг с другом всё то, что делает самый обыкновенный человек, самую незначительную работу, прежде всего профессиональную, с тем, что кажется самым высшим достижением. Высшее достижение – это завершение, конец, тогда как незначительная работа – это всегда начало.

Мне, прежде всего, хотелось сопоставить друг с другом эти два понятия, поскольку мы не можем рассматривать типы и формы кармических связей человека с его профессией, если вообще сначала не узнаем, как относится профессиональная деятельность, часто выполняемая людьми чисто внешне, ко всему процессу развития в целом, развитию, в которое включён человек. Тем самым мы приблизились к тому, чтобы разрабатывать сущность вопроса о карме профессий. Я должен был предпослать эти вещи для того, чтобы мы хотя бы однажды получили универсальное понятие относительно того, что изливается в профессию из человека. Но такие вещи весьма содействуют тому, чтобы достойным образом сформировать наше моральное ощущение. Ведь наши оценки зачастую оказываются неправильными, поскольку мы не рассматриваем эти вещи правильным образом. Семя может порой показаться незначительным, невидным, по сравнению с прекрасным, развитым цветком. И, тем не менее, в этом семени находится этот прекрасный, развившийся цветок будущего развития. Как связаны друг с другом семя и цветок в человеческой эволюции, – это и хотел я изложить вам сегодня на примере человеческого творчества.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 12 ноября 1916 г.

Кто-то мог бы сказать, что духовнонаучное рассмотрение такого вопроса, как поставленный в нашем изложении и имеющий большую или меньшую тенденцию быть вопросом о профессиях, не представляет интереса. На самом деле это не так; надо признать, что это не так, особенно в нашу пятую послеатлантическую эпоху. Ибо в этот пятый послеатлантический период фактически все условия, в которых живёт человек, будут самым существенным образом меняться по отношению к состоянию, имевшему место в более ранние земные эпохи. Они будут изменяться так, что в такие изменения сам человек из своей свободы должен будет привносить больше, нежели привносил он в более ранние времена, когда то, что выпадало ему как его жизненная задача в земном развитии, могло выполняться инстинктивно, когда для многого ему задавалось направление, которое следовало в том или ином отношении пробивать.

Если мы, например, оглянемся на египетско-халдейскую культуру, или на культуры более ранние, мы найдём, что очень многое, касающееся формирования судьбы, – а этого будет всё больше и больше, – что сегодня отдано в руки человека, в более ранние эпохи в его руках не находилось. В египетско-халдейскую эпоху принадлежность человека к определённой сословию детерминировала его, хотя и не в столь строгом смысле, но, все же, в некотором смысле так же, как животное детерминировано своей породой, видом; вследствие чего было лишено свободы то, что теперь находится в свободной компетенции человека. Во всяком случае, в древности по отношению к этому ограничению свободы существовал некий противовес. Вы могли бы вызвать перед своей душой этот противовес, вспомнив о том, о чём мы говорили в связи с этими лекциями. Внешняя история культуры весьма забывчива, и человек, будучи причастен к ней в настоящее время, считает, что и в древности дело обстояло так, как будто бы те, кто руководил человеческими делами, осуществляли это руководство из таких же человеческих импульсов, как и современные руководители, ведущие личности. Но вспомните о том, что в древности имели место вполне определённые действия в мистериях, благодаря которым ведущие, руководящие личности информировали о намерениях не земных существ, а тех существ, которые руководили земной

жизнью из внеземных регионов. Я говорил вам, что в определённое время, которое нам сейчас нет необходимости описывать ближе, древние жрецы-священники совершали определённые мистериальные действия. Эти мистериальные действия проводили к тому, что подходящим для этого личностям в храмах давали возможность контактировать с Универсумом, космосом, они включались во внеземные отношения для того, чтобы затем в сознании этих особо подходящих личностей могли действовать существа, которые руководили земными процессами из внеземных регионов, так что человек, будучи инспирирован волей ведущих духовных существ, предназначался для исполнения того, что ему надлежало выполнить.

Итак, представим себе, что в наше время – на самом деле этого не происходит, но мне хотелось бы с помощью гипотетического допущения указать на то, как в древности происходили такие вещи – Рождество протекало бы не так, как протекает оно сегодня, когда для большинства людей оно всё же остаётся более или менее внешним праздником. Допустим, как если бы в Рождество происходило так, что людям было известно: в то время, к которому приурочено Рождество, наша Земля, как существо, наиболее расположена к тому, чтобы получать в свою ауру идеи, которые, например, в течение летнего времени не могут войти в земную ауру. В прежних рассматриваниях я сообщал о том, как Земля в течение зимы как бы пробуждается, бодрствует, и что наиболее ярким пунктом пробуждённости является время Рождества. В это время земная аура пронизывается, оказывается протканной мыслями. Можно сказать, что Земля в это время как бы размышляет о Вселенной, находящейся вне её, подобно тому, как мы, люди, находясь в состоянии бодрствования, думаем затем с помощью мыслей о том, что нас окружает. Летом Земля спит. В ней тогда некоторые мысли найти нельзя. Зимой она пробуждается, и наиболее яркое пробуждение приходится на то же самое время, что и Рождество. Тогда земная аура пронизана мыслями, и посредством этих мыслей можно прочесть намерения Космоса относительно земных процессов.

Индивидуальным образом воспитывали некоторых людей так, чтобы эти индивидуумы стали сенситивны, восприимчивы для того, что жило в земной ауре; эти воспитатели, жрецы-священники в храмах, могли познавать эту космическую волю благодаря тому, что они подключали некоторых специально для этого воспитанных людей к этим мыслям Земли, мыслям, которые были выражением космического волеизъявления. А

затем, ориентируясь на то, что оно познали, как волю небес, они могли определять, кто должен был оставаться в таком-то сословии, кто должен был получить доступ к мистериям, чтобы занять потом какое-либо ведущее положение в жизни древнего государства или в жизни священства. Человечество переросло эту ступень. Оно теперь в этом отношении впало до некоторой степени в хаотическое состояние. Мы только должны совершенно ясно представлять себе это. Совершился переход от древних вполне определённых отношений, условий, при которых человечество должно было из воли Богов узнавать о том, что должно произойти здесь, на Земле, к нашим нынешним отношениям. Эти древние традиции, пройдя через четвёртую послеатлантическую эпоху, в которую человеческая индивидуальность, так сказать, эмансипировалась от воли Космоса, превратились в наши нынешние хаотические отношения. Всё имело тенденцию к тому, чтобы как можно больше было отдано в руки человека. Но тем более стало необходимым, чтобы воля Космоса проникала в земные отношения иным образом.

Надо было бы принимать во внимание чрезвычайно большие промежутки времени, если мы хотим уяснить, как ещё в египетско-вавилонскую, то есть в третью послеатлантическую эпоху то, что действовало и ткало на Земле, в земном, – назовём это словами, подходящими для нашего времени, – то, что действовало и ткало благодаря различным профессиям, было в самой высшей степени отображением космической воли. Это осуществлялось вышеописанным образом. В течение четвёртой послеатлантической эпохи это отображение становилось более расплывчатым; но окончательно исчезло оно в пятую послеатлантическую эпоху, в которую мы живём, и которая, как мы знаем, началась примерно с 15-го столетия. Если бы люди сегодня больше обращали внимания на то, что происходит, если бы они не подменяли историю баснословием, то тогда эти люди уже из внешних обстоятельств, условий могли бы понять, насколько – именно с 14-го и 15-го столетия – изменилось всё, касающееся профессиональной жизни людей. А из современных условий можно было бы понять, как в будущем всё это будет изменяться всё больше и больше. Род человеческий, так или иначе, должен был подвергнуться своего рода анархии, если бы даже ни было никого, кто, поняв эти глубокие связи, сделал достоянием человеческой духовной жизни такие идеи, которые принимают в расчёт эти изменения, происходящие в соответствии с естественным ходом эволюции. То, что во внешней истории можно было бы

констатировать относительно возникновения профессиональной жизни в новое время, с 15-го столетия, могло бы повергнуть в удивление каждого, кто вообще хоть что-нибудь понимает в рассмотрении человеческой жизни. И под воздействием всего того, что удалось бы познать в этой области, он стал бы упрекать себя за то, что жил как бы во сне, жил, не развивая мыслей о том, что в глубочайшем смысле связано с поступательным развитием человеческой судьбы.

В последний раз я обращал внимание на то, что всё, отражённое в настоящей профессиональной жизни, ни в коем случае не лишено значения для космических связей в целом, хотя с первого взгляда могло бы показаться именно так. Я обращал ваше внимание на то, что мы, как люди, проделали сатурническое развитие (прошли космическую эпоху Древнего Сатурна), когда подготовлялись первые зачатки физического тела человека, прошли солнечную эпоху (космическую эпоху Древнего Солнца), когда подготовлялся эфирный человек, лунное развитие, лунную эпоху (космическую эпоху Древней Луны), в которую подготовлялся астральный человек. Теперь мы проходим земную эпоху, когда вырабатывается «я». Но за этой эпохой последуют другие: (космическая) эпоха Юпитера, (космическая) эпоха Венеры, (космическая) эпоха Вулкана. И мы можем сказать: как Земля является четвёртой космической эпохой по отношению к (Древнему) Сатурну, так является Вулкан четвёртой ступенью по отношению к Земле. Земля в некотором роде является Сатурном по отношению к Вулкану. Как на Древнем Сатурне, который я обозначил цифрой 1, разыгрывались процессы, столь сильно связанные с эволюцией, что именно им, этим процессам, мы обязаны возникновением первого зачатка нашего физического тела, который продолжает действовать в нас и дальше, так и на Земле тоже должно происходить нечто такое, что будет действовать в эволюции дальше, и что на Вулкане достигнет четвёртой эволюционной ступени, подобно тому, как некоторые процессы на Древнем Сатурне достигли четвёртой эволюционной ступени, ступени формирования в земную эпоху. Я обращал ваше внимание на то, что процессы, которые будут соответствовать Вулкану, соответствуют тем процессам, которые мы, начиная с сатурнической эволюции, имеем на Земле; то есть они отображают то, что живёт и действует в различных профессиях, которыми человек овладевает на Земле. В том, что человек ведёт профессиональную жизнь, в этой профессиональной деятельности на Земле развивается нечто, являющееся первым зачатком для Вулкана, подобно

тому, как сатурническая деятельность была первым зачатком для нашего физического человеческого тела.

РИСУНОК

Anlage- зачаток
physisch -физическое
aetherisch - эфирное
astral - астральное

Если вы дополнительно вспомните о том, что именно с пятой послееатлантической эпохи началась столь грандиозная трансформация профессиональной жизни, вы можете оценить, насколько всё более и более необходимым становится мыслить – опираясь на духовнонаучную точку зрения – всю профессиональную жизнь включённой в общий ход мировой эволюции. Ибо только благодаря тому, что мы, прежде всего, знакомимся с объективной стороной профессиональной жизни, мы сможем построить подходящие представления о карме профессий. И если мы хотим получить более ясные представления, чем те, которые имеем сегодня, нас ещё больше должно интересовать то, каковы тенденции профессиональной жизни, в каком направлении, куда хочет она развиваться дальше, исходя из нашего времени.

Дальнейшее развитие профессиональной жизни будет состоять в том, – об этом нетрудно узнать, рассматривая сегодня мир на основе здравого смысла, – что профессии становятся всё более и более дифференцированными, всё более и более специализированными. Сегодня не слишком-то умны критические рассуждения о том, что в ходе нового времени профессии специализировались, в то время как не так уж много столетий тому назад человек в своей профессии ещё мог видеть значимость для мира того, что он изготовил; он был заинтересован в том, чтобы определённым образом формировать, создавать свою продукцию, поскольку он непосредственно видел то, чем становится его продукция в человеческой жизни. Это имело место в прошлом, но сегодня, по большей части, этого уже нет.

Человек сегодня – если взять радикальный пример – из-за своей судьбы привязан к фабрике. Он производит даже не гвоздь, а только часть гвоздя, часть детали, которую затем уже другой человек соединяет с другой частью детали гвоздя (так производятся, например, обойные гвозди с большой шляпкой – примеч. перев.). Он не интересуется тем, какое применение в общей человеческой жизни находит то, что он производит с

раннего утра до позднего вечера. Если сравнить прежнюю жизнь ремесленника с нынешней жизнью фабричного рабочего, бросается в глаза радикальная разница между тем, что существовало не столь давно и существует нынче. То, что сегодня уже в значительной мере происходит в отдельных отраслях человеческой производственной деятельности, будет происходить всё больше и больше. Эта деятельность будет носить всё более специальный, специфический характер, всё интенсивнее должна наступать специализация, дифференциация профессиональной жизни. Относиться к этому критически не очень умно, ибо в эволюции это необходимо, ибо это просто происходит, и будет происходить всё больше и больше.

Но какие возможности, какие перспективы открываются благодаря этому? Перспективы открываются, в сущности, следующие: предполагают, что люди будут всё больше и больше терять интерес именно к тому, что они выполняют в течение большей части своей жизни, что им придется до некоторой степени механически отдаваться своей работе во внешнем мире. Но именно это как раз и не является самым существенным. Самым существенным является нечто другое. Самым существенным является то, что внутренний мир человека должен, само собой разумеется, окрашиваться в соответствии с его работой. Кто рассматривает историческое развитие людей, найдёт, насколько сильно люди в период нового развития, в пятую послеатлантическую эпоху становятся оттиском своей профессии, как профессиональная жизнь вторгается в душевную жизнь и самого человека специализирует. При этом вам не следует ориентироваться на множество людей, которые сегодня живут в нашем Антропософском Обществе, ведь они находятся в многократно более счастливом положении, они высвобождены из жизненных связей; положение их счастливое, но – я также мог бы сказать – и, в то же время, несчастное! Ведь счастье это во многом является всего лишь субъективно-эгоистическим ощущением, счастьем для мира это не является. Ибо мир всё больше и больше требует от людей, чтобы они проявляли своё усердие в специальных областях, чтобы они могли специализироваться.

Всё более актуальным становится вопрос: что ещё, кроме этого, должно происходить, чтобы люди специализировались? Потребности мирового развития уже обеспечивают такую специализацию. Но что должно происходить ещё? Этот вопрос в не столь отдалённом будущем станет наиважнейшим, и, если

можно так выразиться, фамильным, семейным вопросом для человечества. Семейным, потому что понимание этого вопроса будет необходимым для тех, кто хочет воспитывать детей. Насколько разумно включены мы в целостный ход человеческой эволюции, целиком и полностью зависит от того, как мы понимаем возникающий вопрос: как мне включить моего ребёнка в человеческую эволюцию, человеческое развитие? Ведь то, что ещё сегодня вполне возможно, хотя и является лишь пережитком прежних времён, чему человечество следует вследствие инертности, и что вскоре будет объявлено пустословием, прекрасным пустословием, которое сегодня ещё может восхищать: надо, мол, исследовать задатки детей и затем направлять их в соответствии с их задатками, – именно это вскоре будет объявлено пустословием. Ибо, – во-первых, – люди будут видеть, что, начиная с настоящего времени, родившиеся соотносятся со своими прошлыми инкарнациями более сложным образом, чем в четвёртую послеатлантическую эпоху; что в их системе задатков обнаруживаются сложности, которые раньше и не снились. В прежние времена система задатков, предрасположений была значительно проще. И люди, которые считают себя особо предназначенными для того, чтобы проверять задатки, склонности подростков, проверять их пригодность к той или иной профессии, должны будут, возможно, прийти к выводу, что такое прозрение в задатки – не более чем фантастическая выдумка людей, воображающих себя слишком умными.

Кроме того, в не столь отдалённое время жизнь людей станет настолько сложной, что слово «профессия» приобретёт совершенно иной смысл. Сегодня, имея в виду профессию, представляют себе ещё нечто внутреннее, несмотря на то, что у большинства людей профессия вовсе не является чем-то внутренним. Сегодня представляют себе так: профессия – это то, к чему человек призван, благодаря своим внутренним качествам. Если бы удалось провести объективный опрос, особенно в наших городах, и выяснить, сколько людей ответили бы: я избрал мою профессию, так как увидел, что эта профессия – единственная, которая соответствует моим задаткам, моим склонностям с детства? Если бы такой вопрос поставили большинству городских людей, то лишь в крайне редких случаях ответом людей было бы, что они получили профессию, которая соответствует их склонностям и задаткам, которые они сами почувствовали в юности. Я полагаю, что вы сами, наблюдая жизнь, не верите в такое. Профессия уже

сегодня преимущественно стала и в будущем будет всё более и более становиться тем, к чему побуждает нас объективное становление мира. Можно сказать, что снаружи существует некий организм, внешний контекст, причина, – можете назвать это машиной, механизмом, дело не в этом, – существует то, что принуждает человека, требует от него, призывает его.

Но из-за всего этого, – что будет всё более и более нарастать, – в то же самое время объективируется, высвобождается от самого человека то, что человечество производит в процессе своей профессиональной деятельности. И, вследствие этого, эти плоды профессиональной деятельности всё больше и больше становятся тем, что в своём дальнейшем развитии через Юпитер, Венеру и Вулкан проделает нечто подобное тому, что было проделано по отношению к Земле через Сатурн, Солнце и Луну именно благодаря такому высвобождению. (Возможно, имеется в виду высвобождение субстанций, совершаемое иерархиями: Престолы высвобождают, изливают волю на Древнем Сатурне, вследствие чего возникает физическое тело, Духи Мудрости изливают жизнь на Древнем Солнце, вследствие чего возникает эфирное тело, на Древней Луне Духи Движения изливают астральность, что приводит к возникновению астрального тела, – примеч. перев.) Следует заметить, что духоиспытатель, в случае, когда речь идёт о жизни человека, как правило, не может говорить в угоду людям. Духовная наука менее всего будет подвержена опасности говорить по образцу той «мудрости», которая выражена в словах (из «Фауста» Гёте, отрывок проводится полностью):

Фауст – Вагнеру

Мой друг, прошедшее постичь не так легко.
Его и смысл и дух насколько не забыты,
Как в книгах за семью печатями сокрыты.
То, что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени – увы, – ни что иное,
Как отраженье века временное
В лице писателя – его лишь дух и склад.
От этого в отчаянье порою
Приходишь, хоть беги куда глаза глядят,
Всё пыльный хлам и мусор пред тобою,
И рад ещё, когда удастся прочитать
О важном действе с пышным представленьем
И поучительным в конце нравоученьем:
Как раз для кукольной комедии под стать!

(перевод Н.А. Холодковского)

(Последние строки

Und hoechstens eine Haupt- und Staatsaktion
 Mit trefflichen pragmatischen Maximen
 Wie sie den Puppen wohl im Munde ziemen!

буквально означают:

И в лучшем случае дела царей и царств
 С нравоучениями,
 Которые они хотят вложить в уста этим куклам!

- примеч. перев.)

Во всяком случае, духовная наука такими вещами не занимается. Но ей часто приходится порой, говоря относительно мирового развития о чём-то очень значительном, великом, сообщать людям то, что им не нравится. То, о чём сегодня некоторые, забившие свои головы филистерским вздором и считающие себя гениальными, с легкостью говорят: ах, какая прозаическая, внешняя вещь – эта профессиональная жизнь, – с точки зрения истинной духовной науки выглядит совсем не так; иначе и не может быть. Профессиональная жизнь выглядит так, что следует сказать о ней: в профессиональной жизни необходимо развивать отношения, имеющие космическое значение именно потому, что эта профессиональная жизнь до некоторой степени освобождена от человеческой заинтересованности, человеческого интереса. – При этом кое-кто мог бы сказать: какая печальная перспектива для будущего; человек всё больше и больше должен втягиваться в будничную суету жизни. И духовная наука не может принести человеку никакого утешения относительно этого затыгивания человека в будничную суету жизни, тяжёлую монотонную работу. – Однако такой вывод из сказанного снова оказался бы большим заблуждением, ибо во Вселенной дело обстоит так, что эти вещи действуют посредством равновесия между полюсами. Вы только вспомните, как часто встречается нам в мире равновесие между полюсами! Положительное и отрицательное электричество в своих двухсторонних отношениях реализует свои феномены, взаимно уравновешивается: положительное и отрицательное электричество необходимы друг для друга. Мужское и женское начало необходимы для продолжения человеческого рода. Из одностороннего в мировой эволюции развивается цельность.

То же самое лежит в основе вышеприведённого. Необходимо, чтобы мы своей освобождённой от человека профессиональной деятельностью создавали зачатки для

дальнейшего мирового развития, мировой эволюции. Ведь то, что происходит в мировой эволюции, связано с духовным началом. И в том, что мы создаём как посредством физической, так и посредством так называемой умственной работы в рамках своей профессии, лежит исходный пункт для воплощения духовных существ. Теперь, в течение эпохи Земли, эти духовные существа ещё находятся в элементарном состоянии; элементарном состоянии четвёртой ступени. Но когда наступит эволюция Юпитера, они будут находиться в элементарном состоянии третьей ступени, и так далее. Наша работа, выражающаяся в объективном профессиональном процессе, эмансипируется от нас и становится внешней оболочкой для элементарных существ, которые будут развиваться дальше в процессе эволюции. Но при известном условии. Когда, с одной стороны, мы говорим, что человек только начинает понимать смысл того, что часто очерняется, как проза жизни, должно быть ясно, что этот смысл только тогда будет раскрыт полностью, если эти вещи будут целиком поняты в связи с великими мировыми закономерностями. То, что мы производим в нашей профессиональной жизни, может получить значение для эволюции Вулкана, но для этого необходимо кое-что другое. Для этого необходим противоположный полюс. Так же как для отрицательного электричества необходимо положительное, как для женского начала необходимо мужское, так и по отношению к тому, что как профессиональная деятельность всё более и более эмансипируется, освобождается от человечества, необходимо нечто иное, некий противоположный полюс. Такая основанная на противоположности полярность уже имела место в человечестве в более ранние эволюционные эпохи. Само собой разумеется, что ничего совершенно нового не возникло; нечто подобное уже существовало. Однако, оглядываясь на ранние культурные периоды, оглядываясь даже лишь на пару столетий назад, вы найдёте, что люди всем своим чувством, всей своей страстью, всей своей жизнью аффектов были погружены в свою профессиональную жизнь гораздо сильнее, нежели это происходит сегодня. Сравнив сумму радостей, которые мог иметь человек от своей профессии ещё несколько столетий назад, с той безрадостностью, которая сегодня довлеет над теми, у которых нет ничего, кроме профессии, вы получите представление о том, что имелось в виду.

Такие вещи в настоящее время так редко оцениваются правильно по той простой причине, что люди, которые говорят о видах профессий, профессиональном характере, о выборе

профессии и так далее, большей частью своей таковы, что умеют хорошо говорить. Об этом пишут педагоги, литераторы и священники, такие люди, которые меньше всего ощущают теневые стороны профессиональной деятельности в новое время. Поэтому, слыша, что говорят сегодня в обычной литературе, в педагогике об этих вещах, действительно обнаруживаешь, что эти люди говорят как слепые о красках. Само собой разумеется, что каждый, кто благодаря известным социальным условиям окончил школу, посещал гимназию, а затем, может быть, немного побывал в каком-нибудь университете, может сегодня с легкостью, – поскольку он приобрел немало представлений, – казаться умным, выступая в роли реформатора человечества, который умеет говорить и знает, как всё должно быть устроено. Ведь таких много. Для того, кто видит жизнь, очевидно, что такие люди обычно говорят самые величайшие глупости. Но этого не замечают; сегодня большим уважением ещё пользуются те люди, которые хоть сколько-нибудь развиты, образованы. Придёт время, когда более или менее почувствуют, что литератор, газетчик или школьный наставник, обученный по образцу школьного педанта и придиры, меньше всего понимает закономерности жизни. Их надо выстраивать, формировать постепенно, вместо общих суждений.

Речь идёт о том, чтобы действительно увидеть, как профессиональная жизнь более раннего времени связана с эмоциональной жизнью человека, и как самое существенное в развитии в этой области состоит в том, что профессиональная жизнь вырастает и всё больше и больше будет вырастать из эмоциональной жизни человека. Поэтому другой полюс, который должен быть добавлен к профессиональной жизни, должен стать иным, нежели был раньше. Так чем же раньше было то, что добавлялось к профессиональной жизни? Это окажется перед вами сегодня, если на вас воздействует то, что стало до некоторой степени оболочкой культуры, и что должно всё более и более становиться скорлупой, оболочкой культуры: дома, в которых протекает профессиональная жизнь, а посередине – церковь. Шесть дней в неделю предназначались профессии, а воскресение тому, что человек мог воспринять только своей душой. Это и были два полюса: профессиональная жизнь и жизнь в религиозных представлениях.

Было бы большой ошибкой, которая могла бы возникнуть сегодня, если бы стали думать, что этот другой полюс, – как он ещё сегодня мыслится сообществами, объединёнными по признаку религиозного вероисповедания, – мог бы сохраняться

в неизменном виде, поскольку он соотносится с той профессиональной жизнью человека, которая ещё связана с эмоциями. Именно в этой области не обойтись без познаний, иначе в общечеловеческой жизни наступит упадок, она зачахнет. Пока человек не освободился от того, что как элементарную духовность он производил в своей профессиональной деятельности, – а он производил элементарную духовность, духовность, развиваемую элементарными существами в только что описанном смысле, – до тех пор старых религиозных представлений было в некотором смысле достаточно. Теперь их уже недостаточно, и их будет всё более и более недостаточно, чем дальше мы продвинемся в будущее. Необходимо именно то, против чего с некоторых сторон ведётся борьба: необходимо, чтобы в человеческой эволюции возник другой полюс, который состоит в том, чтобы быть в состоянии развивать конкретные представления о духовном мире.

Те, кто сегодня являются представителями религиозных вероисповеданий, очень часто говорят: ах, эта духовная наука говорит о множестве духов, о многих богах; один Бог – вот то, откуда всё происходит! Разве нам Его недостаточно? – Сегодня ещё можно произвести впечатление на людей, приводя им аргументы о большом преимуществе единобожия, особенно, если это делается за кофе или семейным музицированием, подшучивая при этом над новыми устремлениями, то есть когда эти вещи преподносятся людям в крайне субъективной, филистерской форме. Речь, однако, о том, что точка зрения людей должна стать более дальновидной, то есть, люди должны учиться познавать, что всё происходит не только от одной божественной духовности, которую представляют себе весьма расплывчато, но что духовное, духовность существует повсюду, причём вполне конкретная, специфическая духовность. Стоя перед тисками, за станком, человек должен учиться познавать: когда сыплются искры, то тут же при этом создаются элементарные духи, которые переходят в мировой процесс и имеют значения для этого мирового процесса. – Это глупости, может сказать кое-кто, почитающий себя очень умным. Эти элементарные духи возникают даже тогда, когда стоящий за станком, перед тисками, не имеет никакого понятия о том, что они возникают. Они всё равно возникнут. Однако дело в том, чтобы они возникали правомерно, возникали правильным образом, а не в том, что они вообще возникают. Ведь могут возникать как мешающие мировому процессу, так и способствующие, служащие ему элементарные духи.

Вы лучше всего вникнете в то, что я имею в виду, если рассмотрите специальную область, ибо во всех этих делах мы стоим сегодня в начале развития, которое, как говорится, при дверях. Некоторые люди уже предчувствуют это. Но если люди будут чувствовать это и реализовывать, не перейдя в то же время к духовнонаучным устремлениям, то это было бы наихудшим из всего, что могло бы произойти на Земле. В течение четвёртой послеатлантической эпохи наступило то, что человек, прежде всего, оказался освобождённым от внешнего неорганического мира, который он воплощал в своих инструментах, орудиях. Сначала он проходил совместный путь с тем, что он воплощал в своих инструментах. В настоящее время машины конструируют. Само собой разумеется, что машины сегодня объективированы, человеческое начало ещё мало присутствует в них. Но всегда так оставаться не может. Ход мирового процесса идет к тому, что возникает связь между человеком и тем, что человек создаёт, тем, что человек производит. Эта связь будет становиться всё более интимной. Сначала она достигнет той ступени, когда будут основаны более близкие отношения между людьми, начнётся использование химических веществ, переработанных в медицинские препараты, лекарства. Сегодня ещё верят в то, что если что-либо состоит из серы и кислорода и какого-нибудь иного вещества, водорода, ещё чего-то другого, то возникшее как продукт, обладает только теми воздействиями, которые приходят от отдельных веществ. Сегодня это в высшей степени верно, но ход мирового развития идёт к другому. Тонкие пульсации, заложенные в жизнь человеческой воли и жизнь человеческого настроения, образа мыслей, будут всё больше и больше вплетаться, вчлняться в то, что производит человек, так что будет небезразлично, получаем ли мы изготовленное вещество от одного человека или от другого.

Даже наиболее внешнее, техническое развитие имеет тенденцию, направленную к вполне определённой цели. Тот, кто сегодня может предвидеть будущее техническое развитие, знает, что в будущем целые фабрики будут действовать индивидуально, в зависимости от того, кто руководит фабрикой. Образ мыслей будет распространяться и на фабрику, будет переноситься на работу машин. Человек будет срастаться с объективной реальностью. Всё, с чем мы соприкасаемся, будет мало-помалу носить на себе отпечаток человеческого существа. Придёт время, – как бы сегодня умным людям ни казалось это глупостью; ведь как говорил ещё св. апостол Павел: «Мудрость перед людьми есть порой безумье перед

Богом», – придёт время, когда появится механизм, он будет неподвижен; к нему подойдёт человек, который будет знать, что ему определённым образом нужно сделать одно движение руки, затем другое, третье; тогда, благодаря возникшим колебаниям воздуха и как следствие определённого знака, мотор придёт в движение, поскольку он будет настроен на эти знаки.

Развитие национальной экономики приобретёт такую форму, что внешние патенты и тому подобное будет полностью исключено, ибо все такие вещи будут заменены тем, о чём я вам только что сообщил. Однако при этом всё, не имеющее отношения к человеческой природе, будет исключено. Тем самым может быть достигнуто нечто вполне определённое. Вы только представьте себе как-нибудь поистине доброго человека в будущем, человека, действительно стоящего на высоком уровне человеческого умонастроения и нравственности: каковы будут его возможности? Он сможет конструировать машины и устанавливать для них такие знаки, выполнить которые смогут только те люди, которые настроены так же, как и он, которые тоже имеют добрый нрав и образ мыслей. А те, кто настроен злобно, будут создавать этими же знаками совершенно иные колебания, так что машина не запустится, не будет работать!

Я говорил, что люди уже имеют кое-какие предчувствия относительно этого. Я не напрасно указывал вам на то, что некоторые люди под влиянием определённых звуков, тонов, будут видеть танцующее пламя. Проводя исследования в этом направлении, можно будет найти путь к тому, на что я непосредственно указывал. Можно также сказать: надо будет вернуться к определённым временам прошлого, когда один алхимик, который только и хотел, что набить свой кошелек деньгами, не мог ничего добиться, тогда как другой, который не хотел набивать свой кошелек деньгами, но хотел вершить таинство во славу Божию и на благо человечества, достигал цели.

Пока то, что производилось в профессиональной деятельности, несло некоторым образом ауру эмоций человека, радость, создаваемую человеком, оно оставалось недоступным для вида воздействия, только что описанного мною. В той мере, в которой производимое в профессиональной деятельности человека может производиться без особого энтузиазма, – а это является необходимым условием, – в той же самой мере, то, что изливается, вытекает из человека, может стать моторной, движущей силой. Дело в том, что человек благодаря тому, что

он может не связывать машинный мир, мир механизмов со своими эмоциями, возвращает этому машинному миру, – созданному работой человека или служащего работе человека, – его целомудренность, непорочность. В будущем будет невозможно, чтобы человек в горниле радостной профессиональной деятельности придавал вещам своё собственное человеческое тепло. Но вследствие этого эти вещи будут вступать в мир в непорочном состоянии, благодаря чему сделаются восприимчивей к тому, что как вышеописанная моторная, движущая сила, исходящая от человека, может человеком предназначаться для этих вещей. Однако человеческое развитие сможет принять такое направление только благодаря конкретному познанию духовных сил, которые могут быть исследованы средствами духовной науки. Это может произойти только благодаря последнему. Произойдёт ли нечто подобное только что описанному, зависит от того, найдёт ли достаточно большое число людей в мире другой полюс, тот полюс, где вместе, от человека к человеку, обретают себя в том, что восходит выше всякой профессиональной деятельности и, в то же самое время, может осветить и пронизать собой всякую профессиональную деятельность. Жизнь в духовнонаучном движении – вот что лежит в основе совместной жизни людей, которая может свести воедино все профессии. Чисто внешний прогресс в развитии профессий привёл бы к распадению всех союзов между людьми. Он привёл бы к тому, что люди стали бы всё меньше и меньше понимать себя, всё меньше и меньше смогли бы развивать отношения, соответствующие предназначению человеческой природы. Люди стали бы всё больше и больше проходить мимо друг друга, перестали бы искать чего-либо, кроме выгоды, потеряли бы возможность вступать друг с другом в какие-либо отношения, кроме конкурентных. Этого не должно произойти, иначе человеческий род впал бы в полный упадок, декаданс. А чтобы этого не произошло, духовная наука должно распространяться.

Есть одна возможность правильным образом отдать должное тому, к чему сегодня, даже отрицая его, бессознательно стремятся многие. Вы знаете, сегодня есть много людей, которые говорят: «Ах, разговоры о духовном – старая болтовня! Мы развиваем во всех областях исключительно физические науки. В этом состоит прогресс человечества, это действительно движет человечество вперёд. И как только люди возвысятся над этой старой болтовней о духовных вещах, на Земле наступит рай». – Однако вовсе не рай

наступит вследствие этого на Земле, а ад; он наступит, если и дальше человеческим родом не станет руководить ничего иного, кроме конкуренции, жажды доходов в том смысле, что жажда доходов станет уравнивающим принципом. Ибо, в конце концов, другой полюс должен найтись, он должен быть в наличии, если всё это вообще продолжится. Если же человек не найдёт духовного полюса, то ему придётся иметь ариманический полюс. Если профессии специализируются, то в качестве единства останется одно. Скажут: «Конечно, один такой, другой этакий, но у всех есть одно общее, все они посредством своей профессии хотят как можно больше зарабатывать – это и есть то, что их всех равняет». – Верно, но ведь это – чисто ариманический принцип. Верить в то, что мир, развиваясь односторонне, делая шаги лишь во внешнем, может идти правильно, аналогично тому, как если бы в другой области кто-либо стал верить в следующее. Допустим, нашёлся бы такой странный сыч, или, скажем из вежливости, совиха, которая выступала бы с такой точки зрения: мужчины становятся всё хуже и хуже, их невозможно терпеть в мире, их надо искоренить, только тогда мировое развитие на физическом плане пойдёт как следует! Поистине это была бы странная совиха, странная чудачка, считающая, что в мире ничего не случится, если искоренить всех мужчин. Людям это понятно, поскольку это происходит в чувственном мире. В духовном мире такую совиную позицию они бы не поняли. И, тем не менее, для духовных условий такая точка зрения равносильна той, когда кто-то считает, что можно идти вперед путём лишь чисто внешней эволюции. Так идти вперёд нельзя. Как в более ранние периоды развития требовалась абстрактная религия, точно так же и новое развитие, эволюция нового времени требует конкретных духовных познаний, к которым стремятся в духовнонаучном движении. Элементарные духи, созданные в освобождённой профессиональной деятельности, должны будут оплодотворяться человеческой душой с помощью того, что эта человеческая душа примет из импульсов, восходящих в духовные области. Это не единственная задача духоведения, но по отношению к развивающейся, трансформирующейся профессиональной жизни задача духоведения состоит именно в этом. Вот почему сама мировая эволюция на Земле нуждается в том, чтобы человеческое сердце прозрело, чтобы ему стало понятно следующее: насколько профессии людей становятся механическими, механизированными, для этих специализировавшихся, машинизированных людей все больше

и больше становится необходимым наличие активного, всё более интенсивно действующего противоположуса. Он состоит в том, что человек наполняет свою душу тем, что сближает его с каждой отдельной человеческой душой, независимо от её специализации.

Это, однако, ведёт к гораздо большему, это ведёт, как мы уже слышали, к тому, чтобы на место нашего, скажем, безразличного к жизни, отвлечённого от жизни времени, которое существует именно для таких профессионалов, пришло совершенно другое время, время, в которое люди будут снова творить из совершенно других импульсов, побуждений, – импульсов, которые поистине не могут быть хуже, чем хорошие старые профессиональные импульсы, те, которые уже не могут быть обновлены, но которые должны быть заменены на новые. И в этом отношении мы сегодня можем не просто абстрактным образом указывать на человеческий идеал, который хочет развить духовная наука. Мы можем вполне конкретным образом указать на идеал, который покажет, чем станет для человека профессия, если люди поймут, как правильным образом принимать знамения времени.

Обо всех этих вещах и об их значении для человеческой индивидуальности и для кармы мы продолжим наши рассуждения завтра.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 13 ноября 1916г

Рассматривая именно такие элементы в человеческой жизни, как профессия человека или всё то, что связано с ней в жизни, вы увидели, как трудно излагать эти вещи, ибо при этом приходится рассматривать чрезвычайно многое. При этом мы должны вспомнить, что всё, вступающее в человеческую жизнь вследствие хода кармы, закона судьбы, зависит от очень многих факторов; разнообразье человеческой жизни вызвано именно тем, что так много факторов играют здесь роль. Одно особое замечание надо сделать в том случае, когда под словом «профессия» мы объединяем отдельные человеческие факторы жизненной судьбы. То, что обозначают как профессию человека, не следует смешивать с тем, что в самом широком смысле называют «службой», «должностью» (Amt). Ибо, само собой разумеется, можно было бы сразу же впасть в заблуждение, если бы рассматривая то, что представляет собой тот или иной человек на своей службе, использовали бы ту точку зрения, которая была принята здесь относительно

профессиональной жизни. Именно из-за того, что человек зачастую – хотя и не всегда – реализует свою профессию на службе, на работе, происходит то, что в человеческой жизни могут играть роль многочисленные внешние факторы, и что с кармой профессий переплетаются иные кармические нити.

Именно сегодня мы ещё живём в такое время, когда, хотя и происходит некоторая медленная трансформация, но в которое дело во многих отношениях обстоит ещё так, когда тех вещей, которые мы сейчас приводили в связи с кармой профессий, совершенно недостаточно, чтобы занять то или иное положение в жизни. Мы знаем, что в настоящее время во многих отношениях профессиональная карма ещё пересекается с кармой сословия в целом, класса и так далее, что каждый по поводу своего места в жизни в группах людей проявляет высокомерие, тщеславие, предрассудки и сам подвергается им стороны других; действуют и много иных факторов. Все эти факторы, которые, действуя на карму профессий до некоторой степени извне, делают возможным, что к ходу человеческой деятельности постоянно примешиваются ариманические влияния. Человек, поставленный в жизни на определённый пост, ставший, – в помощь кое-каких известных способов, которые нет нужды перечислять, – министром, государственным советником или чем-то в этом роде, человек, поставленный на такой пост, вовсе не нуждается на таком посту в том, чтобы иметь профессию. Он может занимать высокий пост, где его профессией может быть ну, разве что канцелярская душа; можно обойтись и без неё. Не следует думать, что при этом он не соответствует своей должности. В том-то и состоит своеобразие нашего времени, когда материалистическое истолкование справедливых основ дарвинизма вызывает на свет такие учения о жизни как «Естественный отбор», которое сильно порицал Оскар Хертвиг, ученик Э. Геккеля, – в том-то и состоит своеобразие времени, что оно, вызвавшее к жизни эти учения, в то же самое время со всей очевидностью и в гораздо большей степени, чем когда бы то ни было, проявляет склонность избирать самое, что ни на есть плохое. Здесь нет необходимости вставать на пессимистическую точку зрения, порицая лишь своё время и взывая к добрым старым временам, здесь мы действительно стоим на почве фактов: с одной стороны, учение о естественном отборе могло бы пойти на пользу, но в это время, – которому такое учение могло бы пойти на пользу, – со всей своей реальностью, со всей действительностью господствует

тенденция: относительно кажущихся наиболее важными, проблем жизни выбирать наихудшее.

Эта горькая правда относительно современности, которую, тем не менее, надлежит познать, если мы не желаем, чтобы эта современность попала под влияние всевозможных далеко идущих авторитарных верований и всевозможной далеко идущей оппортунистической болтовни; чтобы не господствовало то, что сегодня называют общественным мнением, – ведь, по воззрениям философов 19-го века, общественное мнение – это частные глупости. Я бы сказал так: то о чем здесь идёт речь станет понятно, если не очень поддаваться впечатлению, которое сегодня из весьма сомнительных источников подпитывает общественное мнение.

Надо уяснить себе, что наше время, прежде всего, нуждается в побуждении к более интенсивному пониманию жизни: для этого надо увидеть односторонность, увидеть, как выбирают наихудшее, пусть даже этот выбор совершает так называемое общественное мнение.

Службе, служебным обязанностям во многом соответствует Ариман-Мефистофель; вы можете по ходу действия в «Фаусте» увидеть, как исполняет Мефистофель свою службу. Только в конце своей жизни удаётся Фаусту освободиться от Мефистофеля. Фауст приходит к императорскому двору. Он даже делает одно открытие, чрезвычайно важное для своего века: он открывает бумажные деньги. Хотя на самом деле открывает бумажные деньги Мефистофель. Затем, благодаря Гомункулусу, Фауст направляется в античный мир; но и Гомункулус появляется при помощи Мефистофеля. Фауст даже становится военачальником, ведёт войну, но именно благодаря тому, как всё это изображает Гёте, можно увидеть, что, в сущности, эту войну ведёт Мефистофель. И только в самом конце мы видим, как Фауст постепенно освобождается от Мефистофеля. Даже когда Фауст просто бродит по миру, не исполняя никакой службы, после того как он оставил свою профессию, занимаемую прежде, можно всё же сказать: те формы, те способы, в которых выступает на его стороне Мефистофель, точно такие же, как и те, в которых выступают сегодня в жизни человека мефистофельские силы. Вот первое, на что надо обратить внимание.

Нечто другое, на что надо обратить внимание, состоит в чрезвычайной трудности правильного исследования в человеческой природе того, что действует в ходе кармической эволюции. Даже об этой области можно сказать, что и здесь развитие естествознания подошло к той точке, где на смену

ему должно прийти духовнонаучное рассмотрение. Ведь именно при вторжении в душевную жизнь естественнонаучный образ мысли впадает в тягчайшие заблуждения. Мы видим сегодня превратное научное течение, направленное на душевную жизнь; оно хочет рассматривать её на естественнонаучном уровне, оно согласно с тем, что эта человеческая душевная жизнь протекает не только в сознании; что под порогом сознания, как говорят, в неосознанном или бессознательном лежит многое, что поднимается в сознание. В более ранних рассмотрениях мы приводили конкретные вещи, которые действительно заложены в подсознании и которые поднимаются в сознание как столбы, облака дыма в районе Сольфатара (район недалеко от Везувия, где открывается на поверхности земли множество дымящих щелей; в обычных условиях дыма нет, но если зажечь кусок бумаги, то под влиянием тяги из щелей начинает струиться дым, – примеч. перев.), если кто-нибудь зажжёт там бумагу. Там внизу, в глубине подсознания находится многое. Так что можно сказать: некоторые люди, которые хотят сегодня заниматься учением о душе, предчувствуют, что для выяснения душевной жизни надо привлекать темные, бессознательные душевные способности и душевные недостатки. Единственно потому, что эти воззрения решительно не хотят снизойти к всеобъемлющему духовнонаучному мировоззрению, они способны породить только заблуждения. Встав на эту точку зрения естественнонаучного учения о душе, человеческую душу рассматривают в процессе её развития. Конечно, отказываются верить, что переживания и волеизъявления души, то, в чём она оказывается счастливой или несчастливой, исполненной радости или боли, зависят лишь от того, что душа непосредственно сохранила в сознании. Пытаются проверять, экзаменовать душу, пытаются, например, извлечь из души то, что с ней когда-то происходило, будь это радость, страдание, разочарование в жизни, но о чем душа уже забыла, что для обычных её возможностей представления оказалось забытым. Говорят: не исчезло единственно только то, что забыто; оно зарылось в подсознание.

Особенно закапываются в это бытие подсознания вождедения, которые человек имел когда-то раньше, которые остались неудовлетворёнными, которые человек оттеснил назад, вытеснил. Приведём конкретный пример: он произошел с одной особой женского пола тридцати лет. В шестнадцать лет она была влюблена, у неё возникли настоящие эротические вождедения, – так говорит естественнонаучное направление,

- но эти эротические вождения завели бы её на скользкий путь, если бы она предалась этим эротическим вождениям, если бы они реализовались. Под влиянием воспитания, под влиянием родительских уговоров, она, говоря тривиально, в душевном смысле загнала их вниз. Она стала жить дальше. С того времени прошло четырнадцать лет. Она благопристойно вышла замуж. Из её повседневных чувств и мыслей всё давно изгладилось, оно забылось, но то, что забыто, не исчезло. Душа не исчерпывается тем, что она знает. В подосновах душевной жизни всегда существует многое; это нашло своё выражение в том, что у этой дамы, несмотря на то, что внешне она была счастлива, наступило не подающееся определению пессимистическое, депрессивное состояние, пресыщенность жизнью или нечто в этом роде, она стала, как говорят, нервной, у неё возникло истощение нервной системы или что-то подобное. Эту форму учения о душе, этот вид психологии пытаются использовать при лечении; стараясь излечить такую душу, подвергают её своего рода экзамену, как при катехизации, при этом говорят: такие вот переживания, обитающие в подосновах душевной жизни, для верхнего сознания кажущиеся забытыми, надо извлечь наружу. Если они будут извлечены наружу, и человек подвергнется влиянию «благотворного катехизатора», - роль которого, по современным воззрениям на душу, должен выполнять врач, - пациенту станет лучше. На этом пути можно достичь излечения; часто такое излечение наступает в большей или меньшей степени, несмотря на то, что в большом количестве случаев оно носит лишь кажущийся характер. Насколько такое излечение является лишь кажущимся, мы изложим при других обстоятельствах. Так что первое, это то, что поиск ведут в глубинах душевной жизни.

Другой случай: нам пришлось иметь дело с мужчиной тридцати пяти или сорока лет, который страдал некоторой усталостью от жизни, страдал от нерешительности в жизни. Он сам не знал, почему, и его окружение тоже не знало почему; он знал об этом вообще менее всех остальных. Тот, кто, имея дело с подобным указанному случаю, стал бы действовать в соответствии с этой психологией, попробовал бы покопаться в забытых, но неисчезнувших подспудных областях душевной жизни и вывести наружу, что пациент, возможно, на пятнадцатом, шестнадцатом, семнадцатом годах жизни строил те или иные неосуществившиеся затем жизненные планы. В то время ему пришлось избрать иной жизненный план, который не соответствовал прежним жизненным планам. Конечно,

затем он, по видимости, довольствовался тем, что он ежедневно чувствовал, думал и волил; но это не касалось его душевной жизни в целом, – то, что он чувствовал, думал и волил, – но в подосновах, как сила, жил тот, потерпевший крах план жизни.

Здесь тоже полагают, что можно вылечить, если посредством «катехизации» извлечь этот рухнувший план жизни, если пациент сможет общаться со своим «катехизатором». Считают также, что в глубине души покоится многое, о чём сознание не знает. Короче, исходят из того, что сознание является малым кругом, а душевная жизнь большим кругом, что сознание охватывает только часть душевной жизни. Но на основе душевной жизни ищут также и, – я мог бы сказать, – недушевное, ищут, то, что совсем недавно теологи, кажется, стали называть «животным началом», животным дном, животностью души. (animalischen Grundschlamm der Seele). Итак, разочарования, подавленные вожделения, неосуществлённые планы, «животное дно» души, то есть всё то, что коренится в животной жизни, то, что приходит так сказать из плоти и крови, из животного начала неосознанным образом, – ведь сознание стало бы защищаться против всего этого, стало бы защищать себя, – всё это поднимается из основ душевного начала.

Кое-что в этой теории «животного начала» верно. Ведь в жизни мы часто видим, как сознание говорит себе: ах, я не хочу ничего иного, как только испытать то или иное, поэтому я обращаюсь к тому или иному человеку. – Но при этом действует «животное дно» душевной жизни: это, возможно, лишь животные вожделения, приукрашенные, замаскированные тем, что говорит сознание. Далее это «научное» направление утверждает – слово «научное» надо при этом брать в кавычки (тут всё по большей части в кавычках), оно утверждает, – что в этой подсознательной области можно также отыскать то, что имеет отношение к связи индивидуума с расой, нацией, со всевозможными другими историческими рудиментами, которые, не будучи осознаны, играют роль в человеческой душе, в то время как сознание ведёт себя совершенно иначе. Относительно того, что сегодня бурлит по всему миру, можно сказать, что эти вещи могут быть подкреплены примерами, широко распространяющимися в мире. Кто не видит сегодня, как иной человек берёт в основу своих слов высокие идеалы права и свободы народов, в то время как в его душе в действительности правит лишь то, что будучи укрыто на дне души, происходит из тех связей, анализом которых в вышеуказанном направлении

занимается психоанализ, или, по крайней мере, хочет заниматься.

Кроме того – я не знаю, как дискутируют психоаналитики-естественники и психоаналитики-теологи, а ведь есть и такие, – эти психоаналитики-теологи к подсознательной жизни души причисляют также демоническое начало, то, что, как говорится, происходит из ещё более глубоких основ, из совершенно иррациональных основ. Особенно хорошо потрудились теологи-психоаналитики над тем, что неизвестные демоны действуют, якобы, в подсознании человеческих душ, чтобы сделать человека, например, гностиком или теософом. Конечно, если человек посредством психоанализа исследует душу, если он проникает так глубоко, до самых подоснов, где находится первородная тина, он это обнаруживает. И вот – одним демоническим учением оказывается гнозис, другим демоническим учением – психоанализ, – пардон, не психоанализ. Он-то по мнению этих господ и дам – ведь дамы тоже принимают участие в этих делах, – тут не при чём, но теософия и другие предметы, которые тоже сюда причисляются. Сегодня мне не хотелось бы вдаваться в критику психоанализа: вышесказанным я всего лишь хочу показать, что в этом психоаналитическом направлении заложено нечто, из-за чего современные исследователи будут сталкиваться с тем, что лежит ниже сознательной части души, с тем, что там действует и ткёт. Но именно здесь из-за естественнонаучных предрассудков возникают самые крупные заблуждения, поскольку духовнонаучное исследование этой области априорно отрицается, его не хотят допустить. Вот почему не удаётся увидеть, что данную область душевной жизни нельзя анализировать правильным образом, не зная о том, что жизнь человека протекает в повторяющихся земных жизнях. Ведь психоанализ пытается объяснить всё то, что находится на дне души, из одной единственной земной жизни. Ничего удивительного, что многое предстаёт в ложном свете.

Например, тот, кто в глубинах души обнаружил крах планов жизни, должен был бы в первую очередь исследовать, какое значение имело это крушение жизненных планов в той общей жизни человека, которая проходит через повторные земные жизни. Может быть, тогда он бы обнаружил, что, покоясь в подсознании, некоторые стороны той жизни проявляют активность, которая становится судьбоносной помехой, препятствующей осуществлению жизненных планов человека. Он смог бы тогда заметить, что неосуществлённый жизненный план, который ещё находится в подосновах души, не просто

вызвал болезнь человека в данной инкарнации, но что его назначение – перенестись через порог смерти, когда жизнь подойдёт к концу, обрести силу, стать силой в жизни между смертью и новым рождением, чтобы только в следующей земной жизни сыграть свою роль. Для такого несбывшегося жизненного плана может оказаться необходимым сначала по жизни сохраниться в подосновах души, чтобы план смог набрать силы, укрепиться, а затем, в жизни между смертью и новым рождением обрести правильные очертания, для того, чтобы в предназначенной для него форме выступить в ближайшей земной жизни, тогда как в этой земной жизни он не смог осуществиться в силу других качеств душевной жизни.

Что же касается так называемой анималистической, животной подосновы душевной жизни (буквально – животная придонная тина – примеч. перев.), – как говорилось, это довольно безвкусное выражение, – то она, конечно существует. Однако вспомните то, что я рассказывал об отношениях между человеческой головой и остальным организмом. Остальной организм непосредствен связан с земной жизнью человека, связан во многих отношениях с его нынешней инкарнацией, в то время как голова является результатом более раннего развития земного плана и, прежде всего, связана с его предшествующими инкарнациями. Продумав это, вы поймёте, что из его остального организма, в соответствие с ролью, которую он играет в кармических взаимосвязях в целом, наверх поднимается и действует многое такое, что имеет иную степень зрелости, нежели то, что происходит из головы человека, из головы и её нервной системы. Но по совершенно неверному пути идёт тот, кто посредством психоанализа анализирует, прежде всего, «животное дно». Ведь если кто-то анализирует животное начало, «животную тину», он оказывается в положении человека, который желает заранее узнать, что за вид злаков вырастет на определённой почве, пока они ещё не выросли: он анализирует почву, роется в ней и находит навоз, которым она была удобрена. И вот теперь он говорит: да, теперь я знаю ж тот навоз, из которого скоро вырастут зерновые. – Зерновые растут совсем не из навоза, хотя и навоз должен быть при этом! Речь идёт о том, что покоится в этой «придонной тине»; то, что залегает в этой «донной тине», в этих подосновах, предназначено к тому, чтобы через врата смерти воздействовать на развитие ближайшей земной жизни. Дело не в том, чтобы исследовать саму эту «животную тину»; надо исследовать то, что, как душевное семя, заложено в эту «животную тину».

Именно так называемый психоанализ даёт повод изучить, где предрассудки современности действуют как помехи, поскольку в психоанализе мы имеем дело с областью, на которую направляется мышление современности, неудовлетворённое тем, что даёт душа просто как опыт, тем, что является для души опытом сознания. Стремятся в ту область, которая подлежит исследованию. Однако те, кто не может направить исследования в верное русло, задаться правильным направлением, поскольку они не в состоянии понять духовную науку, зарываются в область, которая или поручена им в связи со службой, или взята по агитационным мотивам; самым неразумным образом они сдвигают там всё на ложные позиции, ибо не понимают, как поставить вещи на своё место. Сделать это можно только в том случае, если человек в состоянии проследить реальные кармические нити, как я вам только что, хотя бы в намёках, показал на одном и другом примерах. Психоанализ, прежде всего, проявляет себя как страшно нездоровое явление, когда он зарывается в элементарное, в ту область, которая важна, если хотят исследовать продолжающиеся всё дальше нити судьбы человека в их тонком, интимном формировании. То, что в сознательной душевной жизни человека разыгрывается от пробуждения до засыпания, в сущности, обнаруживает слишком мало от того, что действует дальше через инкарнации как кармический поток. То, что мы сознательно переживаем в бодрственной жизни, по большей части относится к настоящей, нынешней инкарнации. Хорошо, что это так, ибо человек должен проявлять усилия именно в нынешней инкарнации. Но многое из того, что переносится сквозь врата смерти в качестве семени, зародыша, образованного из переживаний, опыта, закалки нынешней инкарнации, играет большую роль в нашей жизни от засыпания до пробуждения, играет немалую роль в сновидениях. Но только надо правильно трактовать образы сновидений. Когда говорят, что сновидения – это реминисценции, то это отчасти верно, однако они действуют и в нашем кармическом течении, хотя и иным, не прямым образом. Они не действуют прямым образом, они зачастую действуют посредством того, что в кардинальных вопросах их значение противоположно тому, что они сообщают. Я хочу привести пример из литературы, чтобы пояснить то, что хочу сказать.

Некто Ф. Фишер – его имя Ф. Фишер (V. Vischer), поскольку оно пишется не через F, а через V, – искусствовед, занимающийся эстетикой, написал роман “Тоже один”, и в

этом романе есть один маленький, милый рассказ, о котором я привожу пример потому, что говорю в довольно широких кругах о профессиональной жизни, то есть о том, что связано с знанием человека. Так вот я и хочу привести пример, связанный с занятием. Так вот, этот Фишер приводит разговор между отцом и его сыном. Они идут вместе, и после того как отец расспрашивал его, сын рассказывает отцу: Видишь ли, учитель сказал нам, что надо всегда узнавать от человека, чем он занимается, ведь дело в том, что если у человека приличное, порядочное занятие, можно судить, что он приличный, порядочный человек, порядочная душа. Так! – сказал отец. – Да, но потом, после того, как учитель в школе сказал нам это, мне приснилось, что я иду вдоль озера, и во сне спрашиваю: Озеро, какое у тебя занятие? На что озеро отвечает: Моё занятие – быть мокрым. – Ну конечно! – сказал отец.

Это очень духовный рассказ, рассказ, который обнаруживает большое знание жизни у того, кто его сочинил. Ведь отец сказал «Ну конечно!» по той причине, что он не хотел портить своего сына и не хотел говорить ему, что учитель сказал глупость. Но он, отец, подумал об этом. А если бы он должен был объяснить всё это сыну в более разумной форме, нежели учитель, он должен был сказать: Нельзя судить так поверхностно. Может случиться, что кто-то, например, имеет неправильное представление о каком-то приличном занятии, и поэтому посчитает другого человека непорядочным, или ещё как-нибудь притеснит его. Короче, отец должен был преподать сыну урок. Но в этом случае он не стал поучать сына, так как сын был ещё очень юным человеком, и сон ещё мог благоприятно воздействовать на него. Ведь сон, явившийся в сознание сына, оказался той силой, которая заменила поучение. Этот сон действовал в подсознании, но действовал он так, что загладил в душе ту глупость, которую преподавал учитель. Вот почему сон в подсознании, – а оно умнее, чем верхнее сознание, – в подсознании сына сформировался так, что своего рода дыхание юмора, насмешки с помощью сна прикрыло глупость учителя. Озеро говорит, что его занятие, его профессия состоит в том, чтобы быть мокрым. Это действует исцеляющее, это то, что изгоняет все неблагоприятные последствия, которые могли бы возникнуть в результате такого урока. Здесь сон является реминисценцией, – сразу же, в ближайшую ночь последовал сон как реминисценция, – но в то же самое время сон является и корректором жизни. Именно так жизнь астрального тела

производит свои воздействия; помимо того, что обнаруживается как существующий в душе остаток жизненных переживаний, полученных иногда от неправильного воспитания, жизнь астрального тела выполняет роль корректора в подсознательных душевных силах, который порой действует в той же самой инкарнации, если человек ещё юн, но который, главным образом, переносится через порог смерти и действует дальше. Действительно, именно так осуществляется своего рода самокоррекция человека. На это нам следует обратить пристальное внимание.

Посредством всех этих вещей мне хотелось бы привлечь внимание к тому, что всё, имеющееся в человеке, переходит из одной инкарнации в другую. Мы имеем дело с целым силовым комплексом (Kraftkomplex), который распространяет своё действие, разыгрывается из одной инкарнации в другую. Мы только должны помнить, об отношениях между этим силовым комплексом и человеком, когда его жизнь протекает между рождением и смертью. Тут человек фактически является, я бы сказал, инструментом с четырьмя струнами, игру на котором совершает этот вышеназванный кармический силовой комплекс. Физическое тело, эфирное тело, астральное тело и «я» – вот те четыре струны, на которых играет карма. Если мы используем сравнение со скрипкой, которая тоже имеет четыре струны, то индивидуальная жизнь человека складывается по мере того, больше или меньше прикасается кармический смычок к тому или иному: эфирному телу, астральному телу, или эфирному и астральному телам вместе, физическому телу вместе с астральным телом, физическому телу вместе с «я», – так возникает индивидуальная человеческая жизнь. Совместная игра этих четырёх струн человеческой жизни может быть весьма разнообразной. Вот почему так трудно, – если хотят говорить не пустыми абстракциями, но конкретно, – расшифровать отдельные жизненные мелодии человека: ведь расшифровать их, – по крайней мере, плодотворно расшифровать, – можно только в том случае, если мы можем в некотором роде созерцать, как смычок кармы играет на четырёх струнах человека. При этом надо учитывать и общую точку зрения, но к этому мы вернёмся.

Если рассматривать человека в те годы жизни, в которые, – в смысле моей маленькой книжечки «Воспитание ребёнка с точки зрения духовной науки», – по преимуществу развивается физическое тело и особенно – эфирное тело, если рассмотреть развитие ребёнка примерно от седьмого до четырнадцатого года, – примерно, потому что всё это приблизительно, – то

тогда мы обнаружим, что именно в это время у ребёнка выступают некоторые свойства, особо характерные для этого периода жизни. Можно будет заметить, что в это время некоторые вещи некоторым образом консолидируются, укрепляются. Кое-что выступает, – поскольку эти вещи развиваются хаотически, – уже в первые семь лет жизни, но при более точном, глубоком наблюдении, это происходит только от семи до четырнадцати лет жизни. Обнаруживается, что у человека, находящегося в становлении, определённым образом выступает то, что можно назвать консолидированными внутренними основными свойствами, чертами характера; они проявляются через телесность, посредством самоподачи, самовыражения в целом, причем настолько, насколько это самоподача, самовыражение проявляется в осанке, жестыкуляции, во всей жизненной установке. Здесь консолидируется, хотя и не всё, но большая часть того, от чего зависит, имеет ли человек приземистую фигуру, короток ли он или длинен, какая у него походка, твёрдая поступь или танцующая; имеются в виду радикальные противоположности, короче то, что в жизни связано с телесностью. Как сказано, не всё, но большая часть того, что таким образом выступает в подрастающем человеке, проистекает из воздействия кармы профессии предшествующей инкарнации. Игнорируя то, что я только что сказал, очень часто допускают ошибку, считая разумным судить о человеке по его осанке и по тому, как он себя преподносит и держит, определять его профессию. При этом допускают ошибку, желая приписать соответствующему человеку профессию, похожую на ту, которая была у него в предыдущей инкарнации. Это для данного человека неблагоприятно, это не может стать целебным для человека, поскольку в настоящем времени видят воздействия предшествующей инкарнации.

Когда же этот период жизни заканчивается, или ещё раньше, – ведь, как говорилось, эти вещи несколько сдвинуты относительно друг друга, – астральное тело выступает совершенно особым образом, и это астральное тело действует в обратном направлении, действует назад на то, что уже было образовано прежде. Зная эти вещи, как представлены они духовной наукой, можно наблюдать их даже внешне на физическом плане. Астральное тело действует в обратном направлении таким образом, что оно в соответствие уже с другими кармическими силами преобразует то, что сложилось от седьмого до четырнадцатого года из чисто профессиональной кармы, кармы профессии. Так что здесь в

человеке проявляются два рода сил, находящиеся в борьбе друг с другом. Одни силы формируют его; они в большей мере приходят из эфирного тела. Другие действуют навстречу этим силам, частично парализуя их, так что человек благодаря этим, приходящим, главным образом, из астрального тела силам побуждается к тому, чтобы преобразовать то, что было ему навязано профессиональной кармой из предшествующей инкарнации. Итак, мы можем сказать: эфирное тело действует формирующее, – ведь то, что как осанка, манера держать себя выступает в физическом теле при самовыражении, самоподаче, исходит из эфирного тела, – тогда как астральное тело содействует перестроению, преобразованию. Благодаря игре обеих сил, действующих тут, находясь, можно сказать в злейшей борьбе друг с другом, проявляется многое, относящееся к воздействию профессиональной кармы.

Она, однако, взаимодействует с другими кармическими течениями, потоками, которые мы должны рассматривать также и в физическом теле. Для физического тела в первую эпоху жизни актуально, прежде всего, то, как человек посредством своей кармы поставлен в мире. Уже то, что мы имеем относительно физического тела, зависит от этой кармы; ведь мы посредством этой кармы входим в определённую семью, принадлежим определённой национальности, и так далее. Вследствие этого мы получаем тело с совершенно определёнными задатками. Но не только тело с совершенно определёнными задатками мы получаем; представьте себе, как много зависит от хода нашей жизни, от ситуации, в которую мы попадаем в связи с нашей принадлежностью к определённой семье. Тем самым задаётся исходный пункт для бесконечно многого в нашей жизни. Фактически в физическом теле, или, лучше сказать, для физического тела в период, когда физическое тело особенно развивается, в первые семь лет жизни, активно действуют силы, происходящие теперь уже не из профессии, не относящиеся к профессиональной деятельности в прежней инкарнации; нет, они происходят от того, как мы уживались с людьми в прошлой инкарнации, какую совместную жизнь с ними мы вели, какие отношения связывали нас с тем или иным человеком, причём не в какой-либо части жизни, – это относится уже к другой области, – но в течение всей жизни. Это перерабатывается. Глубокие отношения возникают в нашей душе, когда мы вступаем в отношения с человеком. Их мы проносим через врата смерти и, благодаря этим силам, способствуем тому, что снова оказываемся поставленными в определённую семью, в

определённую жизненную ситуацию. Так что мы можем сказать: то, что устанавливает место для нашего физического тела, действует посредством нашего физического тела, это и есть то, что формирует жизненную ситуацию. Конечно, это действует и дальше, через последующую жизнь и теперь наталкивается на противосилу, вызванную со стороны «я». «Я» действует на жизненную ситуацию угашающим образом, но действует оно, борясь с тем, что детерминирует жизненную ситуацию. Так что можно сказать: физическое тело: создаёт жизненную ситуацию; «я»: переделывает, преобразует жизненную ситуацию. Посредством взаимодействия из обоих, посредством силы, которую вызывают эти оба, физическое тело и «я», в жизнь вторгается иное кармическое течение. Ведь в человеке всегда наличествует то, что желает удержать его в определённой ситуации, как и то, что стремится вывести его из определённой ситуации.

1. Физическое тело: создаёт жизненную ситуацию }
  2. Эфирное тело: формирует } }
  3. Астральное тело: переформирует } }
  4. «я»: перестраивает жизненную ситуацию }

Мне хотелось бы сказать: в первую очередь, первичным образом действуют друг на друга 1 и 4, а также 2 и 3; но они взаимодействуют и иначе в самых разных формах. Образ действий, посредством которого мы в соответствии с нашей кармой вступаем в связь с новым человеком в одной жизни, зависит от 1 и 4 в их взаимосвязях. Но это, опять-таки, ведёт нас назад к жизненным связям в более ранней жизни. Образ действий, посредством которого мы находим профессиональные жизненные связи в соответствии с профессией, связано с 2 и 3 и их обоюдным взаимодействием.

Я прошу вас, прежде всего, обдумать это. В ближайшее время мы продолжим это рассмотрение.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 18 ноября 1916г.

Вы видели, как запутаны вопросы судьбы, касающиеся человеческой жизни; мы узнаём об этом, пытаясь приблизиться к ним на путях, которые открывает перед нами духовная наука. Только она может дать современному человеку необходимое для того, чтобы правильным образом вникнуть в то, что может привести к плодотворному пониманию жизни.

Рассматривая запутанные проблемы, в которых мы хотим теперь разобраться, мы должны пойти, так сказать, окольной дорогой, чтобы заметить трудности, которые именно в этой области препятствуют пониманию. Все мы в некотором смысле выросли на почве современного мышления; даже если некто полагает, что обладает непредвзятым мышлением, ему не следовало бы избегать самопознания, самостоятельной проверки своего мышления на непредвзятость. Вот почему, перед тем как двинуться вперед, обратим внимание на некоторые детали.

Зачастую бывает трудно обсуждать такие вещи, поскольку сама речь проявляет строптивость при выработке понятий, соответствующих действительности. Ведь очень легко поверить, что какое-то понятие, выработанное, извлечённое из суммы оккультных наук, нацелено на нечто иное, нежели то, что подразумевалось на самом деле; вследствие этого возникает непонимание в самых разных формах. Очень часто сегодня при обсуждении биографии людей, ставших крупными, значительными личностями, можно сделать следующее наблюдение. Я хочу привести один пример. Именно здесь, в Швейцарии появилась маленькое сочинение, про недавно упомянутого здесь в другой связи Ф.Фишера (V-Vischer), автора произведений «Тоже один» и большой «Эстетики». С исполненной любви самоотдачей описывается жизнь этого корректного в смысле образа мыслей и чрезвычайно работоспособного шваба – Ф.Фишера. Здесь о нём говорится лишь в качестве примера, иллюстрирующего те вещи, которые мы собираемся рассматривать в связи с человеческой судьбой; точно также можно было бы избрать другой пример.

Ф.Фишер по своей натуре был настоящим швабом, натуре, расцветшей в 19-м столетии. В появившейся недавно его биографии показано, как он, этот Фридрих Теодор Фишер, вырос в бедности, как он из-за бедности своей семьи был вынужден быть воспитанником приюта в Тюбингене, и так далее. Для чего мне это понадобилось, состоит в следующем: с самого начала в биографии указывается на то, как, уже обучаясь в гимназии, этот Ф. Фишер проявлял некоторую узость сердца, бездушие, мелочность; как мальчики хорошо успевавшие в латыни, а позднее – в изучении древнегреческих писателей, тем не менее, до относительно позднего возраста так и не знали, в какую же большую реку впадает Неккар, как они до позднего возраста никогда не видели географическую карту, и так далее. Немало подобных ошибок в системе воспитания приводится (в биографии).

Давайте-ка, обдумаем эти вещи как следует. Ф. Фишер в некотором отношении стал ведь большим человеком, стал знаменитым человеком. Нам должно быть ясно, почему он этого достиг, благодаря чему он стал именно такой специфической индивидуальностью, каким он предстаёт в истории. Сюда относится и то, что до известного года жизни он не видел географической карты; если бы он увидел географическую карту ещё до наступления определённого возраста, года жизни, тот определённый тип характера не развился бы в его душе. Не было бы и другого, заслуживающего порицания. Рассмотрев всё это с более высокой точки зрения, мы скажем: душа этого Ф. Фишера спустилась из духовных миров и отыскала для себя именно эту среду, она хотела получить именно такое воспитание, в результате которого стало возможно столь долго не видеть географической карты; эта душа хотела долгое время находится рядом с Неккаром, родным ручейком, но не желала знать, в какую же большую реку впадает этот Неккар. И если изучают этого Ф. Фишера, то видят, что все его причуды, все его странности, которых у него было достаточно, являются правомерными интегральными, составными частями его величия, и было бы неуместно игнорировать их, пытаюсь написать его биографию и при этом порицая школу, сделавшую из него то, чем он стал.

Мы только должны ясно понять, что отсюда никто не должен делать вывод: ну вот, теперь он хочет сказать, что школы, где детям не показывают географической карты, самые правильные. Но для этого Ф. Фишера это было как раз хорошо, это должно было быть. И мы в полную меру переживали это в 19-м веке и до наших дней. И если некто, став знаменитым учёным-естествоиспытателем, обращается против той педагогики, против той системы воспитания, требуя, чтобы в школах преподавали как можно больше естественных наук, обращается к почтенным господам с вопросом: ведь вы сами испытали на себе эти условия, разве вы не находите, что они плохи? – то, как правило, он не получает ответа. Надо уяснить себе, что любая вещь имеет, по крайней мере, две, а иногда, судя по обстоятельствам, гораздо больше сторон. Что значит, если биограф – в данном случае биографом была дама – берётся за дело и так формирует понятия и представления, что создаётся описание, о котором я вам говорил? Подобное описание ничего не может дать для понимания соответствующей личности. Формируя подобные понятия, вторгаются, – только духовным образом, – в существо того, чем

занимаются. Не желая рубить с плеча, вторгаться со своими понятиями, надо было бы с любовью характеризовать то, какова была школа со всей её бездушностью и как она формировала эту индивидуальность. И всё же рубят, критикуют, а критиковать во многих отношениях означает рубить, резать. В чём тут причина?

Причиной тут является совершенно определённое человеческое качество, которое весьма широко распространено в современной системе мышления и коренится в подсознательном. Люди не осознают его: это жестокость. И поскольку люди современности не обладают мужеством, чтобы реализовывать свою жестокость внешне, они проявляют эту жестокость в понятиях и идеях. Во многих современных трудах эту жестокость можно заметить в стиле, форме изложения; во многом, что делается и говорится в современности обнаруживается жестокость, которая укоренилась в основах человеческой души в более широких пределах, нежели думают. Я говорил вам (см. том «Апокалипсис Иоанна» - прим. перев.): традиция некоторых так называемых черномагических школ состоит в том, что качества, необходимые для чёрной магии, ученики этих школ усваивают, прежде всего, разрезая живую плоть животных. Тем самым душе прививаются определённые качества. В современности не всякий может это делать. Но точно такое же удовлетворение кое-кто получает от своей понятийной системы, что, хотя и не ведёт к чёрной магии, но приводит к современной цивилизации. Вследствие этих качеств в современную цивилизацию внедряется многое, многое из того, что нам следует вывести на свет. Только благодаря тому, что на такие вещи будет обращено внимание, можно будет прийти к непредвзятому пониманию мира, в который мы поставлены, иначе этого понимания никоим образом не достичь.

Благодаря этому в современности существуют зачаточные стремления к достижению некоторых перспектив в условиях пятой послеатлантической эпохи. Эту пятую послеатлантическую эпоху не понять, если только критиковать её, если только предаваться абстрактному идеализму, игнорируя то, что, например, выступает в эту послеатлантическую эпоху как механизмы, как механическая культура, что со всей необходимостью принадлежит этой пятой послеатлантической эпохе. В наше время не имеет смысла чрезмерно критиковать механизацию, механизацию. Уже намечаются зачатки для достижения понимания, понимания на человеческом уровне того, что изживается теперь в пятом

послеатлантическом периоде, и что будет изживаться всё больше и больше. Однако для этой пятой послеатлантической эпохи найдено ещё слишком мало адекватных реальности понятий, проявляется слишком мало склонности иметь дело с людьми, которые пытаются постичь это состояние пятого послеатлантического периода. Надо заниматься с этими людьми, ведь во многих отношениях к их устремлениям должны были бы примкнуть истинные, энергичные духовнонаучные устремления.

Есть один значительный поэт пятой послеатлантической эпохи, чьи поэмы прямо-таки проникнуты пульсом жизни этой пятой послеатлантической эпохи: это Макс Эйт, который должен быть известен. Ибо Макс Эйт – истинный поэт нашего времени, нашей эпохи. Он тоже шваб, сын школьного мастера, который хотел, чтобы его сын тоже стал школьным мастером. Но карма хотела другого. С ранних пор он обратился к технической профессии, стал законченным техником и затем отправился на чужбину, в Англию, посвятив там себя производству паровых плугов: стал поэтом парового плуга. И та форма, в которой он с теплотой и сердечностью воспел это удивительное животное нашего времени – паровой плуг, трактор, есть поистине поэзия современности. В этом сердце разыгрывались, уживаясь друг в друге, удивительные вещи. С одной стороны Макс Эйт был человеком, абсолютно преданным технике нового времени, с другой стороны, он был восприимчив ко всему, что могло быть понято с помощью рассудка, непредвзято вникающего в то, что может открыться именно тогда, когда рассудок владеет механико-математическими понятиями пятой послеатлантической эпохи.

В одном из романов Макса Эйта, которому в обыденной жизни приходилось иметь дело с современным Египтом, где он неоднократно бывал по работе, поскольку английская фирма, где он подвизался, поставляла туда паровые плуги, и он должен был их испытывать на месте, – так в одном из его романов, где идёт речь на эту тему, говорится, что пирамиды построены по определённом принципу, определённой системе. Подсчитав некоторые соотношения, – а Макс Эйт произвёл этот подсчёт, который приводится в приложении к роману, – то в результате получается число π (так называемое число Людольфа), вычисленное с точностью до очень отдалённых знаков после запятой, порядка 30 знаков: на это число умножается диаметр круга, двойной радиус, чтобы получить длину окружности. Вы знаете, это 3,14159 и так далее (Число π легко определятся благодаря четверостишию с

ятями: «Кто и шутя, и скоро пожелаетъ пи узнать, число ужъ знаетъ» – примеч. перев.). Так можно продолжать без конца, знаков после запятой много. Можно легко поверить, что это число π , людольфово число, так называемое число Людольфа, было обнаружено лишь в результате позднейших вычислений. Но Макс Эйт пришёл к тому, что в самой глубокой древности египетские храмовые жрецы должны были знать это число π до 30 или до 40 знака после запятой, поскольку с его помощью они определяли соотношения, по которым строились пирамиды. Именно потому, что он был техником, Макс Эйт сделал вывод о том, что было глубоко скрыто в процессе древнего строительства пирамид. Тем самым он мог в то же время указать, что наша культура, в сущности, имеет двойкий источник: источником была также и древность, когда люди культивировали иную науку, нежели позднее, науку в большей степени связанную с атавистическим ясновидением, науку, которая потом исчезла, но в наше время должна быть обретена снова.

Но у Макса Эйта можно найти и другое, то, что выглядит неприметно, но имеет чрезвычайное значение. В его сборнике рассказов «За плугом и тискаами» есть одно произведение, в котором, я бы сказал, выступает загадка жизни, загадка судьбы. Там описан техник, инженер-мостостроитель. Великолепно описаны его способности, его умение строить мосты. Только вот есть в нём нечто; то ли гениальное, то ли легкомысленное, опрометчивое. Итак, он строит мост, и это великолепно описано. И вот он находится в поезде, который идет через этот мост. Но при строительстве моста он допустил ошибку, кое-что недосмотрел. И когда поезд, в котором он сам находится, идёт по мосту, мост обваливается, и мостостроитель при этом погибает. Это грандиозный кармический вопрос: ответа на него не дают, но сам вопрос поставлен. Видно, как современный человек подступает к великому кармическому вопросу, великому вопросу судьбы. Мы имеем дело с человеком, который блестяще действует в своей профессии и который, из-за этой своей профессии, в относительно раннем возрасте погибает. Погибает в результате своего собственного труда. Я мог бы сказать: это произведение встает подобно великому вопросу. Именно на такие вопросы ищет ответ духовная наука. Конечно, такие вещи проявляются в самых разнообразных жизненных вариациях. Ведь мы описывали случай, при котором исполнение кармы происходит с большой скоростью, с большим ускорением. Допустим, – это, конечно, только гипотеза, поскольку, если нечто такое происходит, то

это делает карма, – допустим гипотетически, что могло бы произойти в другом случае: тот самый человек оказался бы не в железнодорожном составе, идущем по мосту, а сидел бы себе дома у печки. Его, возможно, посадили бы на пару лет в тюрьму, но ничего большего с ним бы, в этой жизни между рождением и смертью, не произошло. Но что произошло бы потом?

Видите ли, в этом заключается самое значительное: то, что к карме этого человека была бы примешана смерть других людей, которая была причинена им в результате его труда, при любых условиях должно было бы быть внесено в его карму. То, что не выполнилось здесь, должно было бы потом вторгнуться в жизнь между смертью и новым рождением. Это испытание должно было с необходимостью наступить. Но такое испытание, такой опыт, мог бы быть, можно сказать, ускорен, как в случае, описанном Максом Эйтом, но мог и отодвинуться на более длительное время. Самые важные вопросы судьбы возникают в процессе непосредственной жизни в пятой послеатлантической эпохе в результате того, что, наблюдая условия жизни этой эпохи, отдельные люди увидят, что загадки жизни преподносятся уже иным, новым образом, таким, которым они в более ранние времена не преподносились.

Вот почему, наблюдая за людьми, одаренными действительно светлым рассудком, можно заметить, что сегодня они, занимаясь искусством, испытывают иные сложности жизни, нежели те, что приходилось испытывать в более раннее время; как часто именно те люди, которым довелось испытать характерные затруднения в жизни, имеют сегодня практические профессии. Книги Макса Эйта в этом отношении весьма поучительны, во-первых, поскольку он является действительно крупным, талантливым поэтом, и, во-вторых, поскольку он, как вполне современный человек, творит в соответствие с потребностями современной жизни. Интересно то, – позвольте мне заметить это в скобках, – что люди, читавшие Макса Эйта, благодаря этому внешнему чтению могут узнать о том, что было бы важно знать теософам, например, о некоторых вещах из жизни первого президента Теософского Общества, Олькотта. Об этом, хотя и в немного приукрашенном виде, можно кое-что найти именно у Эйта, который был в Америке в то время, когда Олькотт нёс там всевозможный вздор. Короче, даже социальная карма может выражаться через того, кто решается немного ознакомиться с этим современным мыслящим умом. Но в целом исключительная особенность заключается в том, что порой

даже натуры, не отличающиеся гениальностью, – Эйт был гениальным человеком, – те, кто формировал эту пятую послеатлантическую эпоху с её образом жизни, механизмом жизни, благодаря особому складу своего рассудка с особой ясностью видели сложности этой современной жизни.

Так, например, я и другие знают одного современного юриста, – он был юристом ещё в молодые годы, – став юристом, он был светлой головой, хотя у него в юриспруденции не было звучных достижений: он рассматривал дела непредвзято, во всей совокупности; благодаря своим талантам он нравился начальству, – так во всяком случае говорили, – нравился не потому, что был светлой головой, а потому, что был им нужен. Ведь он был хорошим, расторопным работником. И вот он, – поскольку он был профессионально пригодным судопроизводителем, ассессором, – пришёл в министерство. В министерстве он тоже проявил себя как отличный работник, однако такой, который ни на что не закрывал глаза. И вот он получает однажды сверху ответственное поручение. Он должен был сделать реферат по вопросам школы и воспитания. При этом он получил указание составить реферат таким образом, чтобы можно было перейти к более либеральной системе. Это ему очень понравилось, и, поскольку он был светлой головой и знал обстоятельства дела, он написал очень хороший реферат, настоящий план реформирования, план либерализации некоторых школьных принципов на современный лад. Но во время работы над рефератом случилось так, что курс сменился, и теперь потребовался реакционный реферат. Начальник сказал ему: реферат отличный, и Вы столь же отлично можете написать реакционный реферат. Можете ли Вы немедленно сделать мне этот реакционный реферат? Он ответил: Нет, не могу! – Что? Как так нет? – Нет, потому что это соответствует моим убеждениям! – Что? Так вот, значит, какие у Вас убеждения!? – Начальник очень разозлился, поняв, что использовать этого человека он не сможет; человек этот не просто усерден, но имеет ещё убеждения, которые никому не нужны!

Но ведь он отличный юрист, отличный работник. Что же тут делать? Он был пригоден повсюду, знали, что он прилежный юрист. Что ж, попытаемся повесить его! Такого пригодного человека надо попытаться удовлетворить. Надо обтяпать это дело окружным путём, – как принято говорить, – и вот однажды, – я полагаю, что это произошло за игрой в кегли, – этот человек как бы случайно встречает театрального секретаря. И театральный секретарь рассказывает ему: в

большом театре есть вакантное место театрального директора! – Ну, он, будучи юристом и до сих пор чиновником министерства, не увидел злого умысла в этом сообщении. Но после того, как игра в кегли закончилась, театральный секретарь сказал ему: Не хотите ли сейчас зайти в кафе? Там я мог бы рассказать вам это поподробнее? Не хотели бы вы стать директором театра? В нашем театре нет директора. Мы даже не знаем, где найти человека, который при нынешних условиях захотел бы служить. – И тут тот, кто был юристом и был прекрасно знаком с порядком управления, сказал: Да ведь каждый обязан служить. Он обязан быть послушным, если же он не будет слушаться, его просто арестуют. – Ну, дело закончилось тем, что ему было предложено занять пост директора театра. Но было одно затруднение. В этом театре была одна знаменитая актриса, и директор театра должен был сперва завоевать её расположение. И вот ему говорят: А сможете ли Вы завоевать благосклонность этой актрисы? – Ну, если дело только за этим! За всю мою жизнь я всего семь раз был в театре, но уж если я решился стать директором театра, я уж как-нибудь смогу добиться расположения этой актрисы. Не скажите ли Вы мне, что из еды она любит? – Собеседник это знал: «Рогалики с маком». Тут он решил ловко сманеврировать. Он сказал: Мы тотчас же едем в кондитерскую и заказываем большую порцию рогаликов с маком. – Они были рано утром доставлены актрисе. После обеда известный нам театральный секретарь заехал к актрисе, чтобы, как говорят, прозондировать почву. Он сказал ей: Этого господина мы хотели бы сделать директором: что думаете Вы об этом? – Он знал, что эта особа весьма влиятельна. Ну, – говорит она, – я об этом господине совершенно ничего не знаю, но до сих пор получала от него одни добродейня. – Дело зашло так далеко, что он смог стать директором театра.

Был там ещё один критик, самый известный критик в городе: надо было одолеть ещё и его. Этот человек всегда писал страшный вздор, но вот в один прекрасный день этот критик переродился, по крайней мере, он если и не писал благожелательно, то и плохого о нём тоже не писал. Этого удалось достичь следующим образом, – я вам не сказки рассказываю, ведь всё это происходило, – я хочу только выделить характерное. Самое высокое начальство этого театра, тот, кто стоял выше директора, не знал, как помочь делу, – не мог же он снова уволить директора, – критик же постоянно безобразничал. Что же он сделал? Он пригласил их обоих, причем ни тот, ни другой друг о друге ничего не знали, и

угостил их хорошим вином. Директор театра мог выпить сколько угодно. Другой же мог выпить, но в меру, он был мельче, чем директор театра. Случилось так, что в одно прекрасное утро, – часов, я думаю, в пять, – директор театра позвонил жене театрального критика и сказал, что должен ей передать нечто важное, то, что он положил под лестницей. Ну, она набросила на себя халат. Тут он приносит ей её господина супруга, в самом, что ни на есть жалком виде, и вручает его ей. И с этого часа дело с критиком пошло на лад. Позднее он, после того, как в качестве директора театра проявил себя, – по мнению этого начальника, – как сумасброд, он снова, получив повышение, занялся юриспруденцией.

Этот человек отлично описал, характеризовал то, что он наблюдал в своей практике; я лишь хочу указать, что именно такие люди, выросшие в гуще современной жизни, могут значительным образом указать на эту современную жизнь.

Ещё интереснее, что похожий человек, – который, однако, был на порядок аристократичнее того, о ком я только что рассказывал, – что-то записывал в течение своей жизни, но незадолго перед смертью написал очень интересную новеллу, настоящее современное произведение искусства. Видите ли, ведь как пишутся в наше время новеллы? Новеллу пишут сегодня в соответствие со вкусами времени: там не должно быть ничего спиритуального, а если и есть нечто спиритуальное, то следует о возможности указать на то, что этой истории можно верить, а можно и не верить: лучше всего считать её всего лишь сказкой. Я беру материал, который указанный писатель взял из современности. Один такой человек из окружения, в котором весьма долго вращался другой человек, которого я перед этим описывал вам, персона советника юстиции, дает довольно в этом отношении много. Изобразить это можно. Можно описать, как он поэтапно проходит по ступеням юриспруденции, как он переживает то, или иное, трудности того или иного сорта. Затем можно, – ведь всё это, разумеется, тоже модерн, – вставить сюда романтическую, любовную историю. Человек, имея перед собой такой материал, может изобразить, как проходит в сопровождении своей матери какая-то экзотическая девушка, как тот самый высокопоставленный чиновник-юрист влюбляется в неё; как из-за разыгравшейся при этом шпионской истории, которой он занимается в качестве судьи, он опять-таки сталкивается с этой девушкой, в которую он влюбился, как вследствие этого он попадает в конфликтную

ситуацию. Можно описать весьма реалистично и то, как он доходит до самоубийства.

Автор этого не сделал, хотя в свою новеллу он вплетает следующую значительную вещь. Он описывает процесс, который внешне протекает почти так, как я только что рассказал вам. Но, кроме того, он описывает и то, как этот чиновник юстиции читает Шопенгауэра, читает других философов, но читает так, что всё это он связывает со своим индивидуальным существом вплоть до нервной системы. Он – трудолюбивый юрист. Что значит для трудолюбивого юриста быть судьёй? Это значит пускаться на всякие ухищрения, чтобы кого-то подвести под статью. Защита, – ну да, – тут он опять должен искать ухищрения для защиты. Итак, он был крайне прилежен и осуждал людей при похожих обстоятельствах, о которых я только что сообщил вам. На заседании суда этот человек странным образом проявил некий демонизм, да к тому же взгляд его, останавливавшийся на присутствующих в зале заседания суда, был незабываемым. Ну, обвиняемый был, само собой разумеется, посажен в тюрьму. В дело была замешана та девушка, в которую этот судья был влюблён. Осуждённый получил двадцать лет каторжной тюрьмы: но он был болен.

В данной новелле судья описан очень хорошо. Однажды ночью, – после того самого заседания суда, которое он, по мнению людей провёл блестяще, он ни разу не вспомнил об осуждённом, – он около двенадцати часов проснулся, – скажем, что это было примерно так, – он находился в состоянии полусна: часа в два в дверь его комнаты, в которой он спал, постучали. Вошёл тот самый осуждённый. – Вы можете себе представить в какую ситуацию попал судья! Но он снова впал в дремоту, а когда проснулся, был уже день. Его охватил очень сильный страх. Он отправился в здание суда; тут он не слышит ничего, кроме имени осуждённого, которое прозвучало, когда он был ещё в пути. Это ужасно пугает его. Он решает снова штудировать акты, велит принести их; но ещё три недели они лежат без дела. Затем он, наконец, узнаёт из одного разговора следующее: в ту самую ночь в два часа осуждённый в каторжной тюрьме скончался. Это произошло в ту самую минуту, – как смог затем установить судья, – когда он посетил его комнату!

Таков запутанный сюжет новеллы. Она называется «Надворный советник Эйзенхарт». Затем он умирает от самоубийства. «Надворный советник Эйзенхарт» Бергера, волне современная новелла, которая показывает, – об этом

свидетельствуют также и описания иного рода, имеющиеся в ней, – показывает, что автор, будучи очень хорошо знаком с самыми различными искушениями нового времени, разобрался в тайнах оккультизма, оккультного бытия; ведь именно с этой точки зрения была столь блестяще написана новелла.

Здесь есть нечто достойное внимания. Бергер – это не тот, кого я описывал перед этим; тем описанием я хотел лишь привести пример человека, который внимательно смотрит на всё и хорошо описывает то, что является самым нервом пятой послеатлантической эпохи. Как его сослуживца мне хотелось привести Бергера, Альфреда Фрейгера фон Бергера, который и написал ту новеллу, замечательную новеллу «Надворный советник Эйзенхарт». Она написана так, что видно: этот человек знает о стремлении нового времени вступить в духовный мир. В течение всей жизни он написал немало, этот самый Альфред Фрейгер фон Бергер. Он опубликовал эту новеллу только тогда, когда достиг такого служебного положения, выше которого подняться ему было уже невозможно. Это произошло тоже, скажем, «случайно» незадолго до его смерти. Это примечательно потому, что современные люди, те, которые, – как это говорят в обыденной жизни, – хотят чего-то достичь, неохотно идут на такие дела, где можно обжечься. Но тем самым нам, в то же время, показана и другая сторона: что стремления современного человека, направленные на то, чтобы проникнуть в тайны бытия, будут возрастать всё больше и больше, ибо тайны эти ставят перед человеком важные загадки.

Если хотят непредвзято рассматривать вопросы, связанные с судьбой, дело будет в том, чтобы прежде всего усвоить себе свободный, непредвзятый взгляд, чтобы попытаться, извините меня за это слово, – не проспать жизнь, но наблюдать за нею, просматривать её.

Видите ли, позвольте мне в символической форме выразить вам то, в чём тут дело: допустим, что здесь у нас есть поток (изображается на рисунке), здесь второй, здесь третий. Жизнь состоит из множества потоков, пересекающихся между собой самым разнообразным способом; это и жизнь отдельного человека, и жизнь групп людей, и даже жизнь земного человечества в целом. Понятия, господствующие сегодня, весьма удобны для того, чтобы перепутать связанные друг с другом нити жизни, ведь очень часто дело обстоит так, что человек направляет взгляд в одну точку, затем тот же взгляд переносит на другой пункт и именно эти два пункта и рассматривает, устанавливает отношение между ними. Если же

рассматривают настоящие факты, то тем самым приобретают светильник, который позволяет осветить ситуацию.

Вы можете спросить меня; да, но как это сделать? – Видите ли, именно об этом идёт речь. Если вы правильным образом занимаетесь духовной наукой, то посредством имажинации вы открываете в жизни такие пункты, которые надо рассматривать вместе для того, чтобы жизнь раскрылась перед вами. В ином случае вам придётся расследовать жизнь, рассматривая одно событие за другим, не имея возможности разобраться в жизни. Так поступают современные историки, которые вытягивают нити современности, событие за событием, но ничего в жизни понять не могут, поскольку дело в том, что надо рассматривать мир с помощью симптомов, симптоматически. Будет всё более и более необходимо рассматривать мир симптоматически, что значит рассматривать так, чтобы взгляд был направлен правильно, в те места, куда это нужно; оттуда, от этих мест, связующие линии потянутся к другим вещам. Если речь идёт о конкретном изучении кармы, о рассмотрении человеческой судьбы, – такое изучение крайне запутано, поскольку тут много искушений, – именно тут дело в том, чтобы симптоматически смотреть на вещи.

Такое симптоматическое изучение, при котором исследовались бы те известные оккультные связи современности, на которые я уже направлял ваш взор, держат как можно дальше от людей. Я обращал ваше внимание на то, что от древних учреждений остались некоторые объединения, называющие себя оккультными, а именно – на Западе Европы. В этих оккультных объединениях проводятся исследования человеческого характера для того, чтобы использовать этот человеческий характер в нужном направлении, понимать правильно; там навязываются некоторые средства, позволяющие закрыть доступ к этим познаниям остальному человечеству, чтобы культивировать эти познания в своих стенах, за закрытыми воротами. Самое интересное состоит в том, когда мы разоблачаем связь между устремлениями некоторых современных оккультных обществ и общественными явлениями, если мы указываем на нити, ведущие к этим современным событиям от некоторых оккультных обществ, если мы раскрываем их методы. Ведь о таких обществах известно, что они учитывают характер человека, при этом берут в свои руки известные нити его кармы, направляют и руководят людьми так, что люди об этом не знают. В Теософском Обществе тоже предпринимались такие попытки, но попытки эти носили большей частью дилетантский

характер: там не были столь ловки, как в других оккультных сообществах. Конечно, трудно говорить об этих вещах, особенно сегодня, когда объективные характеристики не только наталкиваются на предубеждение, но и запрещаются на законодательном уровне. Говорит о таких вещах трудно, и даже, в некотором смысле невозможно. И, тем не менее, указывать на это в той или иной форме необходимо. Ведь не может быть, чтобы люди, если они просто живут в своё время, участвуя во всём, что, исходя из кармы эпохи, разыгрывается в подсознании человеческих душ, затем, несмотря на то, что они живут в этих всеобщих потёмках, захотели бы вдруг заниматься духовной наукой, для которой требуется ясный, непредвзятый ум. В некоторых делах правда должна господствовать; по отношению к истине нельзя абстрактным образом лицемерить, поскольку здесь идёт речь о вещах действительно оккультного мира. Речь идёт о том, чтобы по настоящему иметь волю к истине. Но такая воля к истине встречает в настоящее время совершенно особенное сопротивление, потому что у людей постепенно теряется чувство истины. Подумайте хотя бы о том, что сегодня сплошь и рядом в общественной жизни речь идет не о том, чтобы докопаться до истины, но о том, чтобы, высказывая то или иное угодить каким-либо групповым предубеждениям.

Сегодня мы всюду наталкиваемся на темы, говорить о которых нельзя, несмотря на то, что необходим разговор именно на эти темы. Я прошу вас обратить пристальное внимание хотя бы на этот факт, ведь даже по отношению к нему надо внести ясность: что же это такое? Вы могли бы задать мне вопрос: а какое отношение имеют эти вещи к тому вопросу о карме, которым мы теперь занимаемся? – На самом деле они имеют очень большое отношение, и мы ещё попытаемся исследовать кое-что из этих дел, чтобы, наконец подняться к той цели, которую мы себе поставили.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 19 ноября 1916 г.

Теперь моя задача – эпизодически изложить для вас в течение этого времени то, что имеет непосредственное отношение к практической жизни и к внешнему человеческому бытию в целом, чтобы несколько осветить то, что имеет прямое отношение к жизни – именно этим должно обладать духоведение в наше время. К области, имеющей отношение главным образом к внутренней жизни, мы тоже, я надеюсь,

PAGE

ещё подойдём. В целом цель нашего нынешнего рассмотрения – посредством духовнонаучной основы достичь понимания положения человека, каждого отдельного человека в практической жизни, то есть, в том числе, в профессиональной практической жизни. Все лекции, которые я с некоторых пор читаю, мне хотелось бы озаглавить: «О карме профессий». Но для этого необходима широкая основа, так что я должен говорить о многом, что в широком смысле связано с данным вопросом.

Мы уже выяснили, что произведенное человеком для мира в рамках какой-либо профессии нельзя рассматривать как нечто только прозаическое; оно, – как мы это видели – внутренне связано с человеком отдалённого космического будущего. Человек является некоторым образом членом, участником социального порядка жизни. Посредством своей кармы он призван к какой-либо профессии, – ни одна из них не должна рассматриваться как прозаическая или поэтическая, если мы говорим об этом вопросе, – причём мы знаем: то, что он выполняет здесь внутри социума, социального порядка, является первым зачатком того, что имеет значение не только для нашей Земли, но будет развиваться дальше, когда Земля будет проходить стадии Юпитера, Венеры и Вулкана. То, что можно назвать пониманием профессии, познанием непосредственной человеческой жизни, можно поистине обрести в таких рассматриваниях. И самой непосредственной задачей нашего духовнонаучного устремления является не сообщение о какой-либо сенсационной теории, нет, мы должны дать доступ к нашим душам к тому, что поможет каждому занять в жизни правильное место там, где он поставлен, занять место в духе нашего времени, в соответствии с Архаем нашего времени. Вот почему наши истины носят такой характер, который всегда позволял бы, благодаря им, действительно объяснять то, с чем мы встречаемся в жизни. Мы не желаем бредить, порхать во всевозможных произвольных представлениях, нет, мы хотим принимать такие представления, которые ведут нас по жизни.

Если мы вспомним о том, что я уже часто подчёркивал, то увидим, как наши научные устремления приводят к тому, чтобы приблизить к нашим душам то, что в жизни является наиболее значительным. Я уже часто указывал на очень значительное событие в жизни, на факт, который в относительно короткое время мог бы сыграть важнейшую научную роль, если, конечно, те, кто «двигает науку», не поведут себя слишком тупо. В настоящее время, не правда ли,

многokrратно подчёркивают, что человеческая жизнь связана с наследственностью. И педагоги, говоря об определении профессии, говорят, – поскольку они, главным образом как попугаи повторяют болтовню, основанную на естественнонаучном мировоззрении, – они говорят о наследуемых свойствах, которые должен принимать к сведению педагог, желая вынести суждение о том или ином, касающемся ответа на вопрос, какую профессию будет иметь человек, вступающий в жизнь. Сегодня вопросом о наследственности занимаются так, что говорят: дети наследуют некоторые свойства от своих родителей, даже от далёких предков, – при этом сегодня имеют ввиду в большей или меньшей степени физическую наследственность, наследственность, переходящую по физической линии. Представители современной внешней науки не решаются признать повторные земные жизни, признать переход человеческих качеств из более ранней жизни. Говорят о наследственности. Но в вопросе о наследственности правильная точка зрения может быть достигнута только тогда, если в связи с ней будут рассматривать и то, с чем мы можем познакомиться, если поймём содержание небольшой книжицы «Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки». Тогда мы узнаем, что человеческая жизнь протекает так, что первый её отрезок продолжается примерно до седьмого года, до смены зубов, второй отрезок – до четырнадцатого года, третий – до двадцати одного года, затем до двадцати восьми лет и так далее. Точнее об этом вы найдёте в моей маленькой брошюре, которая повторяет содержание моей недавней лекции в Листале, в которой я, уже с другой точки зрения, хотел сообщить истину о разделении человеческого развития между рождением и смертью на семилетние периоды. Мы знаем, что физическое тело формируется – главным образом внутренне – от рождения и до смены зубов, что эфирное тело формируется до наступления половой зрелости, и что затем формируется астральное тело.

Давайте сегодня направим свой взгляд на момент времени между четырнадцатью и шестнадцатью годами; он может быть разным в зависимости от климата, национальности и т. д. В этот момент человек, как мы знаем, становится зрелым, чтобы давать жизнь потомству. Известно, что естественнонаучное учение о наследственности придаёт рассмотрению этого момента огромную важность, поскольку до этого момента человек должен развить все те свойства, которые делают его способным из себя переносить эти свойства на своих потомков;

впоследствии он уже не может развивать эти способности. Итак, в жизни существует важный промежуток, отрезок, в который у человека прекращается способность переносить свои свойства на потомков. Конечно, в известном смысле, свойства, приобретённые позднее, переходят к потомкам; однако естественная наука считает, что человек устроен так, что он с четырнадцатого по шестнадцатый год становится способным передавать по наследству. Итак, нельзя утверждать, что все существенное, выступающее в человеческом развитии после указанного момента, имеет значение в вопросе о передаче по наследству. Следовательно, естественная наука должна выяснить причины, по которым с данного момента у человека прекращает развиваться то, что обуславливает передачу по наследству (основы передачи по наследству). Для животного дело обстоит совершенно иначе, ибо оно в течение всей своей дальнейшей жизни, – после указанного момента, – ничего существенного уже не развивает. Вот на что надо обратить внимание.

Сегодня же мне бы хотелось, не касаясь многого, что надо было бы обсудить в данной теме, сразу же указать на то, что составляет духовнонаучную основу предмета. Обращая внимание на момент рождения, мы имеем теперь долгий предшествующий ему период, который человек проводит в духовном мире между последней смертью и этим рождением. В течение него протекают все те процессы, которые я часто эскизно описывал. Всё, что происходит здесь в период между смертью и новым рождением, оказывает, естественно, воздействие на человека. То, что имеет место между смертью и рождением, прежде всего, соотносится с тем, что вырабатывает человек относительно своей телесности между рождением и четырнадцатым, шестнадцатым годом. Именно то, над чем человек бессознательно усиленно работает здесь, он, между смертью и новым рождением вырабатывает с точки зрения высшего сознания. Итак, уясним себе следующее: здесь, на этой земле, человек с помощью своих глаз, посредством остальных органов чувств рассматривает минеральный, растительный животный и т. д. мир. Его внимание, когда он находится в духовном мире вместе с Ангелами, Архангелами, Архаями, Эксузияями и теми людьми, которые прошли сквозь врата смерти, и которые могли быть ему до некоторой степени близки, – его внимание, когда он смотрит вниз, направлено, главным образом на то, что связано с человеческой жизнью в этом периоде. Исходя отсюда, – как я об этом уже говорил в экзотерических лекциях, – определяется

то, что лежит в основе наследственности (передачи по наследству). Из рассмотрения, приведенного мною на прошлой неделе, мы знаем, что в качестве остатка процесса, происходящего между смертью и новым рождением, в физиогномике, в жестикуляции, в наследственных задатках в целом выступает то, что является результатом прошлой профессиональной жизни. Даже в том, как человек в этот период ходит, двигает руками, как он себя держит, можно увидеть то, что является результатом его профессиональной деятельности в предыдущей инкарнации.

Но затем наступает время от четырнадцатого до двадцать первого года, которое в известном смысле находится в оппозиции к предшествующему времени. В это время, как вы слышали, импульс передачи по наследству уже не может таким же образом действовать дальше, его время уже миновало; миновало время, в которое человек вырабатывал наследственный импульс (имеется в виду, что «наследственный импульс вырабатывается в период до наступления половой зрелости, когда же она наступила, его действие прекращается – прим. перев.). На эти вопросы внешняя наука пока не обращает внимания. Но она будет вынуждена обратить внимание на это, если не захочет окончательно расстаться с реальностью. Это в то же время момент, когда человек благодаря неопределённо, бессознательно действующим импульсам приводится к своей новой профессии; процессы, лежащие между смертью и новым рождением задействованы при этом гораздо меньше, тогда как гораздо больше задействованы импульсы из прошлой инкарнации. Совершенно особую активность проявляют в этот период импульсы предшествующей инкарнации. Человек считает, и другие тоже считают, что только внешние обстоятельства играют роль при развитии отношений, приводящих человека к той или иной профессии. Однако эти внешние обстоятельства в действительности связаны на подсознательном уровне с тем, что живёт в нашей человеческой душе, будучи теперь непосредственным проявлением обстоятельств предшествующей инкарнации. Заметьте разницу: в предшествующий период с семи до четырнадцати лет прежняя инкарнация, будучи оплодотворённой тем, что происходит между смертью и новым рождением, вступает в нашу телесную организацию и делает нас отображением прежней профессии. В следующий период эти импульсы больше не действуют в нас, не определяют наши жесты, но ведут нас по пути к новой профессии.

Вы видите отсюда, сколь бесконечно плодотворные мысли для педагогики, воспитательного процесса будущего можно было бы получить из этих рассмотрений, если внешняя мировая культура когда-нибудь решится признать повторные земные жизни, а не выдвигать фантастические теории; фантастические по той причине, что они не считаются с действительностью, учитывают лишь то, что не является действительностью или является лишь одной частью этой действительности, то есть, учитывая жизнь между рождением и смертью. В открывающейся перспективе особую важность имеет то, чтобы духовная наука распространилась в тех кругах, которые имеют дело с обучением, развитием человека, которые оказывают влияние на внешнее социальное устройство, социальный порядок. Конечно, мы имеем в виду отдалённую перспективу, однако это перспектива, связанная с реальностью: ведь в мировом развитии царит не хаос, но порядок – может быть и беспорядок – но в любом случае царит то, что может быть объяснено только на основе духовной жизни. Знающий законы, связанные с повторными земными жизнями, может совершенно иным образом – как говорится, в советах и поступках – противостоять жизни, обсуждать или выносить на обсуждение вопросы, связанные с течением жизни.

Вспомните о том, что в некотором смысле все на этом свете протекает циклически. Мы знаем о великих циклах послееатлантической эпохи: древне-индийском, древнеперсидском, халдео-египетском, греко-латинском, нашем цикле, и о том, который последует за ним. Человеческие души перевоплощаются во всех этих циклах неоднократно; иногда перевоплощаются хотя бы один раз. Однако жизнь на земле протекает циклически не только в столь широком эпохальном смысле; её цикличность такова, что можно установить некоторые соотношения, если правильно оценивать соотношения более ранние. Если кто-либо может вынести правильное суждение о том, какого рода духовная активность проявлялась в первые столетия развития христианства, скажем, с третьего столетия по седьмое, тот, кто знает об этих духовных импульсах, то может судить и о том, какие социальные потребности могут быть актуальны в наше время. Развитие происходит циклически. Речь идёт о том, что можно сделать несчастным человека, определённым образом включённого в циклическое развитие, если дать ему совет изменить свой образ жизни, поставить себя в жизни иначе. Поскольку именно в нашем пятом послееатлантическом периоде

люди должны ставить себя в жизни все более и более сознательно, всё больше и больше должно выступать знание о соответствующих законах. Должно быть возможным, чтобы человек учился рассматривать себя в связи с тем, что разыгрывается или проявляет активность в его окружении. Дело тут не только в том, чтобы научиться предопределять ребенка к правильной профессии, но также и в том, чтобы сам человек мог развивать правильные мысли о своём собственном отношении у миру, независимо от того, какое место в жизни он занимает, – ведь мы знаем, что мысли тоже представляют собой действительность. В будущем будет становиться всё более небезразличным, что думает человек о своей связи с тем, что происходит вокруг него в мире, развиваясь в соответствии с Духом Времени, Архаем. Человеческая душа должна всё больше и больше осознавать это.

Вспомните, как я пытался характеризовать то, какие течения появились в пятом послеатлантическом периоде. Я показал вам, как в западных областях проявилось течение, – если использовать обобщающее, аппроксимирующее выражение – делающее из людей буржуа, как появляется буржуазия в Западной Европе и Америке. Мы отметили контраст этого буржуазного идеала с восточной целью, с тем, что является предварительной целью, поскольку выражается ещё слабо, – ведь культура на Западе более продвинута, – идеал странника, богомольца. Оба эти идеала, – идеал буржуа и идеал богомольца, паломника противостоят друг другу; без понимания, какое значение это имеет для жизни, вообще невозможно обрести едва тлеющее в нас понимание жизни. Предстоять перед жизнью, не понимая её, могли люди прошлых столетий и тысячелетий, поскольку их направляли божественно-духовные власти. Чем больше люди развиваются по направлению к будущему, тем в большей степени должны они предстоять перед жизнью с пониманием.

Видите ли, те вещи, о которых я сообщил вам как о двух потоках, из которых один относится к наследственности, а другой к спасению, эти вещи, эти соотношения надо основательно рассматривать, если хотят вынести суждение о современности, ведь они говорят сами за себя. Это не только моё утверждение, что вещи говорят сами за себя, – это находит своё выражение в современной реальности; люди, если они не спят и не глухи, но принимают активное участие в жизни, тоже чувствуют и до некоторой степени знают это. Я уже указывал вам на то, в чём состоит своеобразие нашего времени. В наше время есть много людей, которые ощущают вещи,

проявляющиеся в жизни, хотя не имеют возможности – вспомните, что я говорит относительно Жореса (Jaures), – подняться к пониманию повторных земных жизней и кармы, ни отдельной индивидуальной кармы, ни мировой кармы, и потому не видят, как соблюдать её. Однако на новом этапе развития мы повсеместно обнаруживаем людей, которые не закрывают глаза на происходящее, несмотря на то, что они не в состоянии развиться до такой ступени, когда они могли бы объяснить происходящее с точки зрения повторных земных жизней, несмотря даже на то, что они сами, – не будучи в состоянии принять повторные земные жизни – немало содействуют тем вещам, которые они остро критикуют. Особенность современных людей, даже наиболее проницательных среди них, состоит вот в чём: они критикуют то, что существует сегодня, но сами содействуют осуществлению того, что они вполне правомерно осуждают. Так бессознательные импульсы вторгаются в человеческую жизнь.

Возьмём, например, человека, который действительно много, чрезвычайно многое ясно видел, ясно видел происходящее в окружающей жизни, в своём окружении. Таким человеком был Джон Стюарт Милль, родившийся в 1806 году и умерший в 1873г. Он был знаменитым английским философом, которого многие современные люди рассматривают как создателя новой логики, развившего логику дальше, человека, который развивал также социальные воззрения в самом широком объёме. Он направлял свой взор на социальное развитие того мира, который окружал его. Он хотел ответить на вопрос: куда направлена современность, куда направляется то, что определяет социальный характер жизни 19-го столетия? – И он говорил: То, что формируется как тип человека 19-го столетия – это буржуй, буржуа. Чем же, как считает Джон Стюарт Милль, отличается буржуа от более ранних типов человека, сформированных в ходе времён? – Он задаёт этот вопрос и он же на него отвечает: Буржуа отличается тем, что в более раннее время индивидуальность человека ценилась выше. Через более раннего человека говорила, – я не хочу облекать это в наши представления, хотя Джон Стюарт Милль, говоря по-своему, говорит то же самое, что и мы: через человека более раннего больше говорило индивидуальное начало, индивидуальность, говорила некоторая самостоятельно выработанная приподнятость души над непосредственной, внешней физической действительностью. Тип буржуа работает над нивелированием,

над равенством всех людей в социальном порядке. Что же, однако, – спрашивает Джон Стюарт Милль, – выявляется в этом равенстве? Не равенство в величии человеческой души выявляется, но равенство в ничтожестве человеческой души, – как считает Джон Стюарт Милль. Так рисует Джон Стюарт Милль человеческое будущее в этой пятой послеатлантической эпохе, он говорит о ней так: люди в их совместной жизни будут всё больше и больше становиться «наштемпелёванными, наштампованными икринками», – это его выражение – буржуазных ничтожеств. Он ощущает весь трагизм познанного.

Но в зависимости от того, откуда происходит человек, из западной или из восточной культуры, он по-разному ощущает такие вещи. Русский мыслитель Герцен наверняка был знаком с этими положениями, этими тезисами Джона Стюарта Милля. На его душу они произвели совершенно иное впечатление. Западный мыслитель с некоторым пренебрежением описывает эту перспективу буржуазного бытия; восточный мыслитель Герцен страшно переживает от того, что Европа, – как это тогда утверждали оба, и Джон Стюарт Милль, и Герцен, – пошла по пути христианства. Ведь и Милль, и Герцен, – вы можете извлечь это из появившегося в 1864 году сочинения Герцена, – один с восточной, другой с западной окраской, рассматривали то, что до тех пор происходило в христианстве, как древнюю, уже достигнутую ступень по отношению к тому, куда направлялась Европа: к некоему новому христианству, христианству поздней ступени, на которой люди становились «наштампованной, штемпелёванной икрой» буржуазных ничтожеств. Наступает редуцирование, сужение понимания, говорит Джон Стюарт Милль, сужение понимания, уменьшение жизненной энергии. Притупление личности, всё то, что должно привести к нивелированию. Неизменное, – по его выражению, – уплощение жизни, постоянное исключение из жизни общечеловеческих интересов, – так говорит Джон Стюарт Милль. И то же самое, только из души, переживающей трагедию, говорит Герцен: сужение интересов до торговых контор и буржуазного благополучия. Так говорят Джон Стюарт Милль и Герцен еще в шестидесятых годах! Джон Стюарт Милль, имея в виду, прежде всего, свою страну, говорит: «Англия на пути к тому, чтобы стать современным Китаем». – А Герцен говорит: «Не только Англия, но и вся Европа на пути к тому, чтобы стать современным Китаем». Из книги Герцена от 1864 года можно видеть, что тогда Герцен в полном согласии с Миллем говорил: Если в Европе не наступит неожиданного подъёма, который приведет к возрождению

человеческой индивидуальности и даст ей силу преодолеть буржуазию, то, несмотря на своих благородных предшественников и своё христианство, Европа станет Китаем! Эти слова сказаны в 1864 году!

Однако у Герцена не было возможности принимать во внимание карму и повторные земные жизни. Поэтому он мог воспринимать такие познания с глубоким трагизмом. Он говорил: «Мы не врачи своего времени, мы лишь страдальцы своего времени, ибо приближается, приходит «conglomerated mediocrity» – быть может с помощью английского термина, которым пользовались тогда и Джон Стюарт Милль, и Герцен, это можно выразить лучше, чем с помощью немецкого. С глубоким трагизмом высказывает это Герцен: в Европе наступает время, когда реализм современного естественнонаучного мировоззрения зайдёт так далеко, что никто уже не станет серьёзно верить в то, что принадлежит к другому, сверхчувственному миру, когда будут говорить о том, что цель, к которой надо стремиться, есть лишь внешняя физическая реальность, где человеком будут жертвовать ради физической реальности, не видя в перспективе, что человек, которым пожертвовали, представляет собой еще и нечто иное, нежели просто мост для тех, кто последует за ним. Отдельный человек будет принесен в жертву грядущему всеобщему полицейскому произволу. – Вот какие слова были произнесены тогда. Только одно, как полагает Герцен, препятствует Европе быстро стать Китаем, – это христианство, которое не удастся преодолеть сразу. – Тем не менее, он не видит перспектив, ибо христианство он находит уплощённым, опошленным до уровня революции, а революцию, как он говорит, – опошленной до буржуазного либерализма 19-го века, до “conglomerated mediocrity” (скопления посредственностей). Учитывая сказанное Джоном Стюартом Миллем, Герцен, памятуя о падении Древнего Рима, говорит: я предвижу неизбежное крушение старой Европы; пред вратами старого света – он подразумевает Европу – стоит не Катилина, стоит смерть.

Не без известной справедливости, хотя и как один из тех, кто, видя происходящее в современности, не может решиться принять основные представления и идеи духовной науки, – не без известной справедливости, скажем, современный русский писатель Мережковский, который учился именно у Милля и Герцена, замечает: в наше время на место скипетра становится аршин, на место Библии – бухгалтерская книга, на место алтаря – прилавок. Однако ошибается тот, кто только критикует: ведь в нашу пятую послеатлантическую эпоху и

«аршин» и конторская книга, и прилавок играют немаловажную роль: мы знаем, что так и должно быть, что это соответствует неизбежной мировой карме. И речь не о том, чтобы подвергать эти вещи осуждению, а о том, чтобы влить дух и в этот «аршин», и в эту бухгалтерскую книгу, и в этот прилавок, – тот дух, который не спасует перед всеми этими вещами, а это дух духовной науки.

Дела обстоят серьёзно, и я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в таких случаях я стараюсь не описывать то, что я должен был бы сказать прямо, а высказываю это, согласно высказываниям тех людей, которые бодрствовали и открыто смотрели на жизнь. Многие люди имели взгляды и мнения, речь, однако, идёт о том, насколько эти взгляды и мнения соотносятся со своим временем, коренятся ли они на почве своего времени, подтверждаются ли они вещественно. Важен тот факт, что время обладает каким-то определённым характером, который видят те люди, которые хотят видеть: дело не в том, чтобы придать времени желаемый характер, а в том, что следует видеть, как от цикла к циклу продвигается вперед духовная эволюция человечества.

Я обращал внимание на то, что существуют оккультные общества, которые обладают некоторыми познаниями этих вещей благодаря сохранённым древним традициям древнего атаквистического тайного учения. Как вы знаете из прежних сообщений, эти общества именно на Западе приняли весьма мрачный характер; люди с Востока становятся их членами, принадлежат им.

Этот мрачный характер не мешает им, однако, хранить некоторые тайны бытия. Но оберегают они их так, как эти тайны сегодня уже нельзя беречь. Именно тот, кто прислушивается к духовным провозвестиям нашего времени и сообщает широкой общественности ту часть духовной науки, которая может быть сообщена ей сегодня, именно тот наталкивается на совершенно особое сопротивление, исходящее иногда из тех тёмных источников. Само сопротивление это руководится и направляется духовными силами. Тем не менее, это следует учитывать. Вполне понятно, что именно против той духовной науки, которая должна жить в нашем движении, теперь, когда такими вещами легко завладеть, поднимается сопротивление; указывают на то, что в наше время, мол, непозволительно создавать такую науку для широких кругов; призывают всевозможные силы, пользующиеся сегодня успехом, чтобы сделать эту духовную науку недееспособной. Профессора университетов ездят из

одной страны в другую, чтобы объяснить, что они должны выступать против моей духовной науки по той причине, поскольку в нынешнее время – как они говорят – надо смотреть на действительное, а не на то, что отвлекает человека от действительности; они подразумевают ту действительность, которую они сами видят. Подчас немало методов используется в таких атаках. Ведь тот, кто не слеп, видит, как эти люди в соответствии с политической конъюнктурой избирают подходящее место, где можно действовать наилучшим образом, используя своё положение, – например в качестве университетского профессора, – где, как они считают, можно наверняка выбить из седла кого угодно. Если они выбирают подходящее место и подходящие слова, – верные не сами по себе, а подобранные к нынешнему бедственному положению, – они надеются достичь самых отдалённых целей.

Все эти вещи теперь величайшим образом взаимосвязаны. Больше всего пугает, или, можно сказать внушает ужас то, что определённое число людей в настоящее время должны именно знать кое-что о характере жизни в современности. Ведь со стороны тех охарактеризованных оккультных братств проявляется глубочайшая заинтересованность в том, чтобы держать людей в неведении относительно действенных законов жизни, ибо среди таких людей легче всего орудовать. Они не смогли бы действовать, если бы люди начали узнавать о своём положении в современности. Это было бы опасно для тех, кто желает ловить рыбу в мутной воде, кто бережет свою эзотерику для себя и хочет использовать её для того, чтобы посредством социальных отношений сформировать людей по своему усмотрению. Есть сегодня члены оккультных братств, которые в своих оккультных братствах убеждены в том, что вокруг нас повсюду правят духовные силы, что существует связь между живыми и умершими. В кругу своих оккультных братств они говорят ни о чём ином, как о законах духовного мира, часть которых, подлежащая в настоящее время огласке, является содержанием духовной науки. Они говорят об этом, поскольку переняли это из древних атактистических традиций. А затем они пишут в газетах, выступая там против подобных вещей, клеймя их как средневековые суеверия. Зачастую одни и те же люди в своих тайных союзах используют духовную науку как приемлемое, перенятое ими учение, в открытых журналах выступают против неё, называя её средневековым суеверием, наследием мистики и т. п. Ведь когда они придерживаются это знание для себя, они рассматривают его как нечто верное; остальные остаются в дураках и не знают, какими мотивами те

руководствуются. Есть, конечно, и среди заметных членов оккультных союзов такие, которые во всём мире видят не дальше своего носа, они тоже говорят о невозможности открыто сообщать сегодня людям мистериальное содержание.

Есть немало разных средств, чтобы держать людей в тумане; ведь точно так же, – я недавно говорил об этом в моих лекциях в Листале и, кроме того, моих открытых лекциях, – точно также, как истинная духовная наука сообщает нам некоторые идеи и понятия, благодаря которым, мы, как с помощью ключа, находим путь в духовный мир, – точно так же можно найти некоторые понятия, с помощью которых можно одурачить даже ту часть населения, у которой рассудок из-за естественнонаучного мировоззрения ещё не стал настолько плоским, как у тех, о ком говорили Милль и Герцен. Ведь понятия можно формировать вполне определённым образом. Если бы знали о том, как сегодня открыто формируются понятия, которые подготавливают человеческие души правильным образом, то могли бы постепенно ощутить стремление приблизиться к истинной духовной науке, которая честно, правдиво говорит о таких вещах. Сегодня я не хочу обращаться к всевозможным высоким понятиям, которые возвещаются в качестве идеалов человечества, цель которых, однако, состоит не в том, чтобы реализовать среди людей содержание этих идеалов: тут преследуются совсем иные цели. Нет, сегодня я хочу пояснить на простейшем примере, как легко могут быть одурачены люди, желающие удовлетворить свои мистические потребности.

Я хочу выбрать самый, что ни на есть глупый пример. Видите ли, каждый, например, может сказать: ещё древние пифагорейцы рассматривали числа, как нечто такое, в чем содержатся мировые закономерности. Возьмём, например два соотношения чисел. Рассмотрим Николая II из России.

Он родился в.....	1868
Он начал править.....	1894
Время его правления.....	22 года
Его возраст.....	48лет

Сложим эти числа.....	3832
Возьмём половину и получим....	1916

1916 – важнейший военный год. Но ведь это констатируется действительно тайными числовыми связями. Затем возьмём Георга V Английского.

Он родился.....	1865

Начал править.....1910
 Он правил.....6 лет
 Его возраст.....51 год

3832

Половина.....1916

Судьба обоих внутренне совпадает. Здесь вы видите, какую роль в мире играют пифагорейские законы чисел!

Но мы для убедительности можем взять Пуанкаре.

Он родился..... 1860
 Начал править.....1913
 Он правил.....3 года
 Ему..... 56 лет

3832

Половина.....1916

Вы видите, как согласуются числа у трёх союзников!

Само собой разумеется, это глупейший пример, ведь если бы я сейчас спустился, – я этого делать не буду, – и спросил одну из дам, когда она родилась, с каких пор стала членом Антропософского Общества, сколько ей лет, – как уже было сказано, я этого делать не буду, – сколько лет пробыла она в Антропософском Обществе, а затем сложил бы эти числа и разделил пополам, я получил бы то же самое число. Точно то же самое число. Идеальный пример! Для того, чтобы пример обрёл реальность, возьмём какую-нибудь даму или господина, это может быть и господин:

Х.У. допустим, он родился.....1870
 Вступал в Антропософское Общество.....1912
 Пробыл в Антропософском Обществе.....4 года
 Ему.....46 лет

3832

Половина составляет.....1916

Это очень глупый пример, но я могу дать вам гарантию, немало дел, где занимаются подысканием всевозможных числовых тайн, именно на этом они и основаны, ни на чём другом; такие дела имеют скрытые задачи. И с таким же успехом можно соединять понятия, взятые из других областей, и засорять людям глаза: надо лишь избрать верный путь и

отвлечь внимание людей от того, что спрятано позади. Ведь даже на приведённый пример попадутся многие люди. Как значительно то, что судьба избрала 1916; а если бы мы посчитали для 1914 года, то получилось бы то же самое, и тогда начало войны совпало бы для трёх союзников! (Фокус в том, что, уменьшив на два года возраст и годы правления у всех трех союзников, мы получили бы 1914 год – примеч. перев.) Как сопоставляют числа у этих трёх союзников, так могли бы сопоставить любое число. Некоторые вещи, только состряпанные на других понятийных основах, ничуть не значительнее и не умнее; но это менее заметно, если содержание более скрыто. Можно, особенно если использовать выражения «всемирное значение», «неизмеримо глубоко», наплодить всевозможные числовые закономерности, можно собрать страшно много приверженцев и создать видимость, будто бы речь идет из действительных глубин человеческого познания. Но здесь, как и во многом ином, связанным с этим, скрыта методика, которую избирают люди, чтобы пустить пыль в глаза. То тут, то там возвещаются те или иные понятия, при этом говорится то или иное. Причина заключена в некоторых оккультных связях, которые желают чего-то достичь, которые хотят того или иного. Надо только лишь выбрать путь, ведущий к успеху. Чтобы это стало невозможно в будущем, надо, чтобы у некоторого числа людей ум и жизненная энергия не были бы ограничены, заужены, на что указывал Милль, надо, чтобы их жизненная энергия и ум были способны вести за собой, чему способствует духовная наука, оплодотворяющая человеческий ум и жизненную энергию так, что человек ориентируется в жизни так, что его нельзя одурачить.

С такими вещами связано также и то, что существуют опасения, прямо-таки ужас перед тем, что как свет свыше – который долго светил, прежде чем стал явен – выступило с европейского Востока, направляясь на Запад; этим знаменательным фактом, как гром с ясного неба, стало появление такой индивидуальности как Блаватская. Я уже часто указывал на то, что тем самым в ходе 19-го столетия выступило нечто значительное. Оно выступило именно тогда, когда разгорелась злейшая схватка между так называемыми эзотериками и так называемыми прогрессивными оккультистами. Эзотериками называли в этой связи реакционеров. Эзотериками называли себя те, – они использовали для этого это слово, – которые хотели незаконно утаить всё, хотели удержать оккультные тайны для себя. И тут – вот тебе на! – живет эта Блаватская. Вследствие особой

конфигурации этой жизни, существовала опасность, что благодаря Блаватской, той, в ком выходили из подсознания наружу всеобъемлющие, да, именно всеобъемлющие силы, могут быть раскрыты духовные тайны, и люди смогут правильным образом переживать нечто. Существовала такая опасность. Начиная с сороковых годов, с рождения Блаватской, с её детства, этим людям угрожала такая опасность. С того самого времени появилось стремление аранжировать это дело так, чтобы поставить Блаватскую на службу западным оккультным братствам, так, чтобы чрез неё могло проявляться только то, что эти западные оккультные братства считали уместным и угодным для них.

Однако дело приняло необычный оборот. Я рассказывал вам, как вначале была предпринята попытка «зафрахтовать» Блаватскую в «Гран Ориент» и как она затем, – поскольку ей были поставлены невыполнимые условия, и дело не удалось, – натворила бед в одном американском западном братстве, так как её темперамент восставал против того, чего хотели от неё другие. Как затем она была изгнана, но помочь делу смогли только тем, что протянули над ней своего рода завесу оккультного плена (*dass man eine Art okkulten Gefangenschaft ueber sie verhaengt*); затем она была принята в индийское оккультное братство; там культивировали оккультизм, который, – по мнению так называемых западных братств, – был безвредным, поскольку шел с ними по одной линии. Думали: ну что ж, если нечто и выйдет на свет из индийского источника, нашим кругам это особенно повредить не сможет. Большинство тех оккультистов, которые занимались серьёзным оккультизмом, сказали тогда: многое ли сможет выйти наружу, после того как мы облекли, окружили Блаватскую теми образами, которые отрезали её от истинного познания духовного мира! Теперь-то она будет воспринимать только те вещи, которые, – я цитирую, – увлекут лишь собравшихся за чаем «тёток» (презрительная кличка антропософских кликуш и болтунов – примеч. перев.) мужского и женского рода, ну, а нашим кругам это особенно не повредит.

Невыносимыми эти вещи стали только тогда, когда выступило наше течение, которое со всей серьёзностью относится к этим вещам и раскрывает доступ к источникам настоящего духовного мира. Вы видите, что основы конфликта, который возник, заложены глубоко. На самом деле, в Блаватской было нечто от тех импульсов, которые должны были прийти из восточного мира, причём существовала некоторая необходимость своего рода синтеза их с западным

миром. Здесь, однако, речь идёт о том, что в новое время всё в большей степени цели, конечные результаты, – как я вам однажды указывал, – направлены не на истину саму по себе, но – на вышеописанных мною сегодня путях – устремлены порой к совершенно другим целям. Представьте себе; если человек знает, как поэтапно протекает человеческое развитие, эволюция, какой характер должен иметь мир теперь в соответствии со своим Архаем (Началом, Духом Времени), в то время как раньше уместно было развивать то или иное, то такой человек может и действовать соответственно. Если некто владеет, с одной стороны, традиционной оккультной наукой, а с другой стороны, в общедоступной прессе и в общественной жизни выступает против этой оккультной науки как какого-то средневекового суеверия, он может действовать в мутной воде и достигать тем самым немаловажных вещей, к которым-то он, собственно и стремится, поскольку такие вещи в мире взаимосвязаны. Только люди не должны знать, в чём состоят эти взаимосвязи, эти закономерности; у многих людей эти закономерности могут изживаться в подсознании. Но ведь дело-то в том, чтобы – вышеописанным мною вчера способом – суметь направить свой взгляд именно туда, куда следует, в правильное место. Ведь порой нечто кажется незначительным, но это, якобы незначительное, рассмотренное в свете истинных закономерностей, может объяснить гораздо больше, чем то, что считают значительным. В мире со многими вещами дело обстоит так, как говорил Гамлет о добре и зле: ничто не бывает ни злым, ни добрым само по себе, – человек делает его таким в своих мыслях. – Так же обстоит дело и во многом другом. То, или иное, становится значительным не вследствие того, чем оно является непосредственно для внешней майи, для великой иллюзии, нет, вещи в своём значении должны познаваться благодаря тому, что человек соединяет с ними верное, правильное понятие. Я хочу привести вам пример из наиболее страшного для Европы времени, безотносительно к каким-либо партийным или политическим течениям.

В этой Европе могут быть сегодня люди, которые, – поскольку все они сегодня хотят мыслить покороче, – которые считаю, что современный кризис связан с убийством наследника престола, эрцгерцога Франца Фердинанда, – я не говорю, что это ложно, я не говорю, что это неправильно. Исходя отсюда, они могут объяснить некоторые события, которые они прослеживают в обратном порядке до того убийства в июле 1914 года. Но есть и другие люди, которые отмечают, что в одной западной газете за январь 1913 года

стояло, что в ближайшее время для европейского человечества убийство Франца Фердинанда пошло бы на благо. Я полагаю, что мы может вернуться назад, проследить события до действительного убийства; но можно было проследить события, вернуться назад к тому, что уже стояло в той западной газете в январе 1913 года: то, что он будет убит. Можно было бы вернуться также и к убийству Жореса вечером последнего мирного дня; как я указывал, оно, вероятно, так и не будет полностью раскрыто. Но можно также проследить события несколько дальше, указав, что в той же самой газете, которую я только что имел в виду, – она тоже вышла почти в то же время, то есть ещё в 1913 году, – содержалась фраза: «Если отношения в Европе должны привести к войне, то Жорес будет первым, кто найдет свою смерть». Можно также раскрыть известный, так называемый оккультный Альманах, который можно купить за сорок франков, и там, в Альманахе на 1913 год, – он был напечатан в 1912 году, – прочесть фразу: «В Австрии будет править не тот, о ком думают, как о будущем правителе, а совсем молодой человек, относительно которого никто теперь ещё не думает, что он будет править после старого кайзера». Это было напечатано в так называемом оккультном Альманахе на 1913 год, напечатанном осенью 1912 года. И опять-таки в том же самом Альманахе на 1914 год, напечатанном уже в 1913 году, повторяется то же самое замечание, поскольку покушение в 1913 году потерпело неудачу. Во всех таких делах, стоит только осветить их поярче, раскрываются связи между тем, что происходит во внешней действительности, и тем, что готовится на кухне в скрытых, мутных источниках. Стоит узнать, какие нити тянутся из общественной жизни в те или иные братства, станет понятно и то, как глупо ведут себя другие братства, сегодня еще декларирующие мысль о том, что о некоторых мистериальных истинах сегодня надо молчать. Такие люди невиновны, поскольку они как дети, несмотря на то, что многие являются старыми членами, например, тех или иных масонских объединений, которые тоже хотят располагать оккультными источниками, но, тем не менее, способствуют распространению темноты, мрака, который господствует среди людей.

В последнее время я выбирал один пример, – я использовал его в Сент-Галлене и Цюрихе, – об одном особо просветлённом пасторе и профессоре, у которого я обнаружил провалы в мышлении, прерывность, господствующую в нём. Он, несомненно, принадлежит к одному оккультному братству. Однако он относится к тем, кто действуют никак иначе, как

посредством той собственной ограниченности, которую они усвоили в своём оккультном братстве, где их держат в состоянии ограниченности – это входит в задачу вышестоящих в этих оккультных братствах; тем самым оказывается неблагоприятное воздействие. Необходимо, чтобы у людей действительно раскрылись глаза. Но глаза должны сначала научиться видеть, а научиться видеть можно только тогда, если определить, куда смотреть, найти направление взора с помощью того, что сообщается о духовном мире. Всегда надо считаться со свойствами, с которыми в человеческих отношениях редко считаются. Я уже говорил однажды, что и меня пытались усмирить таким образом. В то время, когда Альцион в Теософском Обществе был предназначен к чему-то (объявлен новым Мессией – прим. перев.), меня тоже хотели «назначить». Всё то, что пульсирует в нашем обществе, было бы изгнано из мира, если бы я тогда согласился с тем, что на меня вполне конкретно возлагали: я должен был стать перевоплощённым Иоанном! С известной стороны ставилась задача возвестить: вот это Альцион, а этот – перевоплощённый Иоанн, – и тогда в нашем движении не произошло бы ничего из того, что произошло позднее.

Среди прочих вещей, делающих человек глупым, имеет место тщеславие. Используя его правильным образом можно много достичь, особенно, если к тому же знать методы формирования известных понятий. Вчера я уже упоминал о том, что Теософское Общество делало это только подилетантски: другие делали это более умным, надлежащим образом. Но можно ли сделать что-либо умное, ориентируясь на личность, вокруг которой стоящие вблизи с сожалением вздыхают, если ориентируются, например, на такую личность как Анни Безант, которая сама полна пристрастиями (*die selber voll von Leidenschaften ist*). Достаточно только знать о том, как находившиеся в окружении Анни Безант год за годом вздыхали о том, в какое положение поставила она их всех тем, что стала добычей, подпала ауре одного известного индийского оккультизма. Она при этом проявила ряд достойных внимания свойств, носящих странный, «подпольный» характер, что оказалось неприемлемым для некоторого числа людей в Теософском Обществе. Некоторое число людей, по преимуществу мужчины, с сожалением вздыхали – извините, но это не должно рассматриваться как намёк, – поскольку сами немножко подталкивали Анни Безант на тот путь, по которому она пошла. Но были там и женщины, вздыхавшие с сожалением, поскольку им снова пришлось подчиниться; ведь

они стремились направлять теософию в том смысле, как она направлялось, но направлялась она так, что стала, – только на теософский манер, – “conglomerated mediocrity”, скопищем посредственностей. В духовнонаучную деятельность хотели внести то, что Джон Стюарт Милль называл «скопищем посредственностей».

Мне самому довелось испытать действия посланницы Теософского Общества в одном городе, который относился к тогдашней секции, Генеральным секретарём которой я был. Я прибыл в этот город, чтобы читать лекции, даже был приглашен этой посланницей. Но вышеназванная посланница сказала мне: «От лекций мы постепенно будем воздерживаться, ведь у них нет верной направленности. Надо организовать вечера с чаепитием, приглашать туда людей, чтобы они познакомились за чаем», – она считала: «за бутербродом все делается наилучшим образом! Но вот лекции, – сказала она с пренебрежительной миной, – постепенно будут иметь всё меньшее значение.» – Можно сказать, что эта личность тоже была с некой стороны спеленута в подходящую одёжку, в «правильную оболочку». Было много, много таких, кто действовал в качестве посланников, причём они иногда даже не знали, откуда идут нити, которые они тянут, кто держит нити в руках. Порой это были даже не нити, а тоненькие шнурки, бечевочки. Беда в том, как порой поступает человечество с самыми серьёзными и священными своими делами.

Очень сильно боялись, что Блаватская, останься она вполне здоровой, и вынесла бы на поверхность то, что содержалось в ней подспудно, тогда благодаря её особым задаткам её особенной связи с русским народом это могло бы представлять опасность в политическом отношении. Исключить, погасить то, о чём здесь идет речь, было совершенно особой задачей. Если бы стало значимым, было оценено ещё тогда, в шестидесятых, семидесятых годах (19-го века) то, что жило в Блаватской, некоторые вещи протекали бы совсем по иному, те вещи, которые очень хорошо видели такие люди, как Милль и Герцен. Но именно тогда отдельным ариманическим силам удалось кое-что погасить, выключить. Вы увидите, как это могло отразиться на современном трагическом положении нашей духовной науки. Правильно думать о ней будут те, у кого будет возможность увидеть её значение по отношению к великим задачам нашего пятого послеатлантического периода. Уже сейчас вы можете узнать, насколько наша духовная наука ориентирована исключительно на чисто человеческое начало.

Думаю, что можно узнать и то, в чем состоит различие. Мы тут неоднократно приводили и обсуждали «Фауста» Гёте. Нам ведь не приходится иметь дело с национальными основами, подходя к «Фаусту» раскрывающему оккультные глубины человечества. Судите сами, приходится ли нам иметь дело с национальной основой, пусть даже весьма своеобразной национальной основой, если Гёте, Шиллера и Лессинга называют посредственностями, как теперь это делает Метерлинк, который пишет большие, попадающие в мировую прессу статьи о посредственности Гёте, Шиллера и Лессинга. В газетах это помещают даже сегодня – стоит ли не стоит за этим национализм, национальная основа, я предлагаю решать вам самим! Может быть, стоит нечто даже более глубокое, чем чистый национализм!

Сопоставьте, однако, две вещи. В ходе этих рассмотрений я давал вам указания на то, что один китаец, Ку-Хунг-Минг написал в некотором отношении гениальную книгу; он показывает, что единственным спасением для европейцев было бы обратиться к китаизму, синоизму, так как благодаря этому европейцы были бы в состоянии их бесполезную Великую Хартию Свободы, – как считает Ку-Хунг-Минг, – заменить Великой Хартией Верности, которая могла бы прийти только из синоизма. Ку-Хунг-Минг весьма остроумный мыслитель, он подтверждает то, что уже предчувствовали Милль и Герцен, он подтверждает это, исходя из глубокого знания самого синоизма; этот мыслитель не филолог, не преподаватель, этот мыслитель возник благодаря практической профессии, как и ранее приводимый мною Макс Эйт; он не теолог, не преподаватель, не филолог, он вначале был купцом, торговцем, опробовал многие профессии и узнал жизнь. Ку-Хунг-Минг изображает синоизм, китайскую жизнь. Сегодня можно получить представление благодаря исключительно наглядному описанию, которое дает Ку-хунг-Минг, причём получаешь впечатление: правы были Джон Стюарт Милль и Герцен, – вы только прочтите книгу Герцена от 1864 года, – когда они учение Конфуция и Лаотзы называли последним выводом, который следовало бы сделать, если так называемый позитивистский реализм, преподносимый «скопищем посредственностей», «буржуазных ничтожеств», охватит Европу! Ведь последним выводом из того, что сегодня продуцируется в университетах и потом идет в народ в качестве современного мировоззрения, является синоизм, китаизм, который уже за шестьсот лет до нашей эры подготавливался как следствие из более ранних культурных

слоёв. Ку-Хунг-Мунг ясно показывает, что такое китаизм, китаизация; Милль и Герцен обозначили путь, которым идёт та европейская культура, которая хочет опираться только на внешний позитивистский реализм. С обеих сторон говорится: с одной стороны – что Европа охвачена китаизацией, с другой стороны, то китаизация есть единственное спасение Европы.

Может быть, есть ещё и третья сторона, и я в завершение смею поставить сегодня этот вопрос: как бы обстояло дело, если бы имелась ещё одна сторона, которой было бы очень кстати, что именно китаец даёт сегодня европейцам совет: избрать единственное спасение, которое возможно? Как бы обстояло дело, если бы это не было случайностью, что именно учение Ку-Хунг-Минга оказалось подброшенным в Европу? Может быть это учение, гениальное с точки зрения китаизма, вполне подходит тем людям, которые запутываются в нём, которые принимают его без ясного понимания, – его могла бы пробудить у них духовная наука, – и которое ведет их именно туда, куда их хотят завести, то есть к китаизации? Как уже правильно поняли Джон Стюарт Милль и Герцен, курс предписали парусу известные оккультные братства и направлен он в сторону китаизации. Ведь китаизированной Европе проще всего навязать то, чего хотят эти братства! Почему бы не по воле этих братств именно китаец дает совет европейцам прислушаться ко всем прелестям, которые могут прийти с этой китаизацией? Почему было бы нельзя ожидать, что именно так называемые просветлённые будут увлечены тем, что советует китаец, после того как в самой Европе не от кого получить совет?

После того, как я сказал вам о том, сколь значительна китайская книга, я чувствую себя обязанным с точки зрения развиваемой на основе духовной науки обратить ваше внимание на следующее. Такие явления, как эта книга, или даже книги Ку-Хунг-Минга, – их уже появилось две, – надо исследовать, причем в любом случае надо знать, что за ними скрыты далеко идущие намерения. Неправ был бы тот, кто не познакомился бы с ними, но неправ был бы и тот, кто пошел бы у них на поводу. Но совершенно особую важность имеет то, чтобы тщательно наблюдать за тем, что сегодня выступает в качестве мистики или оккультизма из порой поистине мутных источников. И те, кто примет к сведению то, что я приводил неоднократно, попытаются увидеть эти вещи в правильном свете. Ибо современный мир включен в различные другие потоки, и вопрос в том, найдётся ли у отдельных людей воля, чтобы видеть это ясно и отчётливо. Человек должен уметь

полноценно взвешивать, в чём состоит различие между этим (указанным) и другим духовным течением, власть которых сегодня простирается шире, чем верят и думают, власть, исходящая от известных католических источников, за которыми тоже стоят многочисленные принципы посвящения, даже в том случае, когда те, кто вносит их в мир, сами ходят на привязи. Но мы указываем сейчас на контраст между тем, что может контрастировать: с одной стороны, это Римская церковь, а с другой стороны – оккультные братства. Римская церковь, действующая известным вам образом; те братства, которые, разумеется, до поножовщины борются с Римской церковью, но, с другой стороны, занимаются тем же; эти братства обладают оккультными познаниями и используют их, но перед общественностью клеймят эти познания как средневековые суеверия, чтобы удерживать людей в том русле, где они могут этих людей использовать. Сравните, как они контрастируют с Римской церковью. Примите к сведению такой факт как энциклика от 8 декабря 1864 года, где Римская церковь с кафедры, ex cathedra возвестила анафему свободе совести и свободе культа. Были приведены тезисы, в которые многие верят, а затем прокляты: «Некоторые люди говорят, что у каждого человека есть право на свободу совести и свободу культа; – это делирий, то есть безумие. Следовательно, для Римского престола обсуждение свободы совести и культа есть делирий, есть безумие для правоверных католиков! Таково одно течение. Другое течение находит, что лучше не говорить подобных вещей, тем не менее, охотно делают то, из-за чего в человеческой жизни устраняется и свобода совести, и свобода личных убеждений, и отстаивание личных убеждений. Тут вы тоже имеете дело с двумя контрастирующими движениями, которые весьма значительны в настоящее время, и от которых многое зависит.

Такие рассмотрения, в которых сегодня высказывается то, что я сказал, будут проводиться здесь по той причине, чтобы те, кто стоит внутри нашего духовнонаучного движения, получили внутренний душевный импульс быть не со спящими, но с теми, кто хочет попытаться увидеть жизнь такой, какова она на самом деле.

Человек не становится духовным исследователем, если он принимает духовнонаучные познания и верит в них. Духовным исследователем в правильном смысле слова он станет только тогда, если сделает духовнонаучные истины очевидными для человека, для человека, который обладает волей все, что его окружает, рассматривать с правильной точки зрения,

правильным образом, чтобы выработать суждение о положении, в которое он сам поставлен в мире.

Такие рассмотрения мы будем в дальнейшем продолжать. Так столь необходимый свет будет пролит на то, что относится к повседневной жизни, на непосредственную жизнь человека, на непосредственную карму профессий.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 25 ноября 1916г.

Рассмотрения, проводимые нами теперь, со всем их глубоким смыслом и значением будут действовать на нас только тогда, если мы воспримем их не только теоретически, – ведь они в высшем смысле являются жизненными истинами, – если мы извлечём из них следствия, сделаем выводы на уровне ощущения, на эмоциональном уровне, благодаря чему получим возможность смотреть на жизнь иначе, чем смотрят на неё обычно, не будучи подготовлены к рассмотрению жизни посредством антропософского мировоззрения. В некотором смысле мы, благодаря духовной науке должны стать более дальновидными по отношению к пониманию истин жизни. В нашем нынешнем контексте это означает: мы должны учиться сравнивать характер истинной действительности, как она выступает навстречу нам в жизни, с односторонним представлением об истине, которому так часто поддаются люди. Человек слишком легко приходит в жизни к тому, чтобы формировать себе мнение о том или ином, причём не только в повседневной жизни, но и в высших вопросах. И если он сформировал себе такое мнение, или, как часто говорят, избрал точку зрения, тогда он, как скала, прочно стоит на этом мнении, на этой точке зрения, не вспоминая при этом о том, что в мире вещи можно рассматривать с самых что ни на есть разных точек зрения, разных позиций, и что истину можно достичь только тогда, когда действительно чувствуют, ощущают, что любое дело, любой факт может быть рассмотрен с разных сторон, с многих точек зрения. В качестве примера, в качестве своего рода иллюстрации того, что я имею в виду, я хотел бы, прежде всего, рассказать вам о жизненном пути одного человека. Мы имеем теперь дело с тем, что мы называем кармой, что мы называем прохождением человека через повторные земные жизни. Мы имеем дело с судьбой человека. Эта судьба находит своё выражение в жизненном пути человека. Поэтому мы можем на примере одного жизненного пути, одной жизни, научиться очень многому, если

будем рассматривать её правильно, в свете повторных земных жизней.

Мы займёмся человеком, который родился в 16-м столетии. Поскольку нам следует обратить внимание на то, на что сегодня особенно охотно обращают внимание, на унаследованные качества, мы сначала рассмотрим его отца. Отец этого человека, который родился в 16-м веке, был поистине многосторонним человеком, хотя и чрезвычайно упрямым, своенравным, который во внешней жизни усвоил некоторую едкость. Он хорошо знал музыку, играл на лютне и других струнных инструментах, был настоящим знатоком геометрии и математики, а во внешней профессиональной жизни занимался торговлей. То, что он во внешней жизни усвоил некоторую едкость, я могу показать вам на следующем примере: у этого отца был учитель музыки, который тогда, в 16-м веке, был очень уважаемым человеком. Так вот, отец, который был учеником этого человека, написал книгу о музыке. Но она не понравилась учителю, и учитель в другой книге выступил против этой книги о музыке. Этот человек, (отец), был действительно рассержен и написал ещё одну книгу, в которой он со всей возможной язвительностью, на которую был способен, чего только не написал о старомодных взглядах своего учителя музыки. Затем он посвятил эту книгу своему учителю музыки и в этом посвящении выразился так: «Поскольку Вы наглым образом изволили придирааться ко мне, я желаю предоставить Вам возможность ощущать это удовольствие как можно чаще, ведь оно приятно Вам; вот почему я посвящаю Вам эту книгу». Сыном этого человека и был тот, чей жизненный путь я, в несколько замаскированном виде, хотел бы описать вам.

Сначала сын проходил греко-латинское обучение в Италии, что было принято тогда, причем у одного очень известного, прославленного учителя, так как отец считал, что сын должен получить приличное образование. Классическое образование, как было сказано, молодой человек получал у одного монаха. Математику он очень хорошо изучил благодаря отцу.

Кроме того, он изучал черчение, перспективу и тому подобное. Таким образом, он, кто ещё мальчиком имел чрезвычайно сильные механико-математические задатки, стал юношей, во-первых, многосторонним, и, во-вторых, исключительно сведущим в механике и математике. Ещё в юности он изготавливая всякие модели машин, которые использовались в то время. Теперь молодежь строит только воздушные замки; в то время приходилось делать замки иного

рода. Восемнадцатилетним юношей он пришел в университет, изучать, прежде всего, – извините, мы ведь слышали отрывок из «Фауста», – изучать медицину (Фауст у Гёте говорит сначала о философии – примеч. перев.) Однако дело у него пошло иначе, чем у ученика, сцену о котором вы только что видели. Обучаясь медицине, он не был «как во сне» и не говорил «Вот это лучше» (имеется в виду первая часть «Фауста», ученик, говорящий с Мефистофелем). Занятия медициной совсем не нравились ему, он находил, что они происходят бессистемно, что тут просто присоединяют один факт к другому, без того, чтобы найти правильную закономерность между ними. И тогда он обращается к философии. В то время было в обычае у некоторых людей, – и именно такой человек стал учителем юноши, – приниматься за Аристотеля, древнегреческого философа, которого прежде очень уважали. Поэтому наш молодой человек возненавидел и Аристотеля, он не оценил Аристотеля, он поругивал Аристотеля. Отец, хотя и был очень прилежным человеком, но из-за своих качеств не был особо любезен; вот почему он, когда сын проучился два года, не слишком утруждал себя посылкой денег и постарался выхлопотать для сына стипендию. Однако у него ничего не вышло, так что он и дальше должен был поддерживать обучение сына из своих кровно добытых денег.

Пройдя медицинское и философское обучение, сын смог даже до некоторой степени чувствовать себя счастливым; ведь он стал профессором в одном из самых знаменитых университетов своей страны, читал математику и занимался также врачебным искусством, о котором он кое-что знал благодаря университету: он, в сущности, был наиболее любимым преподавателем. Однако именно в этом университете у него земля начала слегка гореть под ногами. Это произошло потому, что в государстве, где он был университетским преподавателем, появилась книга, содержащая один общественный проект из области механики, а написал эту книгу один высокопоставленный господин; он, хотя и не был умён, занимал высокое место, поскольку был сыном князя-правителя этой области, этого государства. Наш относительно молодой профессор смог без труда доказать несостоятельность проекта. Тем самым он нажил себе врагов, и несмотря на то, что ему уже удалось обратить на себя внимание своей деятельностью, дело пошло так, что в этом государстве, в этом университете молодой профессор уже не чувствовал себя слишком хорошо. Обстоятельства помогли ему перейти в другой университет государства с республиканским

устройством. В этом университете он снова был замечен, имел много учеников, и, – что в то время было ещё само собой разумеющимся, – много частных уроков, так что он хорошо зарабатывал. Кое-какие деньги тогда ему были нужны, так как отец его к тому времени умер, и он должен был поддерживать мать и сестер с братьями. Для ещё более близкой его характеристики, чтобы мы могли ещё более точно заглянуть в карму этого человека, я расскажу вам кое-что ещё. Это достоверное событие, так как рассказано оно современниками, которым он сам об этом рассказал. К этому событию могли добавить всякие филологические мелочи, но оно истинно. Когда он уже находился в университете республики, ему однажды приснился сон. Во сне он увидел, как он идёт по горящим углям и золе. Он узнал, что эти горящие угли и зола, по которым он сейчас ступает, должны были остаться от пожара Собора в том городе, где он был до этого профессором. Он рассказал про этот сон и описал его во многих письмах. Впоследствии выяснилось, что действительно в ту самую ночь, когда ему приснился этот сон, – а он был тогда далеко от города, где он жил раньше, – Собор сгорел.

Он имел большой успех, даже сделал одно незначительное научное открытие, которое отчасти, – это тогда уже входило в обычай, да и теперь не вполне вышло из моды, – присвоили себе другие, даже на сказав ему спасибо. Он стал до известной степени состоятельным человеком, но, по его понятиям, недостаточно состоятельным, из-за чего ему приходилось прямо-таки мучиться. Он был вынужден давать много уроков. Благодаря им он кое-что зарабатывал, но работать приходилось очень много. Итальянские современники, – причем такие, кто почитал традиции, – очень интересно рассказывают нам о нём, что он был человеком, у которого мозг был на первом плане, который поэтому, – я лишь повторяю то, что рассказано, – имел мало возможностей отдаваться импульсам сердца. Поэтому он был умён, но менее способен любить. Вот почему, как рассказывают современники, он не заключал действительного брака, но жил в «диком» (то есть в гражданском) браке с некой Мариной Гамба, имел с ней двух дочерей, которых он отправил в монастырь, и сына, которого он позднее усыновил. Затем, несмотря на то, что ему, будучи в республиканском университете, довелось преподавать во время их юности весьма почитаемым людям, даже, например Густаву Адольфу в юности, тому, который позднее стал королём Швеции, и подобным людям, его дела шли не слишком-то хорошо. Тогда он обратился к эрцгерцогу, тому, кто стал

эрцгерцогом той области, к которой учёный принадлежал по рождению и в университете которой он до этого был. Это произошло уже в 1610 году. На самом деле он хотел обеспечить себе как можно больше свободного времени для исследований и открытий. Это интересно, рассмотреть человека как можно точнее, поскольку он, – я хочу сказать заранее, – был поистине своего рода дитя своего времени. Поэтому мне хотелось бы прочесть неплохой перевод его письма, написанного им, чтобы получить удобное место при дворе этого эрцгерцога. Он пишет своему другу о своей корреспонденции с эрцгерцогом:

«Письмо Вашей милости очень порадовало меня, во-первых, потому, что оно стало для меня свидетельством того, что его светлость эрцгерцог, мой господин, не забыл обо мне; затем, потому, что оно свидетельствовало мне о неизменной благосклонности бесконечно и высоко почитаемого мною высокородного господина Энея Пикколомини, как и о любви Вашей милости, каковая побудила Вас, – поскольку Вы осведомлены о моих интересах, – с таким дружелюбием написать мне об обстоятельствах великой важности; за какую услугу я пребываю в неизбывном долгу перед его высокородием господином Энеасом и перед Вашей милостью и почитаю своим долгом выразить Вам свою бесконечную благодарность, в знак того, сколь почитаю я за благо возможность сообщить господам о моих мыслях и о жизненных обстоятельствах, в которых наиболее желанным для меня было бы, распорядится оставшимися мне годами так, чтобы, если представится случай, высокородный господин Энеас, со своей мудростью и умением мог со всей определённостью дать ответ нашему светлейшему господину, по отношению к высочеству которого я испытываю, помимо почтительной преданности и послушной покорности, – которой обязан ему каждый верный слуга, – особенную приверженность и, если мне будет позволено так выразиться, – любовь (ведь даже сам Господь Бог не требует от нас иного чувства, как любви), что готов отставить в сторону всякий иной интерес и ни в коем случае не изменять мой жребий, если услышу, что угоден его высочеству. Одного этого ответа будет достаточно, чтобы выполнить любое решение относительно моей персоны, какое будет угодно его высочеству. Но если случится, что его высочество, будучи, по слухам исполнен гуманности и доброты, которыми он среди других славится, и будет славиться, пожелает дать мне на его службе любое иное удовлетворение, я не премину сказать, что, после того как я теперь уже двадцать лет, лучшие годы моей жизни, работаю, –

как говорят, – единственно по требованию каждого, раздавая толику таланта, доставшегося мне от Бога и через мои усилия в моей профессии, моей действительной мыслью было бы, иметь в достатке досуг и покой, чтобы я до конца дней своих завершил три больших сочинения, над которыми работаю, чтобы можно было опубликовать их, что, возможно принесло бы некоторую славу, как мне, так и каждому, кто меня поддержит в этом предприятии, посредством которого я, возможно, принесу изучающим профессию великую, всеобщую и долговременную пользу, нежели мог бы я принести, проведя остаток моей жизни иначе. Не думаю, чтобы я мог иметь где-либо досуга больше, чем здесь, поскольку я был бы вынужден содержать свой дом посредством официальной службы преподавателя и частных уроков. В другом городе я делал бы это с меньшей охотой, чем в этом, по различным причинам, перечислять которые было бы затруднительно; мне не хватает свободы, которую я имею здесь вследствие того, что должен по требованию то одного, то другого жертвовать по многу часов в день. Довольствоваться жалованием республики, пусть даже блестящей и щедрой, без общественной службы невозможно, но, чтобы заслужить жалование от общества, надо исполнять службу обществу, причем не одной единственной персоне и, поскольку я в состоянии читать лекции и исполнять службу, никто в республике не может освободить меня от этой обязанности при сохранении дохода. Короче, я не могу надеяться получить от кого бы то ни было подобное благодеяние, кроме как от самодержавных князей, однако после всего, сказанного мною до сих пор, я не хотел бы показаться Вашей милости человеком с несправедливыми претензиями, стремящимся иметь содержание без обязанностей и ответных услуг, ибо не это входит в мои намерения: в качестве ответных услуг я имею различные открытия, даже одно единственное из которых, при встрече моей с великим князем, понравится ему и будет достаточной причиной, чтобы гарантировать мне жизненное содержание, поскольку опыт подсказывает мне, что вещи значительно менее ценные давали изобретателю большие выгоды; по мысли моей я это открытие предложу своему князю и природному господину, нежели кому иному, чтобы положить на его усмотрение и открытие, и то, как удовлетворить изобретателя, и от него, если ему это понравится, получить не только породу, но и руду, ибо я ежедневно открываю нечто новое и мог бы открыть ещё больше, имей я больший досуг и более благоприятные обстоятельства, получив опытных в

искусстве, умелых людей, чью помощь я мог бы использовать в своих опытах. По дальнейшем продолжении моих служебных усилий (то есть общественных и частных лекций), я ощущаю лишь внутренний протест по отношению к положению выставленного на продажу раба, когда я вынужден работать за любую плату для какого-то купца; в то время как служить князю или великому государю, или каждому, зависящему от них, напротив, не внушает мне отвращения, но куда более желанно и достойно стремления. Поскольку Ваша милость хочет кое-что узнать о моих доходах здесь, то я скажу Вам, что моё содержание на службе составляет 520 золотых гульденов, которые в немногие месяцы до моего назначения на новую должность, в чем я уверен, обратятся в такое же количество скуди, которые я большей частью смогу отложить, поскольку получаю поддержку на содержание моего дома, имея ученика и доход от частных лекций, от которых я больше отказываюсь, чем ищу, хотя дают много, ибо свободное время мне требуется бесконечно больше, чем деньги, ведь я знаю, что мне было бы гораздо труднее заработать такую сумму денег, которая могла бы сделать меня уважаемым человеком, чем прославится с помощью моих научных работ».

Этот человек действительно был приглашен ко двору. Ему было только поручено, в случае особенных торжеств и праздников, – о чем распоряжался сам эрцгерцог, – блеснуть, скажем, за границей, читая лекции, но в остальном он должен был лишь получать жалованье, чтение лекций производилось лишь по праздникам; он мог всецело посвятить себя своим исследованиям, и т. д. Какое-то время всё шло хорошо. Даже поэты, родовитые дворяне и принцы воздавали ему почести, устраивали всякие праздники, поскольку считали его великим человеком. Сам он 3 февраля 1613 года читал стихи на карнавале: он представлял собой Юпитера, который сидит на облаке на троне; несмотря на грим и одеяния его можно было узнать. В то время Галилей открыл четыре спутника Юпитера, юпитерианские Луны, которые получили имена четырёх князей династии; так вот четыре князя появлялись в качестве свиты Юпитера.

Но постепенно княжеские милости иссякли; через некоторое время князь прямо-таки предал своего учёного. Клерикалы считали, что его взгляды не совпадают с их взглядами. Он оказался в весьма плачевном положении, так что завершение его жизни было поистине печально. Ему довелось вполне оценить неблагодарность и повороты судьбы, познакомиться с тем, на что способны князья со временем. В

полной мере познакомился он и с ненавистью со стороны тогдашних клерикалов.

Я рассказал вам о жизни одного человека. Можно было рассказать её так, ведь то, что я вам рассказал, – чистая правда. Теперь же мне хотелось бы рассказать вам об этой жизни иначе, некоторым образом с другой точки зрения.

18 февраля 1564 года родился великий Галилей; его отец, Винцент Галилей, был исключительно хорошим знатоком музыки, очень хорошо играл на лютне и других струнных инструментах, занимался геометрией и сначала сам преподавал музыку сыну. Сын учился латинскому и греческому у знаменитых учителей, у одного монаха он получал классическое образование, гуманиора, затем пошел в университет в Пизе и сначала изучал медицину, которая мало устраивала его, перешел к философии, стал противником Аристотеля под влиянием тогдашнего антиаристотелевского течения, и проявил себя настолько гениально, что, как рассказывают, когда он однажды сидел в Соборе в Пизе и увидел качающуюся лампаду, он вывел из этого закон качания маятника, то есть сделал величайшее эпохальное открытие, значение которого сохраняется до сих пор, и сохранится в будущем. Меня со всех сторон пытались убедить, что это, мол, легенда, но, несмотря на то, что многие меня поучают, будто история с качающейся лампой не более, чем легенда, я могу всё снова и снова рассказывать её, потому, что это правда.

Несмотря на то, что он уже в то время наблюдал качающуюся лампу и думал об этом, его отцу не удалось выхлопотать для него стипендию. Затем, после того как он некоторое время занимался геометрией, он стал профессором в университете в Пизе. Там он должен был преподавать математику за шестьдесят скуди в год, и, кроме этого, заниматься медициной. Занимался ли медициной в действительности, мы узнаем из одного письма, которое он тогда написал своему отцу, где он просит его прислать ему древнего медика Галена в качестве ориентирующего направления. Он подверг острой критике одно сочинение, которое в то время опубликовал высокопоставленный, но не сведущий Козимо I. Тогда в Пизе Галилею задали жару, и тогда Венецианская республика, где его сумели оценить выше, чем в родном отечестве, предложила ему преподавать там: в 1592 году он переехал в Падую. Галилео Галилей был профессором в университете в Падуе, прославился как преподаватель математики и т. п., сконструировал солнечные часы по особой системе, усовершенствовал познания в механике; случилось

так, что Джиабаттиста Дони в дошедшем до нашего времени письме написал про сновидение, которое имел Галилей во сне, о котором я вам рассказывал: как он ходит по раскалённым углям и золе. Действительно, тогда сгорел Собор в Пизе, что совпало со сном, который видел Галилей. Галилей описывал это событие в многочисленных письмах к своим современникам. Он изобрёл пропорциональный циркуль, машину для поднятия воды, сделал важные открытия, касающиеся телескопа, термоскопа, барометрических наблюдений и других вещей, но изобретения эти присвоили себе другие люди, тогда как все это восходит к Галилею. Историю о его так называемом браке я не стал бы пересказывать снова, так как она была именно такой, как я вам уже рассказывал прежде. Затем идет то, что было мною рассказано дальше, об этом письме. Он действительно вернулся из Падуи на свою родину, в город отцов, и там дело у него пошло; в качестве Юпитера, восседающего на троне в облаках, он изобразил самого себя, ведь это сам Галилей затеял этот карнавал. Это был он сам, тот, кто дал имена четырём князей из рода Медичи четырём спутникам Юпитера, которым теперь он повелел явиться. То, что клерикалы относились к нему нехорошо, то, что его князь выдал его этим церковникам, известно из истории. Даже если все, сказанное в истории, правда, но то, о чем говорят все люди, что он как будто бы сказал: «А всё-таки она вертится...» – наверняка выдуманно. Я уже часто упоминал об этом.

Так переживаются эти вещи с другой точки зрения. Вы найдёте, что в первый раз я не рассказывал о ложных событиях, но, по всей вероятности, ваши чувства о человеке в первый раз были иными, нежели когда я вам рассказывал эту историю во второй раз. Но это второе чувство, которое вы имеете, наверняка такое же, как и то, которое имеет большинство людей, думая о великом астрономе Галилее. Вы видите отсюда, как в том, что думают многие люди, проявляется неосведомленность, неведение. Ведь даже если люди знают много, то не о (самом) Галилее: они испытывают к нему чувства и думают о нём не благодаря тому, что они о нём знают, нет, они чувствуют и мыслят о нем лишь то, о чем сигнифицирует в истории имя «Галилео Галилей».

Нам следовало бы задуматься: то, что человек творит посредством своего гения, имеет значение для физического мира. То, что он открыл спутники Юпитера, было открытием, исключительно важным для земного развития, но не имело никакого значения для того, что встречается в духовном мире,

для существ высших иерархий. Точно также обстояло дело и с другими открытиями Галилея; эти вещи имеют большое значение для земли. Ведь что я, в сущности, рассказал вам в первый раз? Личная умелость, независимая от того, что Галилей стал для Земли великим человеком, его исключительно личное умение, его профессиональные трудности, его, – как бы получше выразиться, – его лояльность по отношению к князьям, и так далее, не так ли? Итак, сначала я рассказал вам о том, что касалось его повседневного обихода. Но это как раз и есть именно то, что имеет значение, когда он проходит через врата смерти и формируется между смертью и новым рождением, ведь это касается его лично. Такими упражнениями следовало бы заниматься, обсуждая столь важные для жизни вопросы судьбы. Причем, мы должны это делать именно на примерах значительной, выдающейся земной жизни.

Сегодня особо говорят о наследственности, и многие вопросы рассматривают исключительно в связи с вопросом о наследственности. Я привёл вам вначале жизнь Галилея таким образом, чтобы вы могли совершенно непредвзято рассмотреть её в связи с его отцом, поскольку тут мы, возможно, будем иметь ещё один пример того, как следует правильно мылить в вопросе о наследственности. Да, над этим вопросом о наследственности можно размышлять правильным образом лишь в том случае, если привлекать при этом великое учение о повторных земных жизнях. Тогда выясняется, что наследование не только имеет значение, но, более того, значение его очень велико, но имеется также и связь между унаследованными свойствами и тем, что человек, как индивидуальность, приносит из духовного мира в качестве результата своей прошлой земной жизни. Эти факты жизни должен видеть тот, кто хочет решить вопрос: что, собственно, наследуется?

В последний раз я обращал ваше внимание на то, что время полового созревания сегодня ещё почти не рассматривается наукой, в то время как оно должно рассматриваться, если речь идёт о наследовании. До этого момента человек должен все импульсы наследственности нести с собой. То, что приходит позднее, должно быть отнесено к другому временному пункту. В последний раз, восемь дней назад я вам сообщал об этом. Но, что же, в сущности, наследуется? Насколько произвольно теоретизирует в этой области нынешняя наука, обнаруживается из непредвзятого наблюдения следующего факта. Люди всё же говорят об этом факте, но они совершенно

не понимают его. О нём должен знать любой психиатр; каждому, кто в состоянии наблюдать за жизнью, известно, что в одной семье могут быть два сына, и они оба имеют одинаковые наследственные задатки. Давайте, определим у обоих наследственные задатки, которые могут быть совершенно схожи друг с другом: некоторая склонность придумывать понятия, продумывать связи и потом использовать эти понятия во внешней жизни; в то же время должно иметь место то, что в Германии называют «быть бойким», можно также сказать, некое модное позерство, поведение, свойственное торговцам, бизнесменам. Оба сына обладают этим: некоторое самосознание, и на почве самосознания – некоторая смелость делать то, что ему нравится. Это чисто унаследованные свойства. Именно так и надо представлять себе, в общем, унаследованные свойства. Но речь идет о том, кем стали они оба? Как протекала их карма? – Один стал поэтом, поэтом, который сделал немало хорошего, а другой – авантюристом, мошенником. Но ведь унаследованные свойства служили обоим; в первом случае они нашли себе применение в поэтическом искусстве, во второй раз – во всевозможном мошенничестве. Сколько пришло из физической жизни, столько оказалось у обоих одинаковым. Это вещи действительно требуют серьёзного научного изучения, не такого, как изучает их сегодняшняя наука. Хотя люди сами совершенно правильно регистрируют сегодня такие факты, они ничего не могут поделать с ними, поскольку не имеют возможности привести их в связь с великим законом повторных земных жизней.

В отдельных отраслях люди, под влиянием времени, начинали задумываться, какую помощь можно было бы оказать природе, – ведь материалист не скажет: «божественному провидению», – какую помощь можно было бы оказать наследственной линии, потоку наследования, роду. В наше время гениальность некоторых людей направлялась на размышления о том, как в наше печальное время можно помочь подрастающему поколению, потомкам. Но вопрос о том, как помочь подрастающему поколению, смене, для многих отождествляется с вопросом: как помочь людям иметь побольше детей, то есть, как на научной основе создать условия, чтобы потомство было как можно более многочисленным. Сведущий в этих вопросах может предвидеть, что произойдёт. Все эти люди останутся несолоно хлебавши, те, кто сегодня выставляет напоказ свои естественнонаучные теории о возможно лучших условиях для будущего потомства,

ибо эти люди не хотят ничему учиться. Им следовало бы посмотреть, что происходит в том случае, когда уже сложились, существуют благоприятные условия для производства потомства. Ибо, видите ли, хорошо известно об Иоганне Себастиане Бахе, который почти двести лет тому назад был кантором в школе св. Фомы; он много музицировал в кругу своих десяти сыновей-музыкантов. Нельзя сказать, что это была малодетная, неплодоносная семья. Десять музицирующих сыновей имел он, то есть десять сыновей. Но вернёмся назад к прадеду Иоганна Себастиана Баха; он тоже имел сыновей, и сыновей этих было много; на протяжении поколений все эти семьи были почти так же многодетны, как сам Иоганн Себастиан Бах. Итак, в этой семье в высшей степени имело место то, что является благоприятными условиями для продолжения рода, потомства. В 1850 году, сто лет спустя после смерти Иоганна Себастиана Баха, вся эта фамилия вымерла. Не осталось ни одного потомка. Вот тут перед вами то, что следовало бы изучать. Когда люди, каждый на свой манер, выставляют напоказ свои так называемые благоприятные условия, их не стесняет то, что они, возможно, тоже будут иметь семью из десяти человек, но через пятьдесят лет фамилия вымрет.

Об этих вещах мы ещё будем говорить завтра: в чем состоят условия, при которых человечество развивается; и это совсем иные условия, нежели те, которые разрабатывает наше, так сказать, премудрое натурфилософское мировоззрение. Но ведь это натурфилософское мировоззрение есть одно из крыльев материализма. Я говорил вам о том, как те, кто знаком с основами оккультного мировоззрения, знают, что именно в середине 19-го столетия материалистическое мышление, чувство и воля достигли своего, – надо бы сказать низшего, – но материалисты скажут – высшего уровня. Со многим, что связано с этим материалистическим мышлением современности, мы уже знакомы, а со многим ещё познакомимся. Всё снова и снова обнаруживается, что даже самые благонамеренные люди не слишком склонны знакомиться с тем, какие воззрения господствуют относительно воли, как в глубинах, так и на вершинах материалистического импульса. В этом отношении люди действительно не склонны приучить себя к тому, о чем тут часто говорят: смотреть на мир с открытыми глазами. Ведь что произойдёт с миром, если и далее будут развиваться воззрения, которые распространяются со второй половины 19-го столетия по всей Земле? И мы должны в этих лекциях поговорить о

глубоких внутренних причинах того, почему так обстоит дело со всеми этими вещами в нашей современности.

Но наша душа должна хоть однажды представить себе, насколько далеко зашло всё это во многих областях. В этом 19-м столетии выступила воззрение, что истинный ученый не может исповедовать детские, абсурдные взгляды старых религий. То, что хранили древние религии, – а мы ещё будем говорить о том, как они это хранили, – стали рассматривать как инфантилизм. Знаменем просвещённого человека стал отказ от признания души, отказ от признания особого отличия человека от животного. Искали не только физические связи между человеком и животным, но пытались даже показать, что сам человек есть ничто иное, как животное, которое столь же мало отличается от остальных животных, как и другие животные отличаются друг от друга. Люди особенно ориентировались на это при написании не только естественной истории, но и в психологии, учении о душе. Достаточно взять хотя бы то, что исходило от задающих тон людей 19-го века, чтобы найти, какие воззрения, в сущности, принесли эти люди.

Вот передо мной книга; в этой книге представлены, в высшей степени радикальные воззрения 19-го века. Речь идет конкретно о душе, причём о душе человека. В книге пытаются по возможности доказать, что эта душа человека есть нечто такое, говорить о чём в прежнее время и говорить даже теперь могут лишь глупцы. Книга написана в 1865 году, но эти воззрения развивались и дальше, и когда даже сегодня некоторые говорят, что он выше этого, человек не выше этого, просто он еще глубоко погружен в поток общей чувственной и культурной жизни. Речь идёт о человеческой душе, но при этом пытаются по преимуществу показать, что душа животного есть то же самое, что и душа человека. А именно, здесь вы найдёте на странице 185 изящное определение женского и мужского. Женщины, говорит автор, в присущих им свойствах проявляют большую тенденцию к спиритуальности, тогда как мужчины – к материализму. И спиритуализм, как тут представлено, является слабостью женщин! Затем автор находит, что среди психологов некоторые горячие головы ещё говорят о «я». О том «я», которое отличает человека от животного. Но он очень мило заявляет: кошка, например, показывает, что в ней тоже говорит «я». Она имеет точно такое же сознания о «я», – по выражению автора, – как наши путанные психологи сверхчувственного, ибо «я»-сознание кошки совершенно не отличается от «я»-сознания человека. – Затем следует ещё одно место, которое цитируется из другой книги, с которой

автор полностью согласен. Я прочту вам это место, но прошу извинить меня, поскольку там речь в целом не вполне отвечает салонным стандартам. Но это уж не моя вина, это вина философии, сложившейся под этим влиянием; эта такая философия, которая хочет заложить жизненные импульсы для будущего, это философия, которая утверждает, что сегодня только человек имеет достоинство. Там сказано: «Геологи и метафизики нашей эпохи утверждают также, что человек является единственным религиозным животным. Это самое ложное из всех возможных утверждений, это заблуждение подобно ошибке некоторых путешественников, которые из отсутствия организованного культа у известных диких народов, делают вывод, что и религии у них нет. У большей части животных, даже среди моллюсков, можно найти признаки фетишизма и астролатрии»

Итак, у моллюсков и у других животных имеются признаки фетишизма и астролатрии.

«Животные, ближе всего стоящие к человеку, в качестве исповедания имеют настоящее политеистическое человекопочитание. Наша домашняя собака лает на Луну и особенным образом воет на берегу моря; можно при случае увидеть, как он одними только очистительными водами исполняет обычай, помечая свою диспозицию, и выполняет обскурантистские ритуалы. Кто докажет, что среди собак не может быть высших жрецов? Значит ли, что эти бедные животные деградировали, если они лижут руку, которая их бьёт? Не есть ли это проявление религиозной или сверхчувственной идеи? Как можно объяснить без использования профундной антрополатрии – то есть глубочайшего поклонения человеку – добровольное подчинение столь многих животных, гораздо более сильных и подвижных, чем человек? На деле, как часто нам говорят, животное пожирает своего бога» – то есть человека. – «Но, – теперь он цитирует – Страх создал первого бога земли... – и сверх того, разве в различных религиях нет сектантов, пожирающих своего бога?»

Книга, излагающая это мировоззрение, называется «Материализм и спиритуализм» Лебле; но предисловие к ней написал тот, кто написал целый ряд трудов, в 1871 году избран в Национальное собрание и в том же году избран членом в Академии наук; это тот самый Литтре, человек, известный всему миру, это он написал предисловие к этой книге. В этой книге речь идет о человеческой душе, и в ней самым решительным образом выражается то, что сегодня пульсирует, в сущности, в многочисленных душах. Дело тут только в том,

настолько мало склонен человек наблюдать жизнь, если он не видит, о чем, – когда человеческое развитие приводит к страданию и боли, – о чём ведёт речь тот, кто видит эти вещи насквозь.

Я хотел бы предоставить вам далеко не единственный пример, свидетельствующий о наличии материалистического мировоззрения во второй половине 19-го века.

Давайте спросим: разве подобные воззрения не имеют значения для внешней жизни? Разве не проникают они постепенно во внешнюю жизнь? Разве они не строят, не формируют эту внешнюю жизнь? Вчера мне прислали книгу молодого швейцарца Альберта Стеффена, в которой описаны некоторые течения, замеченные автором в наше время, – можно заметить, что он в известной мере проникся импульсом, действующим в нашей духовной науке, и является нашим сочленом, – молодой Стеффен описывает немного, что может пережить человек, испытавший на себе воздействие материализма в социальном устройстве мира.

В этом романе есть одна фигура, его зовут Артур, «истинный любимец судьбы». С определённой целью он описывает кусочек из своей собственной жизни, кусочек своей судьбы. Это отрывок из романа, но в этом отрывке описывается много из того, что пульсирует сегодня в жизни. Итак, этот Артур описывает кусочек своей жизни, из той жизни, которая протекала там, где материализм завладел человечеством и формировал социальные отношения:

«В 21 год я впервые приехал в большой город (не в тот, где я живу теперь), чтобы начать здесь учёбу. В тот же день я отправился на улицу. Шел дождь. Всё было мрачно и грязно. Походка людей, как у одного, так и у другого была торопливой и безразличной. Я сразу же почувствовал внутреннюю опустошенность. Около одной стены с рекламой я остановился посмотреть, где я смог бы привести сегодняшний вечер. Я прочёл аншлаг, приглашавший на антиалкогольное собрание. Какой-то человек с кисточкой и кастрюлей для клея подошел и наклеил на это место этикетку бутылочного пива». Вот истинное знамение нашей эпохи! Плакат антиалкогольной компании, и наклеенная сверху этикетка бутылочного пива.

«Тут я осознал значение настроения, овладевшего мной с той поры, как я находился в этом городе: это была глупость, которую люди пытались исправить.

Справа и слева вдоль по улице стояли инвалиды. Но ни у кого не было времени, подумать о несчастье. Мимо проходили женщины и предлагали себя. Никто не выражал ни сочувствия,

ни негодованья. Мне вдруг показалось удивительным, почему лавочник не выходит из своей лавки, не колотит все подряд и не кричит: А мне это надо? Однако тогда я понял, что люди не отчаиваются только потому, что они уже привыкли, к тому же были пронырливы и вороваты. Они уже прекрасно знали этот переулочок.

Но отчаивался ли я? – Должен признаться, что настроение этого переулочка жадно впитывалось в меня. С ужасающим смертельным томлением я вбирал в себя сознание, что всё погибает. Люди, встречавшиеся мне, несли явные знаки деградации. Из домов струилось разложение. Казалось, даже серое небо из облаков посылало вниз что-то тяжелое, неизбежное.

Это чувство становилось во мне всё сильнее. В таком душевном настроении я почти бессознательно бродил по темным переулочкам. Я заходил во дворы со всевозможными нечистотами. Я заглядывал в окна и видел страшную разруху. Я читал афиши, записки, которые совали мне в руки обманщики и сводницы. Наконец я сел в моторный вагон, который тяжеломерно мчался по улицам. Я закрыл глаза. Грохот сотрясал меня подобно гимну смерти.

Вдруг вагон внезапно остановился. Я перегнулся вниз и услышал несколько слов, звучавших с безразличием. Ребенок, который бегал по улице, попал в колесо, и его вытащили оттуда мертвым. Поездка продолжалась.

С этого момента что-то надломилось во мне. Я мог слышать самое ужасное, что происходило в этом городе; оно уже больше не пугало, не возмущало и не вызывало у меня отвращения. Оно казалось мне совершенно естественным.

Более того, я должен был смеяться над каждым, кто хотел иного.

Могло ли у человека пошевеливаться нечто иное в этой горячке голода, жажды и вожделения?

Мой отец происходил из семьи священника. Он изучал естественные науки и воспринимал их результаты с большим воодушевлением. Они сделали его ясным, точным, щедрым и в истинном смысле слова гуманным. Все свои силы он посвящал исследованию чувственно-воспринимаемого мира. Сверхчувственное не заботило его. Я, по крайней мере, ничего подобного от него не слышал.

Его мировоззрение я усвоил ещё мальчиком, не проверяя при этом, не было ли это мировоззрение односторонним, усвоил так, как восхищённый ребенок принимает истину от отца. Я ещё не обладал ни той, приобретённой по жизни,

твёрдостью характера, ни унаследованной от предков религиозностью, хотя и отвергнутой отцом, но все же коренящейся в его существе. Я не воспользовался этим запасом. Меня в юности не приучали к благочестивым обрядам, которые обогатили и углубили бы мою душу и могли бы и дальше действовать во мне».

Вспомните, как часто я говорил вам, – это я приводил на протяжении лет: первое поколение ещё может ужиться с материализмом, поскольку ещё находится под впечатлением духовности предков; но следующее поколение стало бы деградировать под действием материализма, вырождаться. – Радует то, – если подобные вещи вообще могут радовать, – что это переходит в беллетристику, общедоступную литературу.

«Может быть поэтому» – пишет он дальше, – естественнонаучные познания оказывали на меня иное воздействие, чем на моего отца. Нечто унаследованное препятствовало ему переносить в жизнь то знание, которым он овладел. Но у меня было иначе. Во мне оно однажды перевернуло всю мою волю.

Отцу импонировало, доставляло интеллектуальное удовлетворение, когда он вспоминал, что человек после смерти исчезает и больше не существует. Во мне такое знание, – казавшееся таковым, – вызывало своего рода экстатический порыв к самоуничтожению и, как следствие, бессердечие и преступные наклонности.

В тот вечер я стал опустошённым, бесчувственным, ужасным и не говорил «нет» этим наклонностям».

Недавно я указывал вам, что современный человек ужасен даже в понятиях. Читаем дальше:

«В тот вечер я стал опустошённым, бесчувственным, ужасным и не говорил «нет» этим наклонностям. В последующее время я жил, совершенно не испытывая угрызений совести. И именно поэтому, поскольку то, что я делал, происходило не из порыва, который я не мог преодолеть, но было до некоторой степени проявлением упорства и силы моей воли, мой пример действовал с удвоенной разрушительностью. Я знал об этом. Я был по-настоящему злым».

Он рассказывает, как он и других людей приводил в дурную компанию, в злое общество и так далее. Вы сами можете почитать об этом. Только есть ещё одна маленькая деталь, на которую мне хотелось бы обратить ваше внимание, поскольку она характерна. Это компания знакомых Артура, тех, кто обладал достоинством, и в своём кругу хотел сделать как

лучше, хотел добра. Но Артур ускользает от них, и сидит один за пустым столом.

«Короче, напротив него сидел господин, чьё лицо раздражало его, фраппировало, поскольку удивительно было похоже на его собственное. Он был бледен, тощ, гладко выбрит, с какой-то колдовской стрижкой.

Подошел какой-то уличный торговец, надел своё пенсне, и со скоростью фокусника раскинул колоду открыток сначала перед Артуром, а затем перед тем, чужим, причём смотрел он не на открытки, а в лицо того, кому он совал их под нос, как будто, видя там свои шансы. Артур с отвращением отошёл в сторону. Тот, чужой, однако с интересом разглядывал колоду и выбрал десять открыток, которые он смял и порвал. «Не надо оставлять этих людей без заработка», – сказал он, обращаясь к Артуру. «Конечно, у него есть дубликат колоды, которую я купил. Это самое отвратительное. Но я вижу здесь немало порядочных рабочих, и боюсь, что он станет им это показывать».

«Как только смотрят на все это», – сказал Артур.

«Хотя бы один момент не противьтесь этому угару, который царит тут, и вы увидите, что в вашей душе возникнут образы, и они будут двигаться столь же безобразно, как и те, на почтовых открытках. Наши увеселительные места подобны аду. Перед уходом надо испытать свои чувства: дым, чад, проститутки. Ничего благородного отсюда не вынесешь»

«Почему же вы оказались в таком опасном месте?», – спросил Артур.

«Потому что я считаю за правило, что каждый, кто здесь находится, противен, отвратителен самому себе. Мысль о необходимости отвращения в наше время посетила меня несколько дней назад на выставке древнегреческих ваз. Греки не нуждались в отвращении, чтобы постичь прекрасное. Они изначально жили в нём. Но мы нуждаемся в нём, если хотим жить полноценной жизнью, чтобы правильно оценивать мир, чтобы иметь присутствие духа, чтобы защищать в себе Бога. У греков было иначе: отдаваясь жизни, они тем самым выполняли законы духа. Не было необходимости постоянно оборонять и защищать самого себя. Труд человека повсюду создавал прекрасное: здания, искусство, нравственность, утварь, вплоть до мелочей. Мы же становимся отвратительны из-за всего, что нас окружает: улицы, плакаты, кинематограф, опереточная музыка, все это опустошает нас, всё разрушает...»

Вот что надо изучать: как втекает в социальный мир то, что сначала живёт в мире мыслей, в мире чувств? – Нехорошо, если

мы просыпаем жизнь, если мы не знаем, что разыгрывается в основе этой жизни как её причина, прежде чем наступают самые внешние последствия. Ведь, в конце концов, этот человек, воспринявший кое-что из духовной, науки изображает жизнь так хорошо, поскольку видит её, имеет для этого глаза.

Мы завтра продолжим разговор об этих вещах.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах 26 ноября 1916 г.

Перевод с немецкого И. Меликишвили,

Ред. А. Демидов

Некоторые теологи и многие из тех, кто воображает, что стоит на почве христианства, но неправильно понимает его, часто упрекают нашу духовную науку в том, что она открывает истины о большом числе иерархий, иерархий, охватывающих стоящих над человеком существ, находящихся в духовном мире. Как вы знаете, мы говорим о духовных иерархиях Ангелов, Архангелов, Архаев, Эксузиаев и т. д.; подобно тому, как в земном мире мы говорим о животном, растительном, минеральном, элементарном и т. д. царствах, говорим мы и о царствах высших, сверхчувственных миров. Нам ясно и то, что человеческая жизнь распадается на два отрезка. Один протекает между рождением и смертью. В течение или посредством этой жизни человек из сверхчувственных миров спускается к царствам, которые затем находятся в его физическом окружении: это царство человеческое, животное, растительное, минеральное и т. д. Когда человек проходит через врата смерти, начинается другой отрезок его жизни. Он поднимается к высшим царствам, к царствам, которые построены снизу вверх, как другие царства строятся сверху вниз. Он поднимается в царства Ангелов, Архангелов, Архаев и т. д. Сегодня против знания о существах, стоящих между человеком и собственно Божеством, которое находится гораздо выше как человека, так и Ангелов, Архангелов и т. д., поставленных в это сверхчувственное пространство, с особым рвением борются те, кто думает, что стоит на почве христианства, однако почти не понимает его. Тот, кто считает себя обладателем прогрессивного христианского мировоззрения, с особой легкостью говорит, что познание о Духовных Иерархиях и составляющих их существах является шагом назад к древнему политеизму, к язычеству, как они говорят. По их мнению, задача современного человека состоит именно в том, чтобы не ставить ничего между собой и

Божеством, жить в мире, направляя взгляд на то, что он являет чувствам, а затем найти непосредственный путь к Божеству, без посредничества Ангелов, Архангелов и т. д. Иной считает особенно возвышенным быть в состоянии предстоять без посредничества, – как он говорит, – перед своим Божеством.

Этот упрек в адрес духовной науки можно сегодня услышать с разных сторон. Это показывает, что в тех кругах, где он делается, нет совершенно никакого понимания духовных потребностей нашего времени. Ибо дело не в том, воображает ли человек, что он сам может найти путь к своему Богу, а в том, может ли он действительно сделать это. И с нашей точки зрения мы должны спросить: что же представляют себе эти люди, которые говорят: мы не хотим иметь посредничество других духов, а хотим в нашей душе непосредственно подниматься к нашему Богу, – что представляют себе такие люди? Действительно ли они представляют себе Бога, когда они говорят или думают о Боге? Действительно ли представляют они себе то, что должно подразумеваться в качестве Бога, когда человек правомерно говорит о своем Боге?

Они представляют себе не это, а нечто совсем иное. Если рассмотреть все понятия, которые составляют себе такие люди о своем Боге, – то что же получим? Не что иное, как существо Ангела, и люди, утверждающие, что они в своей душе непосредственно обращаются к Богу, в действительности обращают взор только лишь к своему Ангелу. И если вы исследуете все их описания, то как бы возвышенно они ни звучали, найдете: они описывают только лишь Ангела, а то, что говорят эти люди, – не что иное, как требование, чтобы под Богом не подразумевалось ничего высшего, кроме Ангела. То, например, что сегодня называют современным протестантским Богом, о котором говорят столько именно с протестантской точки зрения, является Ангелом и ничем иным. Ибо дело не в том, чтобы воображать, что мы находим путь к высшему Богу, а в том, к чему в действительности мы находим путь. А таким способом люди находят путь к своему Ангелу. Я говорю: к своему Ангелу, – ибо это имеет значение. Если сначала обратить взор к существам самой нижней иерархии: Архам, или Духам Личности, как мы их называли, Архангелам, Ангелам, – то затем приходим к человеку, затем к животному царству, затем к растительному царству, затем к минеральному царству:

Архаи – Духи Личности
Архангелы

Ангелы
Человек
Животное
Растение
Минерал

Если мы обратим внимание на этих сравнительно низших существ, то надо вспомнить только некоторые вещи, рассмотренные нами раньше, чтобы учесть, что Архаи, Духи Личности, являются и Духами Времени. Они являются правителями целых периодов времен, являются тем, что как Дух живет в целом временном периоде. Сегодня мы живем в других духовных взаимосвязях, чем древние греки или древние римляне. Дух Времени уже очень возвышенное существо. Затем идут существа, которых мы называем Архангелами. Они призваны к тому, чтобы устанавливать гармонию среди людей на Земле. Поэтому они в определенном отношении являются правителями и руководителями народов и племён. Ангелы, существа, стоящие непосредственно над человеком, проводят человека через врата смерти, так что он некоторым образом имеет своего Ангела рядом с собой от смерти до нового рождения; они вводят его вновь в новую жизнь. Ангелы призваны к тому, чтобы отдельную человеческую индивидуальность провести через повторные земные жизни.

Затем мы спускаемся до самого человека. Человек, такой, каким он является сегодня на Земле, помнит только свою земную жизнь тут в физическом теле. Память Ангелов простирается гораздо дальше, и только благодаря тому, что их память простирается дальше, они могут управлять и руководить повторными земными жизнями людей. Современная теология не может даже правильно представить себе Ангелов, так как она упускает из виду то их свойство, что они руководят человеческой индивидуальностью через повторные жизни. И если учесть, что только по отношению к Архангелам мы имеем дело с существами, которые правят человеческими взаимосвязями, тогда как в случае Духов Времени мы имеем дело с существами, которые управляют связями людей на протяжении долгих периодов времени, а в случае Ангелов – с существами, которые управляют жизнью отдельных людей, то мы не ошибемся, сказав, что это скрытый эгоизм людей, когда они хотят подняться непосредственно к Богу. Ибо в действительности, – хотя, они не признаются себе в этом, – они поднимаются только лишь к своему Богу, к своему собственному Ангелу.

Это имеет большое практическое значение, так как несет в себе определенные зачатки. И вот в чем они состоят: люди воображают, что говорят об одном и том же Боге, но это лишь фантазия, воображение, что они говорят об одном всеобщем Боге. Ибо в действительности, отдаваясь таким фантазиям, каждый говорит о своем собственном Боге, а именно, о своем Ангеле. И следствием этого является то, что в течение времени каждый человек почитает своего собственного Бога, а именно, своего собственного Ангела. И тут мы видим, как сильно в человеке стремление почитать своего собственного Бога. В новом времени всё меньше людей находят друг друга в тех Богах, которые являются общими для всех. Особенно характерным для нашего времени стало то, что каждый стучится во врата своего собственного Бога. Род человеческий атомизируется. Остается только лишь слово «Бог», которое одинаково звучит для всех одноязычных людей, – однако под этим одним словом каждый представляет себе нечто иное, а именно, своего собственного Ангела. И он даже не поднимается до Архангела, который ведет человеческие сообщества. В основе этого лежит определенный скрытый эгоизм, в котором люди не хотят признаться. Однако это имеет большое значение, что человек живет в неправде, когда не признается себе: я поднимаю взор к моему Ангелу, – а говорит себе: я поднимаю взор к всеобщему Богу. – Он живет в туманном представлении, т. е. во внутреннем заблуждении, во внутренней майе. А это имеет значительные последствия, так как в то время как человек отдается этому внутреннему заблуждению, происходит определенная вещь. Ибо вследствие того, что мы предаёмся фантастическим представлениям, мы изменяем духовную реальность, которая действительно возникает в результате наших правильных или неправильных представлений. Когда человек поднимает взор только к своему Ангелу, но не признается себе в этом, а верит, что поднимает взор к Богу, – тогда как его взор не достигает даже до Архангела, – то он этим неистинным представлением в определенном смысле оглушает свою душу. И это оглушение сегодня становится всеобщим явлением. Однако оглушение души для сегодняшнего этапа развития человечества является невероятно большим препятствием. Ибо из-за оглушения души «я» принижается, затуманивается, и тогда вкрадываются другие силы, которые не должны действовать в душе, в данной душе. Это значит, что на место Ангела, которого хотели бы почитать, но окрестили «Богом», вкрадывается люциферический Ангел, и постепенно приходят к тому, что

почитают не своего Ангела, а люциферического Ангела. И тогда оказываются очень близко к наклонной плоскости, по которой может скатиться человек; тогда близко полное отрицание Бога, т. е. отрицание Ангела, – что всегда связано с отрицанием истинного человеческого «я», – как я показал на примере книги «Материализм и спиритуализм» Леблэ, где утверждается, что кошка также имеет "я", как и человек, и где говорится о «великих жрецах у собак».

Мы должны вникнуть в то, что во многих отношениях ответ на вопрос «Кто виноват в материализме нашего времени?» звучит так: виноваты религии, религиозные исповедания, затуманившие сознание людей и ставящие на место Бога Ангела, которого заменяет соответствующий ему люциферический Ангел. И этот люциферический Ангел затем вводит человека в материализм. В этом таинственная связь между высокомерными, эгоистическими религиозными исповеданиями, которые не хотят ничего слышать о том, что стоит над Ангелом, а в безмерном высокомерии говорят, что они говорят о «Боге», тогда как говорят только лишь об Ангеле, причем не вполне совершенном. И это беспредельное высокомерие, которое часто называют смирением, оно-то, в конце концов, и приводит к материализму. Осмыслив это, увидим значительную взаимосвязь: из-за ложного переосмысления Ангела в Бога возникает в человеческой душе склонность к материализму. И в основе того, что человек отказывается подняться к познанию духовного мира, лежит бессознательный эгоизм, который выражается и в том, что человек думает самостоятельно, из самого себя найти непосредственную связь со своим Богом. Вы сможете заглянуть во многое, что разыгрывается в современности, если учтете то, на что я тут указал. Существует единственное средство против ложного понимания Бога – это признание Духовных Иерархий. Ибо тогда становится ясным и то, что современные религиозные исповедания не поднимаются выше Иерархии Ангелов.

Рассматривая такую ситуацию, мы еще более или менее находимся в той сфере, где человек развивает свою сознательную жизнь, но многое в человеке живет и бессознательно или не ясно осознанно. И мы можем сказать: связь человека со своим Ангелом является реальностью, но реальностью является и связь человека с иерархией Архангелов, и с иерархией Архаев. – Более или менее осознанное неправильное понимание существа Ангела ведет также к более или менее осознанному материалистическому

мировоззрению, – не только у отдельных людей, но постепенно в целой эпохе. Тут мы еще целиком находимся в том, что сознательно разыгрывается в душе. А об отношении к иерархии Архангелов мы стоим на совсем ином уровне, нежели тот, где человек знает много. Об этом много говорят, но знают очень мало. Сегодня мы часто встречаемся с исповеданием не иерархии Архангелов, а одного Архангела; не с явно выраженным исповеданием, а со склонностью, чувственной склонностью к тому или иному Архангелу. В XIX веке это принесло большие плоды, по крайней мере, в одной области: в возникновении национальных идей, бессознательной основой которых является то, что люди не видят взаимодействия Архангелов и постоянно склоняются только к одному Архангелу. В основе этого лежит нечто социально эгоистическое, но это все такой же эгоизм, как и в склонности к одному Ангелу.

Тут можно было бы указать, что присоединяется к такой склонности, к такой социально-эгоистической склонности к Архангелу, подобно тому, как материализм осознанно присоединяется к превратному пониманию Ангела. Но тут мы вступаем на скользкий путь; это не та область, о которой в наше время возможно говорить.

Еще более туманными являются отношения людей к Архам, к Духам времени. Они находятся в очень глубоких подосновах. С Ангелами люди находятся в определенной связи, даже и тогда, когда они не признают этого, ибо, когда они говорят: «Я верю в Бога», – то они, как было описано, хоть и неправильным образом, но признают нечто. С Ангелами люди, по крайней мере, хотят вступить в отношение. К Архангелам же они со своим чувством и ощущением занимают положение, которое на сегодня является ложной взаимосвязью: это проявляется, когда люди признают ту или иную связь по крови и т. п.

Это ведет на ложные пути, которые, как было сказано, я не хочу сегодня описывать. К подобным же ложным путям приходят и в отношении к Духам Времени. И тут, как правило, люди примыкают к одному Духу Времени, который им представляется Духом их эпохи. Вспомните, как пытаемся мы в духовной науке противодействовать этому эгоистическому отношению ко времени, когда описываем следующие друг за другом временные периоды в их своеобразии и даем им воздействовать на нас, чтобы хоть как-то расширить наше сердце и нашу душу для того, чтобы вместить все земное и даже космическое развитие, чтобы этим путем, по крайней

мере, сначала в мыслях, достичь отношения к различным Духам Времени. Однако ведь люди сегодня не хотят этого. И пришлось бы описать многое из того, на что вчера было указано, если захотим рассказать о ложных путях, на которые люди попадают из-за эгоизма по отношению к Духу Времени. На примере одного поэтического произведения я смог представить вам прекрасно описанную мрачную картину непосредственной современности. Такие отклонения от пути, как описанные там, связаны с неправильным отношением к Духу Времени. Однако, рассматривая отклонения от Духа Времени, мы попадаем в очень значительные области. Когда человек от своего Ангела, которого он перекрестил в «Бога», переходит к люциферическому Ангелу, то это заблуждение, которое в определенной мере является индивидуальным. Следующим может быть заблуждение целых народов; однако это всё же остается заблуждением среди людей, и наступающие следствия являются результатом именно межчеловеческих заблуждений. Однако когда мы достигаем Духа Времени и впадаем в заблуждение по отношению к нему, то тут мы с нашими заблуждениями сталкиваемся с космосом. И существует таинственная связь между заблуждениями по отношению к Духу Времени и началом того, что человек космически налагает на себя. Эту связь не видят, когда отказываются поднять взор выше Ангелов. То, что я теперь говорю, пусть каждый примет так, как может принять. Это говорится на основе глубоких исследований духовной науки, но мне пришлось бы говорить месяцы, если бы решил представить эти исследования подробно, в частности. Заблуждения, которым человек подпадает по отношению к Духу Времени, сталкиваются с космическими явлениями, и космические явления отталкивают их обратно. И следствием того, что в человеческую жизнь вносятся космические явления, пока лишь начатки космических явлений, является декаданс, который доходит до декаданса физического тела, другими словами, до болезни и смертности и всего, что связано с этим. И наверно в недалеком будущем человечество убедится, что многим, совершаемом на физическом плане, – если это поднимается до Духа Времени, – оно призывает в земное развитие разрушающие силы, действие которых простирается до болезни и смерти. И если спросите, не являются ли некоторые вещи, происходящие в новейшем времени, результатом отклонения от Духа Времени, то можете сами найти ответ о глубоких взаимосвязях, которые вызывают болезни и смерти, посредством которых уравнивается

многое, что человек совершает как грех по отношению к Духу Времени. Очень хорошо известно, что умные люди будут, разумеется, смеяться, если им сказать то, что я только что сообщил. Ибо благодаря своему естественнонаучному мировоззрению они знают, что, – как они говорят, – глупо верить, будто действия человека, взаимосвязанных людей могут вызвать стихийные явления. Однако недалеко время, когда люди поверят по той простой причине, что увидят это.

Нашей современности недостает серьезности для того, чтобы достичь истинного мировоззрения, поддерживающего человеческую жизнь. Поэтому одним из первейших требований по отношению к тем, кто находит путь к духовной науке, является развитие этой мировоззренческой серьезности и хоть малого действительного углубления в ход человеческого развития. Мы часто подчеркивали, что земное развитие получает смысл только лишь благодаря Мистерии Голгофы, и мы уже рассмотрели некоторые вещи, которые дают увидеть Мистерию Голгофы в подобающем свете. Однако нужны все более точные характеристики, если мы хотим проникнуть взором во все значение Мистерии Голгофы. Сегодня могут спросить: Да, но как собственно приходит человеческая душа ко Христу? – И тут надо сказать, что так как Христос является гораздо более высоким Существом, чем все Архаи, то путь к нему должен быть найден. Ибо, как мы увидели, на том пути, по которому идут обычные религиозные исповедания сегодня, можно найти не Христа, но самое большее – Ангела. Ибо вести себя так, как ведут себя люди сегодня, возможно во имя различных Ангелов, даже некоторых Архангелов, когда на место прогрессивных сущностей становятся люциферические, но никак не во имя Христа. Ибо абсолютно невозможно, фактически исключено, чтобы из двух вражески противопоставленных личностей обе исповедали Христа. Это, так сказать, самоочевидно, и я думаю, не представляет большой трудности понять это. Но это возможно, если говорят, «Христос, Христос» или «Господи, Господи», – на это ведь Сам Христос указывал, – но имеют в виду своего Ангела; это противостояние было бы невозможно, если человек действительно говорит о Христе. Итак, перед нами стоит вопрос: да, но как же может душа найти путь ко Христу? – Рассмотреть этот вопрос можно двояким образом. Мы сегодня изберем путь, который естественно возникает из следующих наблюдений.

Люди сегодня мало знают о прошлом. Прежде всего, они не знают, почему некоторые вещи становятся преданиями. Они

знают, что некоторые вещи стали преданиями, но почему это произошло, им неизвестно. Например, есть предание – это можно прочитать во всевозможных экзотерических книгах, в частности и в масонских книгах, что в древности существовали мистерии, что мистерии были, так сказать, тайными учреждениями, и в них, это видно уже из слова, были тайны, которые действительно были тайнами и во внешнем смысле. Это значит: тем, которые находили путь к мистериям, передавались определенные вещи, и они обязывались передать их тем, кто вместе с ними тайно находился в этих мистериях, и в то же время тогда было строгим законом не выдавать сообщаемого в мистериях.

Этот закон выражался таким образом, что строжайше каралось, если мистериальная тайна выговаривалась перед непосвященным ухом, и таким же наказуемым было и то, если непризванный внимал мистериальной тайне. И это правило строжайшим образом соблюдалось в мистериях древности. Что было причиной этого?

Видите ли, сегодня многие говорят о мистериях, особенно те, кто хочет блеснуть своим знанием о таких вещах. Особенно распространено это в среде сегодняшних масонов, где словесная болтовня даже не сопровождается желанием понять эти вещи. И происходит много недостойного, когда, без особого знания, внешним образом болтают об этих вещах. Люди не в состоянии отличить правильных высказываний от бессодержательной болтовни. Тут можно пережить самые удивительные вещи, которые я совсем не хочу ни критиковать, ни осуждать; однако это так серьезно, что на них нужно, по крайней мере, указать. Видите ли, сегодня, например, можно пережить такое: кто-то является членом общества, которое сегодня называют по-всякому: «братствами», «хранителями мистерий»; такой человек – я говорю о фактах – приходит к кому-нибудь, и спрашивает именно о том, что его как-то интересует, т. е. интересует в смысле слов; однако он не в состоянии понять это. Через некоторое время слышат, что он там и тут говорил об этих вещах, притом говорил довольно бессодержательно. Как раз с теми, кого сегодня портят, извращают определенные оккультные братства, почти не имеет смысла говорить; ибо к действительному смыслу они не проникают. И так могло случиться, что недавно, например, появилась книга известного масонского оратора и писателя о тайнах масонства, книга, которая, само собой разумеется, не содержит ничего, кроме поверхностности, и эта

поверхностность воспринимается серьезно даже теми людьми, которые состоят в оккультных братствах.

А теперь давайте проведем перед душой одно свойство, которое в эволюции человечества возникло в связи с мистериальными традициями. Я часто подчеркивал: человечество изменилось в течение земного развития, и значительный поворот в развитии произошел в то время, когда Христос прошел через Мистерию Голгофы. Если мы хотим обратить внимание на еще одну существенную особенность этой эволюции, наряду с другими, которые мы уже рассматривали, то мы должны сказать: возвращаясь назад через греко-римскую эпоху, а именно, от IV века до Христа к V, VI, VII векам – мы даже можем оставаться в греко-римской эпохе, хотя еще сильнее будет выступать это свойство, если пойти назад в египетско-халдейскую или даже в персидскую эпоху, – то найдем всюду, что речь тогда имела совершенно иное значение, чем позже, например, уже в VII, VIII веке после Мистерии Голгофы. Слово, которое один говорил другому, имело совершенно иное значение в то время, когда еще имелись атактистические ясновидческие свойства души. Тогда слово, если можно так выразиться, посредством своей внутренней силы, имело суггестивное значение, ибо в слове находилось много из унаследованной божественно-духовной силы. Когда человек говорил, то в его слове в определенной мере всегда высказывался и Ангел из высших иерархий.

Отсюда Вы можете увидеть, что словесные сообщения в древности были совершенно иными, чем сегодня. Даже зная все те тайны, мы не можем говорить словами так, как говорили в древности, так как употребляем слова такими, какими они стали в современном языке. Ведь слова превратились в произвольные знаки. Мы уже не можем прийти к человеку и сказать ему с той же силой, с какой можно было говорить в III, IV, V веках до Христа: «Твой Ангел любит тебя» и этим провести через его душу тихий трепет, который был исцеляющей силой. Сегодня это уже невозможно, так как у слов отнята их древняя суггестивная значимость, их сила. В древности, когда люди говорили друг с другом, от души к душе лилась сила человеческой общности. Как мы, находясь в одном зале, дышим одним воздухом, так и в том, что говорили люди друг другу, жила духовная спиритуальная сила общности. В поступательном развитии человечества это было утеряно. Слово все более лишалось божественной силы.

Если вы проведете это перед глазами, перед душевными очами, то сможете сказать, что должны были существовать

совершенно определенные слова и словосочетания, словесные формулы, которые имели большее воздействие, чем другие общеупотребительные слова. И в мистериях передавались именно такие словесные формулы, имеющие гораздо более сильное воздействие, чем обычные слова. Теперь вы можете понять, что их нельзя было выдавать, ибо человек, знающий эти формулы, получал большую власть над другими людьми, и эту власть нельзя было применять неправильно. Это абсолютно реальная истина, что когда в древности еврейский жрец храма выговаривал то, что в обыкновенной жизни называлось "словом", которое однако имело определенное звуковое сочетание, и когда он выговаривал его правильно, то вокруг тех людей, к кому он обращался, действительно духовно появлялся иной мир, и эта духовность была действительностью.

И вы можете понять, что было преступлением высказать мистериальные формулы тем, кто не должен был их слышать, так как при этом на него воздействовали силой, которая тут была непропорциональна, но было строго запрещено и то, чтобы их подслушать, так как тогда человек подвергал себя опасности подпасть под власть других. Эти вещи не так абстрактны, как их сегодня хотят представить определенные люди, а они конкретны и реальны, а времена изменились, и надо прислушиваться к этому изменению. С Мистерии Голгофы слова уже не имеют этого значения, так как настоящая свобода не смогла бы возникнуть среди людей, если бы слова сохранили свое значение; ибо люди в душевном отношении были бы в некотором роде созданием речи. Слова должны были потерять эту внутреннюю силу. Но другая сила вошла в развитие Земли, которая, найдя правильное отношение к человечеству, постепенно могла заменить людям то, что раньше приходило из слов. Древние из своих слов учились мыслить, и в древности не было других мыслей кроме тех, которые приходили из слов. Но тогда из слов могла исходить сила мыслей, ибо слова были такие, как я описал выше. Позже эта сила была утрачена. Однако тогда пришло то Существо, которое опять может дать эту силу мыслям, если мысли наполняются им. Существо, которое могло сказать: «Я есмь Слово» – и это есть Христос. Только сначала люди должны найти путь оживления Христа в своей душе. Христос тут. Мы знаем, что с Мистерии Голгофы Он является реальной силой. И теперь, когда мы говорим о карме, можно показать, какое отношение имеет Он к карме. Ведь Ангел имеет отношение только к одному человеку, Христос же может иметь гораздо более высокое значение, чем Архангелы, так как Он не только тут, на Земле, соединяет

людей в соответствии с Духом Времени, но и соединяет живущих с умершими, те души, которые организованы тут в теле, с теми, которые прошли через врата смерти. Но для этого мы должны научиться чуть лучше понимать, как должен быть найден Христос исходя из духа нашего времени, соответственно, как может быть найден путь ко Христу. Ибо мы начали именно с этого вопроса: Как может современный человек найти путь ко Христу?

Прежде всего, необходимо, чтобы человек опять вышел из своей эгоистической жизни-только-в-своей-душе. Ибо истинно слово – о, как много слов в Евангелии не воспринимаются в своей истине, ибо это не подходит людям! – истинно слово Евангелия: «Где двое соберутся во имя Мое, там Я посреди них» (Матф. 18.20). Дух христианства – это не дух тщеславной мистики, который говорит: в моей душе я буду рождать Христа, нет, дух христианства тот, кто говорит: "Где двое соберутся во Имя Моё, там и Я среди них".

Однако для того, чтобы объяснить вам весь дух этого выражения в связи с повторными земными жизнями и охарактеризовать его для нашего времени в связи со всей жизнью, в которую человек поставлен сегодня своей профессией, надо разъяснить некоторые характерные свойства именно нашего времени; ибо необходимо научиться преодолевать эгоистическую ограниченность в людях. Это преодоление, в смысле нашего времени, возможно посредством того, что человек вновь знакомится с Космосом, с которым человек связан, и из которого он рожден; надо научиться быть в состоянии мыслить Космос в связи с человеком.

Верите ли вы в то, что естествознание сегодня может мыслить Космос в связи с человеком? Вспомните выражение Германа Гримма, которое я цитировал и в открытых лекциях: "Естествознание мыслит некий вид механизма, в котором человеку совершенно нет места". – Человека в отношении с Космосом сегодняшнее естественнонаучное мировоззрение не может осмыслить, ибо чтобы сделать это, надо конкретно смотреть на вещи. Сегодня человек конструирует машину; он это делает и верит, что при этом не производится ничего иного, кроме этой машины и, соответственно, того, что совершает эта машина. Однако такое мышление способствует тому, что сегодня так распространено то, что можно назвать негативным суеверием. Суеверие есть вера в духов там, где их нет; однако можно не верить в духов, где они есть: это негативное суеверие. Этому негативному суеверию человек сегодня дает полноту бытия в простоте душевной, так как у него нет

привычки осмысливать вещи, выступающие в развитии человечества, и осмысливаемые им только лишь с точки зрения механизма, а не в космической взаимосвязи и в моральном аспекте.

Возьмем одно, но то, что в первую очередь характерно для нашего времени, и подобно многому другому, во многих отношениях владеет нашей внешней жизнью: паровую машину. Какую роль играет сегодня паровая машина? Представьте-ка, сколько всячины не существовало бы сегодня, если бы не было паровой машины. Я не говорю, что все, что имеет человек сегодня, производится паровой машиной, однако именно сегодня, в смысле правильного Духа Времени, многое производится паровой машиной. Паровая машина по-настоящему была изобретена, собственно, только в XVIII веке, ибо то, что было до того, было лишь предварительными опытами. То же, что сегодня имеет повсеместное использование, что сегодня имеет невероятное значение, есть паровая машина, которая, можно сказать, впервые доведена до возможности использования в 1719 году Ньюкоменом, а затем позже, в 1762 г. Уаттом. Собственно, можно говорить об обоих как об изобретателях паровой машины, по крайней мере, в том объеме, в котором сегодня говорят о паровых машинах и обо всем, что связано с этим.

А теперь, на чем собственно основывается вообще возможность иметь паровую машину, которая не так уж и стара? На чем она собственно основывается? Видите ли, 1769 год – теперь я скажу ужасно курьезную вещь для человека, мыслящего естественнонаучно, – когда Уатт, так сказать, довел паровую машину до должного уровня, это год, который лежит недалеко от замысла «Фауста» Гёте. Возможно, можно будет вскрыть удивительные связи между паровой машиной и замыслом «Фауста» Гёте, хотя эти вещи находятся далеко друг от друга. Однако для этого мы должны провести перед душой некоторые вещи, связанные со вступлением паровой машины в человеческую эволюцию. На чем собственно основана конструкция паровой машины? Она основана на том, что возможно создать безвоздушное пространство или пространство с разреженным воздухом. Всякая возможность создания паровых машин основана на образовании свободного от воздуха пространства и его использовании. В старые, давно прошедшие времена говорили *horror vacui*, о страхе перед пустотой. Это выражение имело объективное значение. Оно означало, что пространство всегда стремится быть заполненным, что пустота не может быть создана, что природа

испытывает некий вид ужаса перед пустотой. Прежде чем приступить к созданию паровой машины, в человечестве должен был исчезнуть страх перед пустотой; только после этого могла возникнуть возможность создания почти безвоздушного пространства. Воздух должен был быть удален из определенных пространств. Простые механические соображения не приводят к замене старых космических моральных представлений о *horror vacui* новыми космическими моральными представлениями. Но что же происходит, когда мы создаем безвоздушное пространство или пространство с разреженным воздухом, с намерением поставить результат на службу развития Земли?

Библейское предание гласит, что Ягве вдохнул в человека живое дыхание, воздух и благодаря этому человек стал душой живой. Воздух должен был быть внесен в человека, чтобы он смог стать тем, чем он должен стать как земной человек. В течение многих столетий, через тысячелетия даже, человек использовал только то, что само по себе давалось ему в космической связи как разрежение или уплотнение воздуха. Затем пришло новое время. Тогда человек принялся сам разрезать воздух, убирать то, что внёс Ягве, действовать в противоположность тому, как может действовать Ягве, поставивший человека на Землю. Что же происходит, когда человек использует пространство с разреженным воздухом, то есть изгоняет воздух из пространства? Возникает оппозиция против Ягве. Вы можете теперь легко представить себе: в то время как Ягве вливается в человека через тепло, человек изгоняет Ягве, когда он создает пространство с разреженным воздухом! Ариман получает возможность укорениться вплоть до физического как демон, когда таким образом конструируется паровая машина. Когда конструируют паровую машину, дают возможность инкорпорации демонам. Человек может не верить в них, если не хочет, – и это будет негативным суеверием. Позитивное суеверие видит духов там, где их нет; негативное же суеверие отрицает наличие духов там, где они есть. В паровых машинах ариманические демоны действительно внедряются вплоть до физического тела. Это значит: в то время как Космос со своей духовностью сошел на Землю благодаря тому, что было влито в человеческую эволюцию; теперь же Дух Космоса изгоняется тем, что сотворяется для демонов. Это значит: новейший великий, удивительный прогресс принес не только демонологию, но и демономагию, и современная техника во многом является демономагией.

Некоторые вещи, – теперь я опять выскажусь парадоксально, – проясняются тогда, когда бывает правильно прочитано то, что люди, как правило, считают совершенно незначительным. В конце концов (пишет *i* на доске), это – (*i* без точки) – основная материя, но только эта точка превращает это в *i*. И сравните, насколько меньше эта точка остальной части, однако только лишь эта точка превращает остальную часть в *i*. Тот, кто в развитии человечества держится только материального, и в материальном увидит иногда только то, что, конечно, во сто раз больше, чем точка, а точку не заметит. Более тонкий же наблюдатель, который не только смотрит на явления, но и может читать их, научится правильно толковать то, что иногда в утонченной форме проявляется в явлениях. Вот вам знаменательный факт: если перечитаете биографию Джеймса Уатта, найдете факт, на который я хочу указать, – это указание умные люди современности сочтут сумасбродным, – вы же сами должны прийти к его толкованию. Уатт не мог сразу реализовать свое изобретение. Он занимался этим от 1712 до 1769 года. Как правило, когда кто-то делает изобретение, затем многие повторяют его. Между этими годами было сконструировано многое. И когда Уатт другие части своей машины сконструировал так, что её можно было использовать, то в ней оказалось устройство, для которого другой уже имел патент, и он не мог его применить, он должен был изобрести что-то другое. И к тому, что ему теперь надо было найти, он пришел удивительным образом. Ведь он жил в эпоху, когда уже давно существовало коперниканское мировоззрение, которое соответствует лишь нашему Духу Времени; И он пришел к такой конструкции, к такой взаимосвязи в своем аппарате, что мог назвать её движением Солнца и планет. Движением Солнца и планет назвал он его потому, что им действительно руководило коперниканское представление о системе планетарных и солнечных движений. Он действительно свел и внес в паровую машину то, что в новейшем времени было познано как небесные движения!

А теперь подумайте о том, что я вам рассказал недавно, то, что должно произойти, но теперь находится в начале: что тонкие вибрации будут суммироваться и достигнут большого воздействия. На Земле это еще не достигнуто, слава Богу! Однако начало положено и вот в чем оно состоит: движению Солнца и планет можно подражать. Неужели вы думаете, что это не имеет значения, когда происходит подражание в малом движению Солнца и планет, которое имеет большое значение для нашей Земли, и затем это опять излучается в мировое

пространство? То, что происходит при этом, имеет большое значение для Космоса. Тут вы наблюдаете непосредственно, что демону придаются еще и колебания, посредством которых он может свою деятельность развивать в космическом пространстве.

Конечно, никто не должен думать, что вещи, подобные сказанному, означают, что паровую машину нужно ликвидировать. Тогда пришлось бы упразднить многое, ибо паровые машины еще не самое демоническое. Всюду, где применяется электричество и некоторые другие вещи, имеется гораздо больше демономагии, так как там используются совершенно иные силы, которые имеют еще и другое значение для Космоса. Конечно тот, кто понимает духовную науку, поймет, что эти вещи не нужно упразднять, что мы не можем быть реакционерами или консервативными в том смысле, чтобы противиться прогрессу. О, демономагия ведь означает прогресс, и Земля будет осуществлять все дальше такой прогресс. Люди придут к тому, что разовьют большие, очень большие воздействия на вселенную. Дело не в упразднении и не в том, чтобы уничтожать критикой, ибо, само собой разумеется, эти вещи имеют оправдание. Однако дело в том, что после того, как с одной стороны эти вещи выступают для прогресса человечества, с другой стороны должны создаваться противодействующие силы, которые вновь приведут к равновесию. Эти противодействующие силы, которые приводят к равновесию, могут быть созданы только тогда, когда человечество вновь поймет принцип Христа, когда человечество найдет путь ко Христу. На некоторое время человечество отводится от Христа. Даже те, которые себя называют официальными представителями Христа, ищут вместо Христа только лишь Ангела. Однако надо будет найти путь, который душа должна пройти ко Христу. Ибо точно так же, как посредством демонов машин наши действия достигают до физических звезд в Космосе, так же должны мы найти духовный путь в те миры, где находится человек между смертью и новым рождением, где находятся Существа высших иерархий. И все это связано с тем, о чем я уже говорил: как, с одной стороны, люди всё больше входят в карму профессии, и как, с другой стороны, этой карме профессии должно идти навстречу понимание духовного мира, которое затем приводит к нахождению пути ко Христу.

Об этих вещах мы будем говорить завтра.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 27 ноября 1916,
Перевод с немецкого И. Меликошвили
Ред. А. Демидов

Когда мы пытаемся рассмотреть вопрос, поставленный нами в прошлый раз: Как может современный человек достичь возможного отношения ко Христу? – то, само собой разумеется, у некоторых возникает возражение, и они отвечают, что многие люди современности имеют свое отношение ко Христу. Об этом возражении я уже часто говорил, и мы знаем, что оно недействительно, так как при пристальном рассмотрении оборачивается довольно эгоистической точкой зрения: У меня есть удовлетворяющая меня вера, и ни что другое меня не касается.– Но то, что человечество вообще не стоит на удовлетворительной почве по отношению к Существо Христа, ясно видно из событий нашего времени. Ответ на это возражение может дать себе каждый, кто скажет себе, что основным элементом исповедания Христа является то, что Христос умер и воскрес для всех людей одинаково, и во имя Христа никогда не может происходить борьба человека с человеком за внешнее добро. Можно отвернуться от этой общечеловеческой судьбы и эгоистично концентрироваться на своем исповедании. Да, но тогда не учитывается, что событие Мистерии Голгофы в первую очередь относится к человеческой общности. Теперь мы рассмотрим некоторые вещи, указывающие, в чем сущность пути ко Христу; ибо само собой разумеется, что путь ко Христу, который соответствовал бы нашему времени, каждая душа должна найти сама. Если мы сначала попытаемся глубже понять, что означает Существо Христа для Земли, то в первую очередь мы должны учесть, что существенным для события Христа является то, что Мистерия Голгофы произошла однажды, в определенном временном пункте, – следовательно, во времени и пространстве. Однако, учтя это, мы обнаружим противоречие с общим мировоззрением, к которому относится и наше; и так как это противоречие имеет основание, нельзя просто отмахнуться от него; его нужно сначала признать, если хотим затем устранить его из своей души. Мы ведь всегда подчеркиваем, что Мистерия Голгофы составляет смысл земного развития, и она, конечно, содержит внутреннюю, действительную истину. Однако, все то, что происходит во времени и пространстве, как мы знаем, относится к области майи, великого заблуждения, и, следовательно, не принадлежит к действительной, вечной сущности вещей. И так стоим мы перед значительным

противоречием, что Мистерия Голгофы принадлежит майе, великому заблуждению. В этом состоит значительное противоречие, которое сначала должно предстать перед душой во всей своей значимости.

А теперь, раз Мистерия Голгофы разыгралась во времени, в течение развития человеческого рода на Земле, рассмотрим это развитие человеческого рода на Земле. Мы ведь знаем, что человек перешел на Землю из предшествовавших миров, и, как мы говорили в «Очерке тайноведения», в определенный момент времени он подпал тому, что можно назвать люциферическим искушением, соблазном. Мы часто рассматривали в смысле исследования духовной науки то, что называется люциферическим искушением. Мы знаем, что оно выражено в величественной картине в начале Ветхого Завета, в образе так называемого грехопадения, где Люцифер выступает как змей в раю; это один из мощнейших образов религиозных преданий.

И если окинуть взором время, пройденное человеческой эволюцией от люциферического искушения до Мистерии Голгофы, то увидим, что люди от первоначальных, ранних планетарных ступеней, когда они имели атавистическое ясновидческое откровение, посредством которого духовные миры стояли перед их душевным оком, постепенно спустились вниз; так что в столетиях, предшествовавших Мистерии Голгофы, они уже были не в состоянии поднимать взор в духовные миры, а располагали лишь отголосками древних познаний о духовных мирах.

Проведем перед нашими душами относительно короткий земной период (мы не можем вернуться до люциферического искушения) – последующие ступени нисходящего развития человечества до Мистерии Голгофы. Тут мы найдем следующее. Если мы вернёмся достаточно далеко назад, мы найдём, как то, что люди раньше имели как атавистическую мудрость, как действительное созерцание духовных миров, нашло своё выражение в отголосках религиозных мировоззрений в форме почитания более или менее значительного, выдающегося предка. То есть в различных областях Земли мы находим религиозные культы, которые можно назвать культами предков. Такие культы предков ведь и теперь наблюдаются у людей, остановившихся на более или менее ранних ступенях развития. Итак, люди почитают или взирают с почитанием к предку. Что собственно лежит в основе этого созерцания предков? В чем реальность почитания предков в те древнейшие времена, в которые еще можно заглянуть? Скажем так: вернёмся назад в тёмные времена, там

в определенную эпоху существовали культы предков (см. схему на стр.).

Эти культы предков не основывались, как это полагает сегодняшняя поверхностная наука, на том, что люди вообразили себе, будто нужно почитать предков, а на том, что в древнейших культах предков люди в определенные периоды своей жизни имели непосредственное созерцание своих предков. Тот, кто взирал вверх к своему предку-богу, в определенные периоды своей жизни, в состояниях между бодрствованием и сном, как это было на древнем этапе развития человечества, действительно приходил к совместному бытию с тем, кого он почитал как своего предка. Предок являлся ему не только во сне, но и в сновидческом представлении, которое для него было реальностью. И те люди бы кому являлся общий предок, были соединены в служении этому общему предку.

То, что люди видели в духе, было возвышенным человеческим обликом, однако за этим человеческим обликом скрывалось еще нечто иное. Если хотим познать, что собственно скрывалось за этим духовным обликом, нужно учесть следующее: предок некогда умер; он ушел с Земли как высокоуважаемая личность, которая сделала много хорошего для определенной человеческой общности. Предок прошел через врата смерти, и, следовательно, когда люди поднимали взор к нему вверх, он был на пути между смертью и новым рождением. Что же из его существа видели люди, взирающие вверх к нему?

Мы ведь знаем, что человек, пройдя через врата смерти, затем еще краткое время находится в своем эфирном теле; затем это эфирное тело он слагает с себя. Но это означает, что эфирное тело переходит в духовные миры, в эфирный мир. Человек в своем "я" и в своем астральном теле развивается дальше, а эфирное тело переходит в эфирный мир. Так как соответствующий человек создал на Земле консистенцию, воспоминание эфирного тела оставалось долго. Эфирное тело своих предков люди воспринимали в своем старом атавистическом, сновидческом ясновидении, почитали то, что им открывалось посредством этого эфирного тела. Однако между смертью и новым рождением это эфирное тело приходит в соприкосновение с духами высших иерархий, прежде всего с духами иерархии Архаев, Духов Времени. И так как этот человек представлял собой значительную для развития человечества личность, то он связывал себя с Духом Времени, который приводил развитие человечества на шаг вперед.

То, что проявляло себя, я бы сказал, через призрак предка, было по существу Духом Времени, одним из Духов Времени, так что древнее религиозное культовое почитание предков было ничем иным, как почитанием Духа Времени. Всюду, где мы возвращаемся в доисторические времена, мы находим, что люди почитали эфирные тела своих предков как средства откровения Духов Времени. Итак, возвращаясь к культу предков, мы находим почитание Духов времени, Архаев.

Затем люди спускаются ниже и начинают почитать тех божеств, которых мы знаем из различных мифологий, и которые являются Архангелами; в греческой мифологии Зевс и другие божества имеют значимость Архангелов. В древнейшие времена люди поднимали взор к Духам Времени, затем они поднимали взор к тем духам, которые уже не являются Духами Времени, но равнозначны тем духам, которые руководят народными племенами, к Архангелам. Так что мы можем сказать: политеизм следует за культом предков; люди почитают Архангелов.

Затем приходит эпоха, когда люди спускаются еще ниже, когда постепенно уже должно рождаться "я" отдельных людей. И мы находим, что более продвинутые народы сравнительно раньше, а другие позже, - египтяне, например, уже во втором тысячелетии, переднеазиатские народы позже, - переходят к монотеизму, то есть уже начинают почитать не Архангелов, а Ангелов, каждый почитает своего Ангела. Они спускаются от более высокого политеизма к более низкому монотеизму. После моих вчерашних пояснений, вам уже не будет трудно понять то, что я говорю сейчас, вы увидите, что люди должны исцелиться от высокомерия, которым пропитана вся современная религиозная наука: будто то, что обычно называют монотеизмом, должно смотреть свысока на политеизм, как на религию более низкой ступени. Ведь это не так, а так, как я показал теперь.

Почему эти древние народы были в состоянии почитать Архаев, Архангелов, Ангелов? Потому что они еще имели остатки, или отголоски древнего атаквистического ясновидческого искусства. Поэтому они могли подниматься к тому, что является сверхчеловеческим; в определенной мере они могли вырастать над человеческим, подниматься к сверхчеловеческому. И в древних мистериях это достижение сверхчеловеческого культивировалось совершенно особенно. Тут люди приводились к развитию в себе того, что выходило за пределы человеческого, того, что человеческую душу поднимало в царство духовности. Однако теперь приходит

время, когда человеческое "я", как оно живет тут между рождением и смертью, рождается для человека. Это было временем Мистерии Голгофы. Если бы не произошла Мистерия Голгофы, люди бы дегенерировали; от почитания Ангелов они перешли бы к почитанию существа, стоящего на одну ступень ниже в иерархии, – самого человека. И мы должны только вспомнить, что римские цезари требовали по отношению к себе богоподобного почитания, и для народа они действительно были богами, чтобы понять, что ко времени Мистерии Голгофы люди в своей дегенерации зашли так далеко, что молились уже не Архам, Архангелам или Ангелам, а самим людям. В это время, для спасения от почитания земного человека должен был явиться Богочеловек.

Архаи, Духи Времени	Культ предков
Архангелы	Политеизм
Ангелы	Монотеизм
Человек	Богочеловек

Вступление Богочеловека в историю означает существенно новый вид отношения к религиозной жизни. Ибо где реализовывался культ Ангелов, Архангелов, Архаев? Где, в конце концов, реализовывался культ человека в форме поклонения римским цезарям? В самом человеке; ибо никто не почитал цезарей посредством цезарей, а, само собой разумеется, посредством самих себя; это возникло в самом человеке, исходило наружу из человеческой души. Христос же должен был быть воспринят извне, как природные явления, он должен был подойти к человеку с совсем иной стороны, чем Боги древних религий. «Там, где двое соединены во имя Мое – Я посреди них» – это важнейшее положение христианства, ибо оно означает, что хотя на пути чисто индивидуальной мистики можно найти Ангела, Архангела, даже Архая, но Христа на пути чисто индивидуальной мистики невозможно найти. Тот, кто хочет следовать индивидуальной мистике, как это описывается часто и среди теософов, как правило, доходит только лишь до Ангела. Они только делают этого Ангела еще более внутренним, иногда делают даже чуть более эгоистичным, чем другие люди своего Бога. Христа находят иным путем, не просто внутренним развитием, а, прежде всего, тогда, когда осознают, что Христос принадлежит человеческому сообществу, всему человеческой сообществу.

А теперь мы приходим к очень значительному различию, которое, надо признаться, очень трудно входит в человеческие души. Однако когда-нибудь нужно подняться к нему. Встречаясь в этой жизни, мы, как люди, предстаем друг другу

в майе. Точно так же, как и в природных явлениях перед нами только лишь майя, так и от стоящего перед нами человека мы имеем только майю. Внутри майи стоит перед нами человек – во-первых, как отдельный человек, каким он предстает нашим внешним чувствам и с тем, что связано с внешним чувственным миром; затем он предстает нам как член своей семьи, своего народа, своего времени. Если бы увидели его полностью, то за ним увидели бы Ангела, Архангела, Архая; но все они выражают себя в том, чем является человек. Ибо человек является членом определенных человеческих групп благодаря тому, что за ним стоят Архангелы, Архаи. Иными словами, благодаря, этому находится он в линии наследственности, в условиях наследственности. Только по понятной человеческой, близорукости мы, видя перед собой человека, не всегда сознательно относим его к той или иной группе; ибо бессознательно мы постоянно делаем это. Мы бессознательно стоим друг перед другом в той дифференциации, которую эти три иерархии должны по необходимости вносить в человечество. Однако Христос требует большего; Христос ставит иное требование. Христос требует в действительности: когда предстаешь перед человеком, надо смотреть на него, понимая, что его действительность определяется не только Архаями, Архангелами, Ангелами, но еще и Высшими Духами, которые уже не относятся к земному развитию, не относятся даже и к планетарному развитию (оно начинается с Архаев, как вам известно из «Очерка тайноведения»), а Высшими Небесными Духами; что с человеком в майю вступает сверхземное.

Сказанное теперь надо полностью перенести в чувство, а не оставить на уровне понятия, если хотим достичь полного понимания. Надо уяснить себе, что в каждом человеке нам предстает то, что имеет сверхземную природу и не может быть постигнуто человеческими средствами. Тогда в наших душах установится утонченное благоговение по отношению ко всему человеческому.

Однако перед Мистерией Голгофы люди стали такими, что постепенно утеряли это сверхчеловеческое начало и спустились до уровня человека. Сверхчеловеческое было ими утеряно. Ибо в тот момент – постарайтесь хорошо понять эту фразу! – когда человек, подобно римскому цезарю, дает поклоняться себе, как Богу, он теряет своё человеческое начало и опускается в под-человеческое. Он перестаёт быть человеком, когда в социальной жизни даст поклоняться себе как сверхчеловеку. Итак, человеку угрожала потеря

человеческого начала; и она была возвращена ему явлением Христа на Земле. Прочитайте цикл лекций в Карлсруэ («От Иисуса ко Христу»), где я говорю об этом, о том, как каждый отдельный человек получает нечто благодаря тому, что Христос был на Земле.

Итак, с Христом пришло признание, что Христос находится за каждым земным человеком, даже если он грешник и мытарь, – поэтому-то и сидит Христос с ними, – для каждого земного человека признается истина слов: «Что ты делаешь для малейшего из моих братьев, то ты делаешь для меня» (Матф. 25, 40). Как сказано, эта мысль должна полностью перейти в ощущение, только тогда постигнем мы её полную истину. Ибо перед тем, что тогда видишь, никнут все понятия и представления, разделяющие людей; и нечто, общее для всех людей, как аура проходит над Землей, когда люди осознают, что теперь, встречая человека, духовное искание нужно направлять не просто до Архая, а подниматься в поисках к тому, что стоит над Архаем.

Если обратим взор к древним Мистериям, увидим, что в них человек пытался подниматься над самим собой, со своей душой вращать в духовный мир. Однако из-за того, что однажды произошло люциферическое искушение, это возможно только лишь до определенной ступени. Затем при этом восхождении человек теряет возможность продвижения. Уже нечего возносить в высший мир. Почему это происходит? Ответ на этот вопрос получим, когда глубже рассмотрим смысл люциферического искушения. Чего же хочет собственно Люцифер в отношении человека? Мы часто указывали на это. Человечество живет в майе, в том, что является только лишь зеркалом мира, а не в действительном мире. К чему стремится Люцифер? Человек в этом зеркале может подняться на несколько ступеней над собой вплоть до Архаев. Однако затем им должен овладеть Люцифер, и если он хочет идти дальше в духовном мире, то в определенной степени он должен сделать Люцифера своим водителем, Люцифер представляет собой тот свет, который может вести его дальше. Если бы дело остановилось на люциферической эволюции, если бы Христос не вошел в эволюцию человечества, то с того времени, когда должна была совершиться Мистерия Голгофы (в том случае, если бы она не совершилась), люди в мистериях смогли бы развиваться до той ступени, когда им открывались бы Архаи. Однако затем они вступали бы в люциферический мир. Но тогда на Земле оставалось бы все то, что высшие боги, например, Эксузиаи, внесли в земное развитие как земное

человеческое начало, как все то, что на Земле является земным человеческим. Люди, так сказать, одухотворились бы совершенно аскетически, с оставлением телесности, и вошли бы в духовный люциферический мир. Души людей нашли бы освобождение, однако Земля оказалась бы бесполезной. Тела не смогли бы никогда оказать душам ту услугу, которую они собственно должны были бы оказать. В предотвращении этого состоит значение Мистерии Голгофы.

Мы должны еще раз оглянуться на эволюцию до Мистерии Голгофы, если хотим хорошо понять наш вопрос. С самого начала земного развития Люцифер имел намерение возвести людей с Земли в свои духовные царства. Люцифер не имел интереса к остальному земному развитию, он хотел занять для себя только то, что высшие боги внесли в него с человеком; это – как душу – хотел он вывести из земного развития, после некоторого времени пребывания в земной форме, которая происходит от Эксузиаев, от Духов Формы. Итак, он хотел вывести души и предоставить Землю своей судьбе. Почему же люди во время Мистерии Голгофы не последовали стремлению Люцифера вывести их в светоносный мир? Почему они не последовали? Это вы можете понять из некоторых указаний, которые я дал и в этих лекциях. Они не последовали за ним потому, что высшие Боги внесли в земное развитие нечто, мешающее человеку в своем развитии легко и непосредственно следовать за Люцифером.

В земное развитие было введено то, что, как я показывал, называют восьмой сферой. Одним из аспектов восьмой сферы является то, что человек в своей низшей природе получает такое качество и такую склонность, что Люцифер не может уже изъять его высшую природу из низшей. Каждый раз, когда Люцифер в древности делал усилие одухотворить человека, оказывалось, что люди слишком привыкли к плоти, чтобы следовать за Люцифером. Если бы у них не было этой склонности к плоти, к физической природе, то они последовали бы за Люцифером. Видите ли, это одна из великих тайн мирового бытия, что божественное было насаждено в человеческой природе, чтобы эта человеческая природа имела как бы большую тяжесть, чем она имела бы, если бы это божественное не было помещено в неё как божественно-необходимое. Если бы это не было насаждено, людские души последовали бы за Люцифером. Возвращаясь назад в древность, мы всюду находим, что религии указывают людям на почитание того, что является земным, что дает земные связи, что живет в плоти и крови, для того, чтобы человек был

достаточно тяжелым, и его нельзя было бы вывести во вселенную. И так как для того, что обще для человеческого и космического, всегда должны существовать не только земные, но и космические установления, произошло то, что вы находите в моем «Очерке тайноведения», то, что в определенное время сформировалась не только Земля и начала вращаться по своему пути вокруг Солнца, но она получила Луну в качестве спутника.

Что же это значит: Земля получила в спутники Луну? Это означает следующее: Земля получила силу, посредством которой она может Луну удерживать в своей близости, может притягивать её. Если бы Земля не имела эту силу притяжения Луны, тогда духовный коррелят этой силы не смог бы приковать человека к своей низшей природе; ибо с духовной точки зрения сила, приковывающая человека к низшей природе, является и той силой, с которой Земля притягивает Луну. Так что можно сказать: Луна во вселенную поставлена как противник Люцифера, чтобы оказывать сопротивление люциферическому. Я уже однажды указывал на эту тайну. Я указывал на то, что во времена материализма в XIX веке эта истина была обращена в свою противоположность в «Тайном буддизме» Синнета: тут Луна описывается как нечто враждебное человеку. В действительности она ему не враждебна, а препятствует ему подпасть искушению Люцифера, как космический коррелят того, что в человеке является привязанностью к его низшей природе. Для того, чтобы одухотворить вместе с ним и низшую природу, не вырвать душу из низшей природы, а одухотворить вместе с человеком и его низшую природу, для этого нужно было определенное устройство, притом бессознательное; так как в сознании это не могло разыграться, иначе человек опустился бы до животного, иначе человек сознательно последовал бы своей низшей природе. В низшей природе должно было быть нечто бессознательное, чему бы он не следовал сознательно, а как человек, как земное существо он следовал бы тому, что как божественное вливалось в его низшую природу. Особенно заботился о том, чтобы человек остался на Земле, Бог Ветхого Завета, Бог Ягве, и он этим таинственно связан с Луной, что вы найдете и в «Очерке тайновидения». Из этого можете понять, что описывать Луну как прямо-таки восьмую сферу, тогда как восьмая сфера является той силой, той сферой, которая притягивает Луну, – значит делать это материалистически. А Блаватская под влиянием своего искушения проявила совершенно особое коварство, когда в своем «Тайном учении»

и «Тайной доктрине» дискредитировала Бога Ягве как просто Бога Луны и вознамерилась поставить Люцифера на его место, и хотела представить Люцифера как друга этого Духа, к которому он относится в указанном мною смысле.

Бога Ягве она хотела представить как Бога только низшей природы, тогда как низшей природе было привито то, что было сопротивлением Люциферу.

Вы видите, как опасно представлять истины, которые могут быть искажены так, что превращаются в свою противоположность. Блаватская была соблазнена определенными существами, которые стремились соблазнить её к тому, чтобы на место Христа поставить Люцифера, это должно было быть достигнуто тем, что о восьмой сфере миру была бы представлена именно эта противоположность истины, и был бы дискредитирован Бог Ягве, когда он был представлен просто как Бог низшей природы. Так работали те мировые силы, которые хотели способствовать материализму, они старались достичь этого и посредством того, что называлось теософией, ибо материализм скатился бы в самые ужасные бездны, если бы люди пришли к вере, что Луна, в смысле Синнета и Блаватской, действительно является восьмой сферой, и против христианства непременно надо бороться.

Но тут дело касалось только того, чтобы в низшую природу внести противовес Люциферу, пока человек не развил бы свое "я" таким образом, как это произошло ко времени Мистерии Голгофы. Ведь очень недооценивается то, каким приглушенным было "я" в древности. "Я" выступило только в столетиях, предшествовавших Мистерии Голгофы. Тогда дело уже было не в том, чтобы в подсознательную, бессознательную природу внести то, что противодействует Люциферу; тут должно было прийти то, что человек может принять в свое сознание: Христос, который является дальнейшим развитием (die Fortentwicklung) Бога Ягве. Христос должен был прийти, чтобы теперь сознательно, посредством исповедания Христа, человек противился простому одухотворению, стремление к которому идет от Люцифера. Ибо Христос сошел на Землю для всех людей. И только посредством того, что мы чувствуем связь со всеми людьми, принадлежим мы Земле; в соединении с людьми и в том, что мы делаем для соединения с людьми, для полной целостной связи, содержится глубокое понимание Христа.

Видите ли, когда люди жили с не полностью развитым "я" (до Мистерии Голгофы) и проходили через врата смерти в духовный мир, то вступали тогда в связь с Архаями,

Архангелами, Ангелами. Однако поскольку они тут на Земле еще не имели полностью развитого "я", то после прохождения врат смерти им не нужно было развивать сознательной связи с высшими сущностями. Посредством атаквистических сил, находящихся в них, упорядочивалась эта связь. Однако с Мистерии Голгофы – не посредством Мистерии Голгофы, а с этого времени – положение изменилось для человечества. Давайте посмотрим, как все изменилось!

Скажем, несколько человек проходят через врата смерти; или: один человек проходит через врата смерти, а другие остаются тут на Земле. Ведь пройдя через врата смерти, человек остается человеком, и наше отношение к нему не может измениться, если мы хотим быть с ним в правильной взаимосвязи. А теперь обдумаем следующее: человек, поднимаясь в духовные миры (сегодня, когда мы живем во времени после Мистерии Голгофы), поднимается через иерархии Ангелов, Архангелов, Архаев, и так как он теперь находится во времени, когда тут на Земле уже развилось его "я", то у него есть и сознание для других иерархий, стоящих выше. Это значит, что он сознательно переживает те силы, которые вливают в него еще более высокие сущности, чем Архай. Что же это означает? Возьмем определенный случай, скажем, у кого-то скончался очень дорогой для него человек; он же остался. Тот, кто прошел через врата смерти, сохраняет в течение ряда лет связь с определёнными склонностями, направлениями, которые он имел тут в жизни; однако благодаря тому, что он тут в жизни как человек развил "я", сразу же после прохождения через врата смерти для него становится осознанной перспектива следующей инкарнации; разрешение это находит в том, что я в «Драмах-Мистериях» назвал "полночью бытия" ("мировая полночь" – апогей восхождения человеческой души в сфере Сатурна, где решается её дальнейшая судьба, после чего начинается нисхождение вниз по планетарным сферам к новому воплощению на Земле – примеч. ред.); однако кое-что из этого вступает в человеческое сознание уже вскоре после прохождения через врата смерти. И когда человек находится в таком состоянии, то в нем уже живет то, что отводит его от условий существования в предшествующей жизни. Скажем, в последней жизни он принадлежал определенному народу. Тот, кто остался тут, продолжает принадлежать этому народу своим физическим телом. А тому, кто умер, уже передаются силы совсем другого народа. Как может связь между тем, кто живёт здесь, и тем, кто умер, оставаться реальной, идти за пределы

смерти в неослабленном виде? Только в том случае, если оставшийся тут имеет понимание того, что находится выше уровня Ангелов, Архангелов, Архав. Это значит: выходит за пределы того, что можно развить как склонности в человеческих сообществах тут на Земле. Если бы некто тут оставался в качестве члена определенного народа, а к нему стремился бы умерший, который уже готовится к принадлежности к другому народу, то связь любви не могла бы оставаться неомраченной. Только благодаря тому, что оба исповедуют Христа, понимают Христа в том, что выше всех дифференциаций людей, может их союз быть надземным. Ибо, что сказал Иоанн, когда Христос Иисус пришел креститься? «Вот Агнец Божий, который берёт (на Себя) грех мира» (Ин. 1,29). – Слово, от всего значения которого человек побледнел бы, если бы смог понять всю тяжесть его.

Можно поставить вопрос: почему же победил Христос, а не Митра? К тому времени, когда христианство распространилось с востока на запад, одновременно распространилось и служение Митры вдоль всего Дуная до западной Европы, до Франции и Испании. Однако служение Христа победило служение Митры. Почему? Потому что служение Митры выросло из восхождения над Ангелами, Архангелами, Архавами и посредством этого восхождения стремилось достичь просветителя и управителя мира. Однако кем же является Христос? Христос – Тот, Кто взял на себя ради развития Земли всё то, что связано с Ангелами, Архангелами, Архавами, что человека приковывает к Земле. Он несет грехи мира: это значит – те грехи, которые вошли в мир посредством человеческой дифференциации. Это существо, по отношению к которому надо сказать себе: Я принадлежу отдельному человеческому сообществу; однако тем, что я принадлежу отдельному человеческому сообществу, то есть тем, что связано с земным, я отделяюсь от небесного. От этого меня может освободить только такое существо, которое не имеет ничего общего с человеческой дифференциацией. Только тем, что "я" понимаю Христа во мне, Который возносит меня над земными различиями, Который учит меня ощущать, как то, что вызывает земные различия, есть страдание, приносит смерть, – только таким путем нахожу я вновь связь с духовными мирами. Всё, вошедшее в человечество посредством дифференциации, снято с человечества в результате того, что Христос вошел в мир. Поэтому Христос не мог быть богом Митрой, поднимающим человека над собой, а Богом, который сошел на Землю и снял грехи, упразднил грехи

дифференциации, различия. Митра мчится через мир, с мечом в руке, поражая низшую природу, чтобы ее убить; под ним умирает низшая природа. Христос принимает облик Агнца Божия, который принимает на себя низшую природу, чтобы освободить эту низшую природу.

Многое содержится в этом сравнении, бесконечно много! Поэтому мысль о Христе неотделима от мысли о смерти и мысли о воскресении. Только когда мы знаем: хотя то, что приводит человека на Землю, и является носителем смерти, в человеке, тем не менее, находится нечто большее, нежели то, что вводит человека в земную атмосферу; в человеке есть Христос, который вновь возводит его вверх, – «In Christo morimur», – если мы это знаем, тогда мы понимаем Христа, тогда мы знаем, что соединены с Ним. Древние изображения богов представляли их триумфирующими существами; а Христа могло изображать только соединение человека со страданием и со смертью, ибо ему приходится выстрадать то, что, как разделение между людьми, идет по всему земному шару. Поэтому Христос становится тем, кто проводит человека через смерть, кто ведет человека назад в духовный мир; благодаря этому, однако, Он становится тем Божественным Существом, к которому возможно приблизиться на Земле, если мы перешагиваем через майю и заблуждение. Как Христос родился тут из лона майи, так должны мы приблизиться к Нему, перешагивая через майю, т. е. апеллируя к Нему во всем, что входит в майю, но не есть майя, а высшая действительность.

Человечеству на Земле понадобится еще много времени, прежде чем оно обратится к такому служению Христа; однако нужно заложить начало серьезному отношению к христианству. Наименее серьезно относятся к нему теологи; они часто спорят о том, творил ли Христос чудеса, изгонял ли Он демонов посредством чуда. Конечно, нам не пришло бы в голову спорить о том, изгонял ли Христос демонов, если бы мы теперь смогли научиться изгонять демонов там, где мы их можем теперь изгонять, если бы мы смогли научиться подражать Христу в сотворении чудес. Пока, – в этом судьба, карма нашей эпохи, – мы только в малой степени можем в высшем смысле изгонять демонов, по сравнению с тем, что было возможно в древности посредством атаквизма. Однако мы можем начать изгонять тех демонов, о которых мы говорили вчера; эти демоны находятся здесь, и это негативное суеверие, думать, что их здесь нет. Чем изгоняем мы их? Человечество убедится, что они изгоняются, когда то, что сегодня не

является священнодействием, станет священнодействием, то есть будет пронизано сознанием Христа. Другими словами, это значит перейти к сакраментализму, когда в то, что совершает человек, входит сознание, что всюду за ним находится Христос, и что он в мире должен делать только то, в чем ему может помогать Христос. Ибо если он делает нечто иное, то Христос должен ему помогать; это значит: Христос постоянно распинается на кресте всё вновь и вновь в человеческих делах. Распятие – это не просто одно единственное действие, распятие – это продолжающееся деяние. Пока мы не изгоняем демонов тем, что живет в нашей душе, тем, что внешнее механическое действие превращаем в священнодействие, мы распинаем Христа. Ибо отсюда должно начаться наше воспитание к истинному христианству. То, что в древних культах христианства осуществлялось символически, должно теперь охватить весь мир; то, что совершалось только на алтаре, должно охватить весь мир; человечество должно научиться так обращаться с природой, как сами Боги обращались с природой: не строить машины безразлично, а при всех действиях выполнять священнодействие, вносить сакраментализм во всё.

Кое в чём можно было бы положить начало уже теперь.

Прежде всего, в двух пунктах могут люди сегодня начать развивать сакраментализм. Это, прежде всего, воспитание и обучение. Если на каждого человека, вступающего в мир через рождение, смотреть, как на несущего с собой силу Христа, то у нас будет почитание перед растущим человеком, и в соответствии с этим мы устроим все воспитание и обучение, то есть, в обучении будем осуществлять сакраментализм (об этом когда-нибудь мы будем говорить яснее); когда в воспитании и обучении будем видеть богослужение, и превратим их в богослужение, тогда начнем мы спиритуализировать то, что религии называют крещением. И если мы попробуем вносить в своё сознание то, что мы называем нашим познанием, так, чтобы при наполнении нашей душа идеями о духовном мире, мы сознавали: духовное переходит в нас, мы соединяемся с духовным, если мы смотрим на это как на причастие, если мы в состоянии осуществлять истинное познание, – мышление есть истинное причастие человечества, вы найдете высказывание об этом уже в 1887 году, – тогда то, что было символическим алтарным сакраментом, станет всеобщим сакраментальным переживанием познания. В этом направлении должна идти христианизация людей; тогда придут они к тому, что всюду в жизни для всего, что связано с

Христом, действительность будет входить в майю, тогда они поймут, что мировоззрение новейшей науки, его взгляд на действительность является не христианским, в самом значительном смысле не христианским. Удивительно, с какой легкостью принимают сегодня люди всё не христианское, и как мало склонны они принять то, что как христианство соответствует нашему времени. Хотя ещё и мало заметно то, что, я бы сказал, как бы из смутного инстинкта оказывает противодействие материализму, но, тем не менее, оно есть; только это сопротивление идет ложным путём и вместо того, чтобы обратиться к духовной науке, ошибочно обращается к старым религиям. Надеюсь, вы простите мне, если теперь для наглядности я приведу пример, касающийся близкой мне ситуации. Может быть, я тут уже обращал ваше внимание на личность, с которой я был довольно близок в молодости, и которая теперь начинает духовное искание. Это Герман Бар. Поиск не приводит его к духовной науке; она его мало интересует. Если возьмете его прекрасную, остроумно написанную книгу об «Экспрессионизме», то увидите, что он начинает интересоваться духовной наукой, но до неё – это видно из самой книги – он знал о духовной науке только то, что прочел в книге Леви о моем мировоззрении и его противниках. Он еще не нашел пути действительного углубления.

Однако интересно, что он написал роман, где герой знакомится со всем, что характерно для современности: с современной химической лабораторией и т. д., он слушает в Лейпциге Оствальда, немного общается с теософами в Лондоне и т. д., герой, который пробегает через всё, что современность дает как спиритуальные сенсации; он обращается и к спиритизму. Потом кто-то – я уже не знаю кто – дает ему упражнения, эзотерические упражнения, он их делает некоторое время. Но он нетерпелив, делает их недолго, не достигает никаких результатов, оставляет их, так же, как оставлял и всё другое. Затем он проходит через знаменательные переживания; и самым интересным было для меня, что кое-что в этой книге удивительно перекликается с тем, что именно в самое последнее время говорил я в лекциях, даже об актуальных происшествиях, хотя я не видел Германа Бара уже двадцать лет, только однажды очень коротко, и тогда не было речи о мировоззренческих вопросах. В последнее время Герман Бар написал драму «Голос». Она была поставлена. Я не хочу выступать в защиту этой драмы, просто потому, что Герман Бар не ищет пути к духовной науке, этот путь для него слишком труден, а делает шаг назад в

ортодоксальный, или скажем так, новейший католицизм; однако он всё же ищет спиритуальную жизнь. И интересно, как же это происходит. Герой драмы женат на даме, дочери ортодоксальной матери; она и сама очень ортодоксальна, однако к своему христианству относится с глубочайшей серьезностью, с большей, чем можно требовать от человека. Герой же драмы – ученик Оствальда, Геккеля, совершенный материалист. Жена и теща, которые очень серьезно относятся к христианству, болезненно переживают его оствальдианство и геккельянство, то, что он ничего не хочет знать о духовном мире. И переживания жены так сильны, что она от этого умирает. Однако во время болезни у неё появляется решающее ощущение: она хочет умереть, чтобы из духовного мира помогать своему мужу. И она умирает. После её смерти муж однажды едет в поезде. Он и раньше часто как бы из неясной мглы слышал голос своей жены. Теперь, в поезде, в купе, он очень внятно слышит голос жены. Это приводит его в почти сумасшедшее состояние, он выскакивает из вагона. Он как в беспмятстве на вокзале, в зале ожидания. И тут он слышит, что поезд, из которого он выскочил, потерпел катастрофу. Приносят раненых и т. д. Он видит, что голос жены спас его, вывел из поезда, иначе он бы тоже погиб. Так первый раз для него голос жены приходит в связь с реальными событиями. Я не хочу это осуждать; я просто хочу рассказать, что пишет современный человек сегодня. Теперь, спасшись посредством явного чуда, действия существа жены из потустороннего мира, он побуждается к новым размышлениям о связи человека с духовным миром. Позднее, однако, он всё чаще понимает, что жена подаёт ему вести, и благодаря этому интимному контакту между его душой и душой умершей жены он в истинном смысле возвращается к христианству, преодолевает материалистическое мировоззрение.

Тут мы, во всяком случае, видим, – хотя мы не собираемся отстаивать эту драму, – что и сегодня есть люди, которые стремятся внести в жизнь воззрение, будто в великой иллюзии, в майе может раскрываться истина духовного мира. Только чистое постижение христианства сможет перекинуть мост между жизнью тут на Земле и жизнью в духовном мире. Однако потребность в этом мире испытывает уже очень, очень многие люди, хотя они образуют маленькую кучку по сравнению с большим числом тех, кто или застрял в традиционных религиях, также подпавших материализму, хотя они и не признаются в этом, или увязли прямо в материализме и не имеют действительной связи с духовным миром. Как сказано,

мы не будем защитниками драмы Бара, однако на одно она указывает: человек не может миновать проблемы смерти, если он действительно хочет понять христианство; ибо одним из самых интересных вещей в этой драме является то, что она исходит из того отношения между человеческой душой и человеческим телом, которое выводит за врата смерти. Но в ней имеется и фундаментальная ошибка: вместо того, чтобы вести к христианству, истинное начало которого стремится заложить духовная наука, она хочет опять вернуть человека к одному отдельному исповеданию.

Если бы люди только захотели когда-нибудь так понять Христа, как я указал сегодня, – и если у нас будет возможность чаще беседовать тут, я скажу об этом больше, – если бы люди смогли так понять Христа, как это было показано только что в самых начальных, примитивных намеках, тогда бы ощущения, представления, которые развиваются о Христе, можно было бы действительно понести ко всем людям, ибо Христос умер не только для тех, кто исповедует распространенное теперь христианское исповедание, но Он умер и воскрес для всех людей. И нельзя определенное религиозное исповедание соотносить с Существом Христа, а каждое религиозное исповедание должно соотноситься с христианством. Если бы люди смогли так понять Христа, как было указано тут, то тогда христианство распространилось бы на всей Земле. Ибо откровение Христа и откровение Иисуса представляют собой нечто разное.

Если мы как миссионеры пойдем в чужие края или к туземцам, и захотим навязать им служение Иисуса в том или ином исповедании, то они нас не поймут, потому что часто эти люди знают больше того, что должен принести к ним тот или иной миссионер. Ибо хотел бы я знать, что, например, сказал бы турок, если бы новейший протестант принес ему свое понимание Христа, понимание новейшего протестантского пастора; это понимание Христа – весьма характерное для протестантских пасторов – таково, что был некий Сократ, а затем другой человек, который был больше, чем Сократ, – Христос, человек, хотя и особенный, но всё же человек; или если бы принесли те путаные понятия, которые в новейшем протестантизме высказываются о Христе. Турок сказал бы ему: Как, ты рассказываешь такое, и хочешь быть христианином? Прочти-ка в Коране 19-ю суру: там ведь говорится гораздо больше о Христе, чем рассказываешь ты! Турки знают гораздо больше о Христе Иисусе, чем протестантские пасторы рассказывают о Христе Иисусе, так как в Коране, в турецком

вероисповедании, написано больше, там Христос гораздо ближе подводится к божественности, чем в новейшем протестантском вероисповедании. Этого не знают, так как сегодня очень мало читают религиозные первоисточники и говорят много поверхностного о всевозможных религиях.

И откровение Иисуса придет к людям правильным образом. Однако они сами должны дойти до этого. И они придут к этому, когда пройдут через достаточное число инкарнаций. Для откровения Христа сегодня каждый созрел до определенной степени. Это различие надо делать. Однако многие силы работают для того, чтобы не смогло прийти действительное откровение Христа и действительная духовная наука. Нам надо только вспомнить некоторые вещи, которые я рассказал в последнее время о всяких устремлениях, называющих себя оккультными.

Тут я хотел бы, собственно, закончить мою сегодняшнюю лекцию. Только кое-что добавлю.

* * *

По совершенно определенным причинам я не хочу это относить к самой лекции. И вы сразу увидите причину. То, что я говорю в лекции, я говорю, не проявляя особой сдержанности, то же, что я скажу теперь, я скажу предварительно, с некоторой сдержанностью, и потому отделяю это от самой лекции. Однако я этому придаю определенное значение именно в связи с нашими нынешними рассматриваниями и поэтому хочу все же уже сегодня указать на это.

Я говорил, что в середине XIX века был пик материализма, и тогда те люди, которые знали о необходимости того, что духовная жизнь всегда должна быть у человечества, думали о том, как преподать человечеству то, что в нашем окружении действительно находятся духовные существа, духовные воздействия. Однако, как я говорил, руководящие оккультисты тогда разделились на таких, которые говорили: человечество еще не может принять этих вещей, и на таких, которые в середине XIX века сказали: человечество могло бы элементарным образом быть введено в значительнейшие понятия духовной жизни. Число последних, тех, которые стоят за обучение, за распространение учения, сегодня очень уменьшилось. Однако наше антропософское движение имеет убеждение, что сегодня нужно распространять учение так, как мы делаем это, и таким образом должно быть передано человечеству духовное богатство. Этот вопрос встал в сороковых годах XIX века, однако большинство было другого

мнения, и поэтому договорились пойти по другому пути, по пути спиритизма. Попытались на пути медиумизма показать, что такие личности, которых можно рассматривать как медиумов, могут, – я ведь охарактеризовал эти вещи тут, – получать вести из духовного мира, и таким путем можно установить связь с царствами духа. Я уже говорил о том, что вся эта попытка потерпела неудачу. Ибо если бы она удалась, получилось бы то, о чем говорил я в лекции, прочитанной в Берне: тогда бы узнали, каковы различные ступени связи с умершими. Но на это они не хотели пойти. И тогда пришли к полной неудаче. Медиумы самым примитивным, элементарным образом давали знать: они состоят в непосредственной связи с каким-нибудь умершим, и люди хотели посредством медиумов получить вести от определенных умерших. Заметьте, этим не говорится, что когда имеется медиум и с ним экспериментируют, через него невозможно получить какую-нибудь связь с конкретным умершим. Однако имеется различие, является ли это бессознательным, настоящим, правильным посредничеством, и тем, может ли это вообще иметь место. То, чего ожидали, было совершенно иным. Ожидали следующего: что посредством медиумов узнают, что в человека постоянно вливаются духовные силы, подобно чувственно-воспринимаемым силам, так что поле духовного надо искать в непосредственном окружении, а не в вестях от того или иного отдельного умершего.

Так как всё это оказалось неудачей, серьезные оккультисты отказались от этого спиритического опыта, и человечество теперь должно платить за это тем, что медиумами завладели оккультисты всевозможного толка, оккультисты, которые идут не чисто оккультными путями, а путями, ведущими к каким-либо особым, специальным человеческим целям.

А я ведь часто объяснял: тот, кто хочет быть настоящим оккультистом, не может служить какой-нибудь особой человеческой цели, а только лишь всеобщей человеческой цели. И первое требование к нему состоит в следующем: он никогда не имеет права применять плохие средства, неправильные средства для достижения тех или иных целей. Однако, что только не называют сегодня оккультизмом! Вы можете получить представление о том, что сегодня могут назвать оккультизмом, прочитав отчет, где переданы речи, сказанные на последнем теософском собрании миссис Безант и мистером Лидбиттером, где современные события представлены как великая битва между Властями Света, – на чьей стороне, разумеется находятся и миссис Безант и

господин Лидбиттер, – и Властями тьмы, и где сказано, что каждый, кто занимает нейтральную позицию, действительно нейтральную позицию сам по себе и не становится на какую-нибудь сторону, – само собой разумеется, на сторону Властей Света, за которых стоят миссис Безант и мистер Лидбиттер, – тот предатель. На этом собрании говорилось еще многое другое, например, Лидбиттер на основе фундаментального оккультного исследования рассказал, что перед 1870 годом Бисмарк поехал во Францию и на севере, юге, востоке и западе Франции устроил магнетические центры. И во время войны 1870/71 годов действовали эти магнетические центры, установленные Бисмарком в первую очередь во Франции, иначе война с Францией была бы проиграна. Такие вещи слушают люди сегодня на теософских собраниях! Можно удивляться, когда слышишь, что происходят подобные вещи. Однако, как сказано, разного толка оккультизм существует в современности.

Значительно тут то, что после того, как серьезный оккультизм отказался от спиритизма, спиритизмом завладели люди, преследующие особые цели. А это очень легко. Я прошу запомнить это как предпосылку для того, что я хочу теперь сказать: спиритизм был внесен в мир как честный опыт для испытания современного человечества, созрело ли оно для восприятия духовных истин; опыт не удался, и всевозможные течения оккультных братств и отдельные люди, а именно из Америки, попытались завладеть медиумизмом и таким путем преследовать определенные особые цели. Что теперь я хочу рассказать как приложение, я рассказываю потому, что вчера наш дорогой друг, господин Хейвуд-Смит, сообщил о книге опытов сэра Оливера Лоджа. Я повторяю, что теперь я говорю со всей сдержанностью, так как пока имею только одно сообщение, довольно содержательное, но я хочу оговорить, что когда получу книгу, к этому вопросу еще вернусь. Однако я этому придаю особое значение, и хотел бы сегодня поговорить об этом. Если сообщение окажется неправильным, я конечно – поэтому-то я и говорю сдержанно, – поправлю то, что будет сказано сегодня.

Ведь это чрезвычайно значительный факт, что один из выдающихся величин научной Англии, Оливер Лодж, знаменитый естествоиспытатель, написавший уже несколько книг, где он признает духовный мир, написал книгу, которая, принятая в том смысле, как она написана, стала бы самым значительным, что можно сказать в наше время. Факты таковы:

У сэра Оливера Лоджа был сын, 1889 года рождения, который в начале войны вступил на военную службу, когда Лодж и его супруга были в Австралии; затем в марте 1915 года Раймонд Лодж, так звали сына, попал в очень опасное место военных действий, и, конечно, родители были в большом беспокойстве. Тогда Оливер Лодж получил от миссис Пайпер из Америки сообщение, написанное в августе 1915 года. От миссис Пайпер, медиума, получил он сообщение с удивительным содержанием: Мьерс будет помогать Вам в том, что судьба принесет Вам, и будет Вас защищать. – Только это было подано в классической форме. Итак, Оливер Лодж получил от американского медиума написанное в августе сообщение, что Мьерс, бывший председатель общества психических исследований в Лондоне, умерший четырнадцать лет назад, в тяжелом случае, который постигнет сэра Оливера Лоджа, будет ему помогать и защищать его. Прошу заметить, что в этом сообщении, кроме этого, ничего не говорится.

И вот в сентябре 1915 года его сын Раймонд Лодж пал на поле боя, и тут сэр Оливер Лодж соотнес в своих мыслях сообщение о помощи от Мьерса со смертью сына. И тут семья сэра Оливера Лоджа вошла в связь со всевозможными медиумами; многие из них поставили себя в их распоряжение; они приносили различные сообщения. И все эти сообщения шли в одном направлении: твой сын, или ваш сын, – сеансы проводились и с леди Лодж, – находится вместе с Мьерсом; Мьерс ему помогает, и теперь для вашего сына очень важно, чтобы вы получали от него сообщения, чтобы, таким образом, сэр Оливер Лодж получил связь с духовным миром. – Если прочесть сообщения отдельных медиумов, представленные в книге, можно с точностью заметить, что всюду имеются интересные градации; всё это выступает в совершенно определенный момент. Ставятся вопросы и так далее, медиумами даются ответы, всё протекает чрезвычайно интересно. Доходит до того, что фото Раймонда Лоджа, которое не знали в семье, находится по указанию умершего сына, он описывает его, и его находят точно соответствующим описанию. Короче, в этой книге кажется с невероятной точностью собранным то, что можно получить на многих спиритических сеансах. Сэр Оливер Лодж и раньше был склонен к таким вещам, однако его сыновьям это явно не нравилось; однако то, что происходило теперь, убедило и их. Самым подробным образом описывает сэр Оливер Лодж, как посредством различных медиумов был перекинут мост к его сыну.

Значительным во всем этом является то, что такая почетная личность была вынуждена на пути медиумизма искать связь с духовным миром. Я должен сказать: моё впечатление таково, что эти сеансы ничего особенно нового не дают. Значение имеет другое, то, что личность первого ранга современности, ученый, книга которого может иметь большое влияние на интеллект людей, побуждается писать подобным образом. Это имеет большое значение, так как приводит многих к медиумизму, на этот путь поисков связи с духовным миром.

Конечно, тут дело касается того, что я охарактеризовал как неудачу в достижении посредством спиритизма той цели, о которой я говорил. А теперь, я прошу посмотреть на это дело пристальнее. В первом сообщении медиума Пайпер, полученном из Америки, говорится только о будущем событии, по отношению к которому Мьерс будет защитником сэра Оливера Лоджа. Это событие могло наступить в различных формах. Допустим, сын не погиб бы, тогда можно было сказать: ведь было указано, что Мьерс защищает из духовного мира твоего сына на поле брани. – Без сомнения, в Америке тоже могли знать о том, что молодой Раймонд Лодж находился на опасном месте военных действий, и поэтому могли говорить подобно древним оракулам: Мьерс будет защищать сына, и если бы сын спасся, – он его защитил, и он избежал смерти; если же он погибает, то Мьерс из духовного мира устанавливает связь его с отцом; и это возможно. Так что первое сообщение было очень хитро составлено. Затея шла из Америки; затем, – эти братства имеют широкое распространение, – к леди Лодж подходит другой медиум. Совсем не нужно знать, как составляется такой анонимный, – как его называют, – сеанс. Сначала все идет так, как обычно на сеансах. Однако теперь трагическое сообщение уже давно как получено; в психике леди Лодж имеются все последствия этой трагической вести. И можно показать, что то, что живет в одной душе, переходит на другую и говорит через медиума. Кроме того, в душе леди Лодж живет сын после смерти известным нам образом. То, что совершается медиумом, это только лишь передача того, что было в душе леди Лодж или в душах других членов семьи. Это можно вынести и из изучения протоколов, так как они отражают характер тех, кто имеет определяющее влияние на сеансах. И имя Мьерса появляется у медиумов, которые Мьерса не знали. Однако это не удивительно, так как сэр Оливер Лодж был в очень дружественных отношениях с Мьерсом, работал с ним вместе

и т. д. Так что, если бы сэр Оливер Лодж экспериментировал в том смысле, чтобы, отвлекаясь от личного интереса к сыну, просто хотел бы доказать, что в нашем окружении имеются духовные воздействия, – как этого хотели вначале – всё было бы хорошо. Но этот путь ведь был оставлен.

Итак, всё дело в том, чтобы как-нибудь, с какой-нибудь стороны использовать сэра Оливера Лоджа для достижения особых, совершенно определенных целей. Наиболее вероятно, что это характерный случай выпада, наступления очень темного оккультного братства, чтобы посредством создавшихся тут констелляций завоевать и науку для спиритизма, который очень хотел бы казаться научным и таким путем очень легко достигать совершенно особых целей.

Ведь из другого места Америки, например, была сделана попытка изгнать реинкарнацию из сознания человека. Что было сделано для этого? В то время, когда, как я говорил, спиритизм уже был оставлен серьезными оккультистами, в разных местах были устроены сеансы, – насколько помню, делал это человек по имени Лансгдорф, – где устанавливалась связь медиумов с умершими, и повсюду умершие свидетельствовали, что тут и речи нет о том, чтобы они ожидали будущей инкарнации. Итак, именно тут велась борьба с учением о повторных земных жизнях. Можно достичь невероятно многого, если преподнести людям что-нибудь как сообщение от умерших.

Так как я в последнее время говорю об этих вещах, и этот случай мне показался особенно показательным, я решился поделиться некоторыми мыслями на этот счет. Ибо, что узнает мир? Мир узнает, что большой ученый признал спиритизм; он прочтет книгу и, очень вероятно, найдет, что никогда спиритизм не бывал так хорошо обоснован, как именно в этой книге. И вероятно, тут мы имеем дело с попыткой так называемого братства левого пути достичь таким путем совершенно особых целей. Как я говорил, я говорю весьма сдержанно и хочу вернуться к этому, когда сам прочту книгу. Существует множество братств, которые таким путем стремятся к достижению своих особых целей; и таким способом можно достичь большего, чем думают. Но и об этих вещах будем говорить в дальнейшем.